

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

СКИФИЯ
ОБРАЗ
И
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ
26–28 ОКТЯБРЯ 2015 ГОДА

МОСКВА 2015

ББК 63.3(0)
УДК 913.1
С 42

В рамках проекта РНФ № 14-18-02121
«Северная Евразия на картах: От Птолемея до современных ГИС-технологий»

С 42 Скифия: Образ и историко-культурное наследие. Материалы конференции 26–28 октября 2015 года / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой, А.В. Подосинова. — М.: Институт всеобщей истории РАН, 2015. — 132 с.

В сборнике помещены материалы научной конференции «Скифия: Образ и историко-культурное наследие», состоявшейся в Институте всеобщей истории РАН 26–28 октября 2015 г. В представленных на конференции докладах на широком историческом материале от Античности до наших дней рассмотрены вопросы возникновения и трансформации образа «Скифии», которому принадлежало ведущее место в восприятии Восточной Европы в Античности и Средние века, — от зарождения в древнегреческой литературе в VI в. до н. э., через Средневековье, вплоть до Новейшего времени. Издание представляет интерес для историков, историко-географов, историков картографии, культурологов, литературоведов, искусствоведов.

Научное издание

© Т.Н. Джаксон, И.Г. Коновалова, А.В. Подосинов,
общая редакция, составление, 2015
© Коллектив авторов, 2015
© Институт всеобщей истории РАН, 2015

ISBN 978-5-94067-439-9

А.Ю. АЛЕКСЕЕВ, Е.Ф. КОРОЛЬКОВА

СКИФИЯ И СКИФСКОЕ В РУССКОМ ИСКУССТВЕ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

1. Существует не так уж много реальных сюжетов и объектов древней истории, которые, выйдя за границы исторического познания, получают новую жизнь в русской культуре уже не в научной области, а в сфере искусства, превратившись в художественный образ и приобретя некое символическое значение. Несмотря на очевидный анахронизм, образ Скифии и «скифского» уже в XIX в. оказался созвучным национальному самосознанию и стал формой выражения определённых идей в российском обществе.

Образ Скифии и «скифского духа» более двух веков является востребованным и используется в различных областях искусства в живописи, в прикладном искусстве, в литературе и в музыке. Это относится как к художественной интерпретации наследия скифов, отразившейся в обильном включении скифских мотивов и сюжетов в декор современных изделий (например, в современном фарфоре Императорского фарфорового завода: Вдохновленные Эрмитажем 2014. С. 68–73, 96–101), так и к возникающим в художественном сознании аллюзиям в связи с различными бытовыми или мифологическими скифскими темами. Особенно ярко это проявилось в публицистике и художественной литературе (прежде всего в поэзии) конца XIX – начала XX века, в эпоху революций и социальных перемен, создавших по сути образ нового революционного человека, новую мифологию и новую духовность, отождествленную с неким «скифским» началом («скифским типом»), которое ассоциировалось в сознании с буйным нравом, природной стихийностью, что носило явственный антибуржуазный характер, и вместе с тем с неизведанными потенциальными возможностями и грозной мощью. Такое смутное ощущение в общественном сознании родства со «скифством» и попытки философского осмысления сущности бытия древних кочевников нашли отражение в литературных и поэтических образах «серебряного века». Именно лите-

ратурная часть тогдашнего «скифства» в настоящее время исследована лучше всего (Солнцева 2010; Созина 2011; Бражников 2011; Христолюбова 2011 и др.).

Скифы и «скифство» ненадолго стали символом революционных изменений в России и более того политически и духовно оказались близки одному из левых политических движений — эсерам. В предисловии к первому сборнику «Скифы», опубликованному в 1917 г., было написано: «Бог скифа — неразлучен с ним, на его поясе — кованный бог. Он вонзает его в курган, вверх рукоятью, и молится — молится тому, чем свершил, и чем свершит... Но, в разрушении и творчестве — он не ищет другого творца, кроме собственной руки — руки человека вольного и дерзающего» (Скифы 1917. С. VII).

После революции 1917 г. «скифская» тема в литературе постепенно теряет актуальность и политическую окраску, сохранившись лишь в сюжетах повестей и романов, где чаще всего приобретает акценты исторического и социального плана (В.Г. Ян «Огни на курганах», трилогия В.М. Полупуднева «У Понта Евксинского», В.Н. Владко «Потомки скифов», Н.И. Ульянов «Атосса», В.Б. Ливанов «Агния, дочь Агнии», В.М. Гладкий «Меч Вийу» и др.).

2. Интерес к этой теме исходно возник в связи с массовыми археологическими раскопками скифских курганов, развернувшимися на территории юга России, начиная с исследования кургана Куль-Оба, где впервые были обнаружены художественные изделия с изображениями скифов. Результаты этих археологических исследований освещались в печати, и публикации наиболее ярких и необычных находок привлекали внимание не только специалистов-историков, но и широкой общественности.

Особенный интерес успехи археологов вызывали у представителей художественной интеллигенции. Многие художники принимали участие в раскопках, которые открыли для них неведомый до тех пор исторический мир, поразивший роскошью и своеобразной эстетикой, и сделали его осязаемым и манящим.

Непосредственные источники заимствований в искусстве не всегда могут быть определены уверенно, но для литературных текстов это и чаще, и скорее всего, нарративные данные, а среди них — четвертая книга «Истории» Геродота. Примечательной особенностью освоения данного материала в это время было прямое увязывание со скифами исторического прошлого славянства и России,

что в действительности противоречило историческим реалиям, но позволяло свободно манипулировать этими сведениями и находилось в русле растущего интереса к отечественной истории.

3. Но, помимо обильного литературного пласта, «скифство» отразилось, правда, в гораздо более скромных масштабах, в русском изобразительном искусстве, скульптуре и даже музыке, где обращение к тематике древней истории и попытка художественного осмысления исторических корней с поисками аллюзий на современность в целом вписывались в стилистическое течение историзма, ставшее популярным во второй половине XIX в. во всех видах искусства, начиная от архитектуры и заканчивая живописью. Как и в других странах, это направление увязывалось в России с развитием национальной идеи. Интересным примером в этом аспекте служит художественно исполненная резная рама для большеформатного живописного полотна И.Е. Репина «Приём волостных старшин императором Александром III во дворе Петровского дворца в Москве» (1884 г.). Эта картина была официальным программным произведением, символизирующим направленность правления императора, что определило стилистические характеристики картины, включая и оформление уникальной резной рамы, содержащее композиции, заимствованные из эллино-скифского искусства. Картина вместе с рамой представляет собой единый «текст» и играет роль манифеста. Таким образом, скифские сюжеты в обрамлении картины символически увязываются с содержанием политической программы «самого русского» из российских государей, а скифские мотивы трактуются в контексте российской государственности.

В разных видах искусства, так же как и в поэзии (особенно заметно у раннего В.Я. Брюсова в «Скифах»), развитие скифской темы происходило от почти этнографического понимания и восприятия («Бой скифов со славянами» В.М. Васнецова, «Скиф» Л.В. Позена), характерного для реалистического направления в искусстве, к условному и символическому («Скифка» или «Голова скифской девушки» С.Т. Коненкова; «Скифская сюита» С.С. Прокофьева).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бражников И.Л.* Русская литература XIX–XX веков: историософский текст. М., 2011.
- Вдохновленные Эрмитажем. Каталог выставки. СПб., 2014.
- Скифы. Сборник 1-й. Пг., 1917.
- Скифы. Сборник 2-й. Пг., 1918.
- Созина Е.М.* Скифский текст в творчестве И.А. Бунина // Вестник МГОУ. Сер. «Русская филология». 2011. № 5. С. 151–154.
- Солнцева Н.М.* Скиф и скифство в русской литературе // Историко-культурное наследие: Ученые записки Орловского государственного университета. 2010. № 4. С. 147–159.
- Христолюбова Т.П.* Истоки «скифства» в русской культуре // Традиционная и современная культура: история, актуальное положение, перспектива. Материалы международной научно-практической конференции. Пенза; М.; Минск, 2011. С. 43–48.

В.А. АРУТЮНОВА-ФИДАНЯН

«СЕВЕРНЫЕ ПЛЕМЕНА» В РАННЕЙ АРМЯНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ V–VII ВЕКОВ

Иранские кочевые племена рано появились на территории Армянского нагорья. Этногенез армянского народа, истоки которого восходят к III тыс. до н.э., длился много веков и включал в себя синтез разных племен. Главную роль в этногенезе армян и создании армянской государственности сыграли два племенных союза на северо-западе и юго-западе Армянского нагорья: Хайаса-Аззи (сер. II тыс. до н.э.) и Арме-Шубриа (XII–VII вв. до н.э.). В IX–VIII вв. до н.э. на Армянском нагорье (верховья Евфрата и окрестности оз. Урмия) было распространено ираноязычное население, которое проникало в Переднюю Азию с севера через Кавказ. В пределах Урартского государства ираноязычные племена существовали до включения областей их обитания в состав Урарту. Исследователи считают также, что древнейший пласт иранизмов в северном и южном Причерноморье, в частности, в Приурмийском районе и соседних областях, был результатом распространения в регионе ранних (до X в. до н.э.) иранских племен. На изделиях из археологических комплексов Западного Ирана и Армянского нагорья IX–VIII вв. до н.э. изображены андрогинные или парные божества, принадлежащие к ирано-урартскому койне.

Второй этап иранского вмешательства в этногенез армян происходит в VII в. до н.э., когда в Переднюю Азию вторгаются киммерийцы, а затем скифы из степей Северного Причерноморья, создавшие во второй половине VII в. до н.э. царство ираноязычных скифов. В восточных источниках появление скифов в Передней Азии трактуется не как переселение, а как военный поход. Колаксай — младший из сыновей Таргитая (первочеловека скифской генеалогической легенды), — по преданию, праотец воинского сословия. Урартская цивилизация была разрушена «северными варварами», и в результате взаимодействия народа-войска с мест-

ным населением военное божество становится универсальным богом формирующегося скифского государства.

Господство скифов на большей части Малой Азии, Армении и северного Ирана закончилось их разгромом в 20-х годах VII в. до н.э. силами мидян, персов и армян; тот же союз нанес сокрушительный удар царствам Ассирии и Урарту. В начале VII в. до н.э. Закавказье было наводнено скифскими племенами, которые постепенно растворялись в армянской (или грузинской) среде, в частности, бассейн реки Чорох в VII–VI вв. до н.э. был заселен скифскими племенами, подчинившими местное население, а во второй половине I тысячелетия они были арменизированы в процессе этногенеза.

Присутствие скифов на Армянском нагорье отразилось и в топонимике, и в антропонимике, и в фольклоре. Армянские историографы называли армян «родом асканазовым» (то есть скифским). Первый (после разгрома Ассирии) армянский царь именовался Паруйром Скайорди (сын сака-скифа). Некоторые исследователи рассматривают связь генеалогического древа народов Кавказа у Леонтия Мровели со скифской легендой о первопредке Таргитае, (предание закавказских горцев о Таргамосе). Античная традиция связывает происхождение парфян и династии Аршакидов (правителей Парфянского царства и Армении) со скифским миром. Д.С. Раевский считает, что сопоставление всех изображений лучника на монетах Аршакидов показывает, что на них зафиксирована передача лука — то есть сюжет скифской генеалогической легенды (испытание сыновей Таргитая и вручение лука как символа власти младшему из них).

На летних пастбищах Армении, Грузии и других горных регионов обнаружены огромные мегалиты — вишапы (каменные рыбы, до 4,5 м). Первые вишапы датируются XVIII–XVI вв. до н.э., эти божества впервые возникли у древних скотоводческих народов как хранители скота, водопоев, пастбищ и родников. Вишапы высечены из целого камня, и на некоторых из них обнаружены изображения буйволовых, воловьих и бараньих голов со шкурою. Возможно, эти изображения сделаны много позже создания вишапов. Из рта жертвенного животного обычно извергаются струи воды, иногда вода изображается ломаной линией сбоку от шкуры. Среди волнистых линий, обозначающих воду, иногда высечена

змея. Один из вишапов из Токман-гёль несет на себе не только изображение шкуры животного с рельефной головой и двух голов змей, но и двух фигур длинноногих птиц, журавлей или аистов в средней части. Птицы олицетворяют небо — верхний мир, рыба или змея — мир нижний, хтонический, животные — срединный мир (землю). В основе скифских фантастических синкретических образов, объединяющих черты разных животных, лежит попытка моделирования космоса посредством соединения в одном персонаже тех зооморфных существ, которые маркируют разные космические зоны. Можно предположить, что на вишапах изображена некая космограмма, модель, демонстрирующая единство мира. На золотых ножнах кинжалов (акинаков) из Мельгуновского и Келермесского курганов (начало VI в. до н.э.) изображены львы с головами грифонов, быков и баранов, с крыльями в виде рыб, напоминающие образы вишапов кавказского фольклора.

Древнеармянское царство было основано по иранскому образцу, армяне были хранителями домусульманских иранских преданий, их культура, религия и художественные вкусы были сформированы иранским миром. Переход к новой христианской религии (в нач. V в.) означал крушение дохристианской цивилизации, коренную ломку менталитета, что и привело к «войне с язычниками», к борьбе сторонников Ирана и Восточно-Римской империи. Интересно, что противниками Христа в разных регионах Армянского нагорья (Тарон — на западе, Алуанк — на востоке) были не боги армянского языческого пантеона и даже не представители синкретических армяно-ирано-греческих культов, а древнее индоиранское военное божество — бог неба, бог-громовержец Куар (Гисанэ). Иранское имя **Hvardâta* с разной передачей *hvar-*, *hur-* означает «данный Солнцем» (арийское или индийское **S(u)vardata*, как следует из документов II тыс. до н.э.). В имени Куар явно звучит *Hwar* — «солнце». Поклонение богу-солнцу в иранской среде (индоиранской, скифо-сарматской, сармато-аланской) достаточно хорошо исследовано. В.И. Абав толкует имя *Κολάξαις* (Колаксай — сын Таргитая) из скифской генеалогической легенды как соответствие иранскому **Hwar* — *xšaya* — «владыка Солнце, Солнце-царь». Ипостась бога неба как божества Солнца несомненно древнее его ипостаси бога грозы.

Ираноязычные племена принимали участие в этногенезе армянского народа (IX–VII вв. до н.э.), а позже новые волны кочевого иранского мира (до VII в. н.э.) вливались на Армянское нагорье, и культ Куара, принесенный первыми индо-иранцами, закреплялся, возможно, новыми пришельцами (аланы, маскуты-массагеты).

О «северных племенах» и их военных походах, внешнем облике, верованиях, быте, нравах и обычаях, методах войны и оружии рассказывают Мовсес Хоренаци (V в.), авторы «Бузандарана» (V в.), Себеос (VII в.), «Армянская география» (VII в.), Левонд (VIII в.), «История страны Алуанк» (X в.). Мовсес Хоренаци, например, повествует о нападении аланов на Армению, об их поражении, о заключении мира и женитьбе царя Арташеса на аланской царевне Сатиник. Родственники Сатиник Аравелеаны «аланского племени» вошли в состав армянской господствующей элиты, получив сан нахараров. Военные конфликты и последующие мирные отношения армян с «северными» (ираноязычными) племенами отражены и в рассказе о битве «северян» с царем Трдатом III (287–330). Армяне разбили «северное» войско, а затем Трдат, по Мовсесу Хоренаци, «объединяет весь Север», и собрав свое войско и сведя «северные» и армянские отряды в единую армию (то есть сделав «варваров» союзниками) двинулся «на Персидскую страну». Мовсес Хоренаци и авторы «Бузандарана» рассказывают о нашествии северных племен в 335 г. в дни царя Хосрова (330–338): «О разбойничьем набеге царя мазкутов на землю, подвластную армянскому царю, о происшедшей большой войне и о том, как он погиб вместе со своим войском». Царем мазкутов был Санесан, который владел рядом областей Великой Армении и как Аршакид мог претендовать на армянский трон.

«История страны Алуанк» включает в себя не только военные конфликты с северными племенами, но и описание миссионерской деятельности в их среде, а подвиги и страдания христианских проповедников составляют основную канву истории Алуанской Церкви. В источнике VII в. («История 684 г.»), включенном в «Историю страны Алуанк», миротворческая миссия епископа Исраэла переходит в миссионерскую, когда епископ узрел «суеверие несчастного народа». «Если громогласное огненное сверкание молнии, обжигающее эфир, поражало человека или другое животное, то они считали, что это жертва, посвященная богу Куару, и служили ему.

И еще почитаемому ими идолу какому-то, огромному и безобразному богу Тангри-хану, которого персы называют Аспандиат, приносили в жертву коней на кострах». Они поклонялись огню и воде, богам дорог и луне в священных рощах.

«Северные народы» армянской историографии — не этникон, а географо-культурно-бытовой концепт, в котором заложена информация об этих народах. Представления средневековых армянских авторов о северных племенах в определенной степени корреспондируют с понятиями о «варварах» и «скифах» греческих, эллинистических, римских и византийских писателей и основываются на тех же критериях, главными из которых были локативные параметры, дополненные социо-культурными характеристиками (кочевники-скотоводы северных и северо-восточных областей Причерноморья, наездники и лучники, язычники со странными нравами и обычаями, близкими к нравам и верованиям скифов Геродота и т. п.). Политико-культурный концепт «варвар» имел негативный смысл и был дополнительным к концепту «римлянин», «ромей» (базовая бинарная модель: свои — чужие). Варвары — часть внешнего мира по отношению к эллинам, римлянам и византийцам.

В ранней армянской историографии, однако, «северяне» не всегда ограничивались жесткими рамками бинарной модели, слишком тесным и долгим было взаимодействие этносов и культур в причерноморских и прикаспийских регионах. Образ «северных племен» формировали не только представления о врагах, несущих «меч, голод и плен», но и сведения о соседях, иногда союзниках, а также торговые, династические и культурные связи и близость мифологических представлений «северных народов» и дохристианской Армении. «Северные племена» были не только частью внешнего мира, но и органичным компонентом генезиса армянского этноса и дохристианской культуры.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абаев В.И.* Нартовский эпос осетин // Нарты. М., 1989. С. 247–248.
- Арутюнова-Фиданян В.А.* Божество Куар и «северные племена» // Цивилизация и варварство. М., 2012. С. 266–296.

Грантовский Э.А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 2007.

Раевский Д.С. Миф скифской культуры. М., 2006.

Шукуров Р.М. Земли и племена: византийская классификация тюрок // Византийский временник. 2010. Т. 69 (94). С. 132–163.

М.В. БИБИКОВ

«СКИФЫ» В ВИЗАНТИЙСКОЙ ТРАДИЦИИ

Многочисленные дискуссии при изучении этнического состава населения восточноевропейских областей, определении народности кочевых племен Причерноморья вызваны различиями в толковании этнонимов привлекаемых византийских источников. Так, например, по сообщению Никиты Хониата, восстание под руководством Петра и Асеня было поднято «скифами и влахами» (Н. Хон. Ист. 518. 19–20, ср. «мисов» и «болгар» в К. Ст. 106 и сл.*). В соответствии с определением этнического содержания терминов восстание Петра и Асеня рассматривалось то как болгарское (для восточной части Подунавья), то как влашское; в «скифах» видели то половцев, то влахов; этнонимы, отнесенные к участникам движения, атрибуировали болгарам, влахам, куманам и русским. Из этого видно, насколько трудным является раскрытие содержания этникона «скифы» в византийских источниках.

Архаизация употребляемой терминологии — явление, характерное в византийских источниках не только по отношению к народам рассматриваемого региона. Это — элемент словоупотребления византийских авторов вообще. Как известно, турки-сельджуки в сообщениях оказываются «персами», венгры называются не только «уграми», но чаще «пеонцами», «гепидами», «гуннами», «мисийцами», «скифами», «паннонцами» и т. д., жители Адриатического побережья — «трибаллами», «далматами», «иллирийцами», «сербам», «даками», а население Подунавья — «гетами», «даками», «скифами», «влахами» и т. д. Этническое содержание употребляемых названий редко соответствует принятому этнони-

* Систему сокращений текстов см. в книге: *Бибиков М.В. Византийские источники по истории Древней Руси и Причерноморья*. СПб., 1999. С. 297–312.

му. Во многих случаях не устанавливается единственная корреляция между этниконом и этносом: один термин имеет расширенное значение, распространяясь одновременно на несколько народностей (М. Анх., 199.439; К. Ман. Речь, 182.320–321; И. Ап. 292.33; Тип. Пант., 2–13), или для целого ряда наименований находится лишь один и тот же реальный этнический коррелят (Код. Вен., 44.23; Ф. Пр. И. Ст., I, 85 и сл.; М. Анх., 199.440 и сл.; Евф. Торн., 173.34 и сл.).

Не меньшее значение для опосредования информации в византийских текстах имели сюжеты античной традиции. Мотивы «скифского снега», «северных ветров» (М. Хон., I, 186.5; 195.19; 215.10; 214.10; II.144.14 и сл.; Н. Вас. Энк. Ал. Ар., 90 и сл.; Н. Кат. Ж., 383), негостеприимства и жестокости «тавроскифов» (Евст. Сол. Соч., 74.85 и сл.; Н. Хон. Ист., 405.17–19), перекочевав из сочинений Геродота или Еврипида, оказывают влияние на современные византийцам XII–XIII вв. представления, формируя их. Для авторов рассматриваемого периода актуальны географические описания Страбона и Дионисия Периегета, античные данные о вооружении кочевников, их образе жизни.

Иоанн Цец — «ивер», по собственному утверждению, дает такую картину расположения населения в Северном Причерноморье. У «Тавра» (Крыма) и «Меотиды» (Азовского моря) живут киммерийцы, где находится озеро «Сиака» (Цец. Ист. XII. 835 и сл., 851; ср.: Цец. Алл. XIII. 8) — очевидно, Сиваш. Все пространство на север от Черного моря и к востоку от Каспийского занимает одна из «скифских» ветвей — «меотские скифы». Другая часть — «кавказские» — граничит с Гирканией (Каспийское море), «узами» и «гуннами». Наконец, третья группа — «оксианские скифы» — локализуется в отдалении «индийских гор» (Цец. Ист. VIII. 760 и сл.). Среди народов, населяющих северные земли, указываются агафирсы, гелоны, меоты, иссидоны (Цец. Пис. 62.15–16; Цец. Ист., VII.675 и сл.; VIII.752 и сл.). Само деление географических зон в соответствии с направлением ветров (Цец. Ист., VIII.646 и сл.) — тоже дань античной традиции.

Весь обширный в локализуемом пространстве, пестрый в реальном этническом содержании мир, окружающий Ромейскую империю, имеет единственный релевантный признак — это «варварский» мир, который принципиально везде остается одним и тем же, потому что в нем живут варвары. Другие признаки — точность

этнических дефиниций, исторические судьбы миграций, специфические черты быта и строя — второстепенны и подчинены императиву комплексного представления о варварском мире. Это представление о единстве «варварского мира» выражается, в частности, и в том, что о нашествии западных крестоносцев, норманнов, вообще — о «латинянах» наши авторы в конце XII – начале XIII в. могут писать в таких же терминах, что и о вторжениях тюркских кочевников-скифов, от внешнего облика и манеры поведения до военного оснащения (Н. Мес. Диал., 16.3 и сл.; Евст. Сол. Взят., 152.6–14; Н. Хон. Ист. 852.13 и сл.; Ф. Пр. Фр. 361). Таким образом, специфическая заостренность воззрений византийцев на главном признаке рассматриваемого мира — его варварском характере обуславливает его принципиальную *константность* в их представлении.

Поэтому описание строя, быта, общественных отношений, а также мест расселения «варваров» в наших памятниках можно понять как «чужой мир». Этот мир чужд, его логика непонятна, и потому феномены его могут быть в источнике лишь предметом этнографических зарисовок (М. Ит., 83.1–9; М. Хон., II. 100.24 и сл.; Н. Хон. Ист., 124.14–20; 839.4–12; Кинн., 9.6–9; Н. Сол., 352.33 и сл.), а не анализа. Такая чуждость социально-экономических, бытовых, религиозных, нравственных закономерностей этого мира, безразлично как оцененных (положительно или отрицательно) (Н. Вас. Облич., 291 и сл.; Н. Вас. Пис., 230.12 и сл.; Н. Хон. Ист., 462.7–9; К. Ман. Ром., I.18–20; в пейоративном смысле — Евст. Сол. Соч., 64.6 и сл.; М. Хон., I.99.31 и сл.; Н. Хон. Речи, 196.20 и сл.), — обуславливает и известную подчеркнутую экзотичность, смакуемую в описаниях: удовлетворение половых вожделений «скифами», использующими кобылиц (Н. Хон. Ист., 124.10–14), грязь и убогость «варварского» жилья и пищи (Гр. Ант. Пис., I.279–280; II.65), людоедство «тавроскифов» (Н. Хон. Ист., 405.17–19) и др.

Образ мира «варваров» конкретно представляется в византийской историографии в этническом портрете. Бытовые зарисовки, встречающиеся в изучаемых памятниках, представляют своего рода вставки в последовательное повествование о развитии тех или иных событий. Такими значащими элементами «варварского» ми-

ра оказываются отсутствие и дискретность общественной стратификации, оцениваемой как бессистемность социального устройства (Н. Хон. Ист., 20.5–21), бедность и невежество (Ф. Пр. Соч., 1317 В и сл.), невоздержанность (Евф. Мал., 40.8 и сл.), воинственность и жестокость (Евф. Торн., 130.15–24; Евст. Сол. Соч., 75.2–8, 210.70–71; Евст. Сол. Речи, 17.20 и сл.), порождающая многочисленные сопоставления мира «варваров» с миром диких зверей (Гр. Ант. Пис., I; Ф. Пр. Фр., 361; Тим., 58; Цец. Пис., 94.1 и сл.; Н. Хон. Ист., 413.13–16), неизменные орудия быта и военного снаряжения (Н. Хон. Речи, 193.5 и сл.; Н. Хон. Ист., 124.7–10; ср. М. Ит., 291.10–12) и одновременно экзотическая чистота и девственность человеческих отношений, отмечаемая в других случаях, идиллическое миролюбие и беззаботная веселость (Н. Хон. Речи, 196.18 и сл.; М. Хон., I.99.31.100.3; Евст. Сол. Соч., 64.6 и сл., 75.8 и сл.).

В этой связи интересны факты этимологического толкования и смысловых отождествлений этнонимов в анализируемых источниках. Например, имя «тавры» воспринимается Евстафием Солунским как омонимичное названию животного — «бык» (Евст. Сол. Комм. Ил., 259.7. и сл.), а в «Катомиомахии» наблюдается игра слов между *ловткої* (мышь) и термином «понтийцы» (Ф. Пр. Кат., 80.12). Характерный пренебрежительный оттенок подобных этнических отождествлений прослеживается и в этимологических замечках: например, «скифы» производится от *σκύζεσθαι* — «сердиться», «гневаться» (Евст. Сол. Комм. Ил., 723.42. и сл.). Так этнический термин дополняется особой этической нагрузкой.

DAVID BRAUND

ORESTES THE SCYTHIAN?

This paper seeks to explore several strands of argument which, when taken together, suggest that we should perceive a particular relevance of Scythia and Scythians to the myth of Orestes. If that is right, then the otherwise rather peculiar role of the Crimea in that myth becomes more explicable and more significant, for the region was not only Taurike but was also taken to be part of Scythia, while Tarians too could also be understood as Scythians in Greek outlooks.

1. Chariots-Savagery. The importance of chariots in the Orestes myth and its intersection with the foundational myth of Oenomaus, Orestes' ancestor. Comparability of Scythian vehicle and Greek chariot – incl. Herodotus on Heracles and Demosthenes on Aeschines. The savagery of Oenomaus, who scalped “in Scythian fashion” (Sophocles). Stereotypes of Scythian savagery.

2. The appearance of Scythians, esp. hair colour. Compare the hair of Orestes and his family, as well as the recurrent concern with the issue of hair and hair-colour in tragic presentations of Orestes' family at Athens. Note too the hair of Achilles, Alcaeus' “lord of Scythia”.

3. Greeks and barbarians. Similarities and affinities between Spartans and Scythians, as well as Euripides' Thoas on Orestes' matricide – even barbarians do not do that.

Of course, I am not suggesting that the Scythian affinities of Orestes are key to every aspect of his extended myth. However, it does seem to me that there is a case for considering those affinities as part of the myth, that might be deployed or omitted. We may recall Herodotus' presentation of Heracles as a proto-Scythian ancestor in the tradition that he attributed to Black Sea Greeks (Olbian at any rate). We are left to wonder what such Greeks may have said about Orestes, beyond the (always playful) remarks of Lucian.

Ю.А. Виноградов

СКИФИЯ И БОСПОР

ДВА ВЕКА РАЗВИТИЯ НАУЧНОЙ ИДЕИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

«Скифия и Боспор» — так была названа книга М.И. Ростовцева, вышедшая в Ленинграде в 1925 г., когда автор уже находился в эмиграции (Ростовцев 1925). Хорошо известно, что публикация была подготовлена С.А. Жебелёвым и обозначенное название было дано именно им. Тем не менее, автор сохранил это название для немецкого издания монографии (Rostowzew 1931), прекрасно понимая, что оно хорошо выражает один из феноменов культурно-исторического развития Северного Причерноморья в античную эпоху. Этот феномен заключается в особой роли Боспора в формировании культурного облика степной и лесостепной зон региона. Скифия и Боспор, как представлялось М.И. Ростовцеву, являли собой некое единство, при этом единство в различии — эллинизм Боспора при всех очевидных варварских влияниях и варварство Скифии при сильнейшем воздействии на неё греческой цивилизации.

Понятно, что научная концепция М.И. Ростовцева стала итогом почти векового изучения классических древностей Северного Причерноморья и, прежде всего, изучения курганов Скифии и Боспора. Любопытно при этом, что самое начало этого процесса, связанное с учёными путешествиями по берегу Чёрного моря и даже с первыми попытками научного осмысления материалов античной письменной традиции о регионе, связано с представлением о существовавших здесь прекрасных греческих городах, бело-снежных храмах и т.д. (Виноградов 2000. С. 99–102). Огромный скифский мир, на периферии которого эти города располагались, при таком понимании поначалу представлялся малозначительным.

Археологические реалии, однако, стали демонстрировать совсем иное. Раскопки северопричерноморских курганов сразу продемонстрировали одну в высшей степени важную особенность —

близость произведений греко-варварского искусства, происходящих из курганов Боспора, с одной стороны, и Скифии, с другой. Первое великое археологическое открытие под Керчью — раскопки Куль-Обы (1830 г.) — свидетельствует об этом с полной очевидностью. Естественно, почти сразу было высказано предположение, что в этом кургане был погребён боспорский царь, заимствовавший от скифов не только одежду, «но самые нравы и обычаи» (Спаский 1846. С. 120). Это заключение в наши дни представляется сильно преувеличенным, но оно в высшей степени симптоматично.

Такой подход к изучению боспорских древностей открывал немалые перспективы. А.А. Сибирский объяснял факт утверждения на Боспоре монархической власти сильными варварскими влияниями, распространением скифских обычаев и примесью туземной крови. По мере того, как греческая кровь всё более мешалась со скифской, политическая энергия греков вырождалась, Боспорское государство дряхлело и в конечном итоге погибло под ударами варваров (Сибирский 1867. С. 156–157; ср.: Иловайский 1883. С. 368).

Дальнейшее изучение археологических памятников Северного Причерноморья постепенно привело к пониманию древней истории региона не только в плане постепенного ослабления эллинизма и усиления варварства, но и в отношении её ритмичности. Периоды ярчайшего расцвета культуры здесь сменялись периодами кризисов и упадков, при этом оба явления происходили синхронно и в греческих государствах, и на варварских территориях (Ростовцев 1912). История Скифии (VII–IV вв. до н.э.) в этом отношении являет собой лишь один период древней истории региона, но период непревзойдённый по своей культурной насыщенности.

К началу XX в. понимание исторической роли Боспора стало более глубоким. В нём, как будто, нашло отражение предчувствие многих потрясений, ожидавших Россию в этом столетии. Боспорское царство уже понималось в ряду других государств, стоявших на пути варваров в богатые цивилизованные страны. Как только власть в них ослабевала, путь для варваров открывался, «и история заносила на свои страницы рассказы об ужасах, которые сопровождали нашествия скифов, готов, гуннов, руссов и т.д.» (Забелин 1908. С. 274; ср.: Лаппо-Данилевский, Мальмберг 1894. С. 118).

Одновременно в культурной среде России формируется представление о Скифии, как о важной составляющей общего развития отечественного культурно-исторического процесса, которая, эта составляющая, не просто имела место когда-то, не осталась где-то в глубине веков... Нет, она не потеряла своей актуальности и активным образом влияет на современность. Вспомним слова А.А. Блока: «да, скифы — мы, да, азиаты — мы...».

Проявления таких ощущений легко заметить в некоторых мыслях о боспорской истории, высказанные Ю.В. Готье уже после Октябрьской революции. Взаимоотношения Боспора и Скифии (в широком понимании) ему представлялись далеко не идиллическими, изменчивыми, можно сказать, пульсирующими. Владения правителей Боспора порой простирались далеко от берегов пролива, знаменуя собой периоды расцвета государства, но в закономерные наступавшие периоды ослабления и упадка «степь освобождалась от преобладания боспорских городов и переходила в наступление, доводя своё варварское влияние почти до самых ворот Пантикапея» (Готье 1925. С. 187).

В 30-е годы XX в. такой взгляд для советских учёных был уже недопустим. «Теория стадиальности» Н.Я. Марра требовала совсем других подходов, а признание миграций стало считаться чуть ли не поддержкой классового врага (Виноградов 2000. С. 109 сл.). Тем не менее, некоторые исследователи продолжали упорно говорить о связи Боспора со степью, что выражалось, прежде всего, на уровне осознания своеобразия культуры боспорской элиты (Артамонов 1949).

Правда, изучение элитной культуры тогда оказалось отодвинутым на второй, если не на третий план. Советские археологи-антиковеды были нацелены на исследование производительных сил греческих государств, культуры рядового населения и т.п. Все эти направления, безусловно, чрезвычайно важны, но без должной оценки культуры элиты само понятие «Скифия и Боспор» стало казаться несущественным, лишённым особого содержания, поскольку другие греческие государства Северного Причерноморья проходили сходные с Боспором этапы развития и в них тоже имели место греко-варварские связи на различных уровнях.

К концу XX в. ситуация изменилась, и Ю.В. Андреев вполне обоснованно заключил, что отчётливые тенденции греко-варварского синтеза в культуре Боспора связаны с тем, что здесь наибо-

лее прочными оказались связи на элитарной ступени социальной иерархии (Андреев 1996. С. 16). Тогда же Д.А. Мачинский высказал свою, в высшей степени оригинальную, концепцию исторического значения Боспора и его влияния на развитие Скифии-России с VIII в. до н.э. по XX в. н.э. (Мачинский 1993). Исследователь понимал географические рамки Боспора шире, чем это обычно считается (то есть территории Керченского и Таманского полуостровов), он включал сюда весь Крым, Нижнее Прикубанье, Нижнее Подонье и Восточное Приазовье. Через этот район вглубь региона, по его мнению, шли наиболее важные и продуктивные социально-культурные импульсы из зоны эллинского Средиземноморья (Мачинский 1989. С. 17).

Необходимо обратить внимание, что Северное Причерноморье в древности прошло несколько периодов относительно стабильного развития, не отягчённого особыми военными потрясениями, и роль Боспора в культурно-историческом развитии региона, как представляется, всегда была весьма существенной (Виноградов 2009. С. 65 сл.). Ни один из этих этапов, однако, по количеству и качеству оставленных памятников элитной культуры не может сравниться со скифским.

Складывается впечатление, что «скифам царским» на пару веков удалось установить своё военное преобладание в регионе и гарантировать относительную стабильность военно-политической ситуации здесь. Важным элементом сложившейся тогда ситуации, безусловно, стали договорные отношения с греческими государствами и, прежде всего, с наиболее крупным и влиятельным из них — Боспорским царством. Можно высказать предположение, что благодаря этим договорам экономическая система племён, подвластных кочевникам, была трансформирована таким образом, чтобы греческие интересы были в полной мере соблюдены. Скифская элита, войдя в тесный контакт с эллинами, вступила в новый этап своего культурного развития, этап очень яркий, очень плодотворный, но сравнительно недолгий. Разрушение самобытной культуры кочевнической верхушки стало проявлением внутреннего ослабления Скифии, закономерно павшей жертвой новой волны номадов, пришедших с Востока, в конце IV — начале III в. до н.э. Эта катастрофа стала одним из важнейших событий в древней истории Северного Причерноморья.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Андреев Ю.В.* Греки и варвары в Северном Причерноморье (Основные методологические и теоретические аспекты проблемы межэтнических контактов) // Вестник древней истории. 1996. № 1.
- Артамонов М.И.* К вопросу о происхождении боспорских Спартокидов // Вестник древней истории. 1949. № 1.
- Виноградов Ю.А.* Феномен Боспорского государства в отечественной литературе // Stratum plus. 2000. № 3.
- Виноградов Ю.А.* Миграции кочевников Евразии и некоторые особенности исторического развития Боспора Киммерийского // Боспорские исследования. 2009. Вып. XXII.
- Готье Ю.В.* Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы. Л., 1925.
- Забелин И.* История русской жизни с древнейших времён. М., 1908. Ч. 1.
- Иловайский Д.* Очерки и рассказы из всеобщей истории. Древний мир. М., 1883. Ч. 1.
- Лаппо-Данилевский А., Мальмберг В.* Курган Карагодеуашх. СПб, 1894 (МАР. № 13).
- Мачинский Д.А.* Боспор Киммерийский и Танаис в истории Скифии и Средиземноморья VIII–V вв. до н.э. // Кочевники Евразийских степей и античный мир (проблемы контактов). Материалы 2-го археологического семинара. Новочеркасск, 1989.
- Мачинский Д.А.* Скифия и Боспор. От Аристея до Волошина (развёрнутые тезисы концепции) // Скифия и Боспор (материалы конференции памяти академика М.И. Ростовцева). Новочеркасск, 1993.
- Ростовцев М.И.* Боспорское царство и южнорусские курганы // Вестник Европы. 2012, июнь.
- Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор. Пг., 1925.
- Сибирский А.А.* Взгляд на автономию и историю Пантикапеи // Записки Одесского общества истории и древностей. 1867. Т. VI.
- Спаский Г.И.* Босфор Киммерийский с его древностями и достопамятностями. М., 1846.
- Rostowzew M.* Scythien und der Bosphorus. Berlin, 1931.

HERODOTUS' MEASURES OF SCYTHIA

“... We cannot but conclude that the *logos* of Scythia consists of various parts which have no, or only a slight, relationship with one another: the topographical description of Scythia and the region north of it (4.16–27), the enumeration of the Scythian rivers (4.48–58), the characterisation of the Scythian neighbours (4.103–118), the description of the shape of Scythia (4.99–102), and the description of the campaign of Darius (4.122–141). These various geographical and ethnographical passages moreover appear to have no function of the historical part. One cannot speak here of a topography subservient to history” (Van Paassen 1957. P. 127–128). This paper aims at proving the opposite: Herodotus' Scythia reflects the rationalisation of a space described as an articulation of fluvial paths (hodography), peoples (ethnography) and lands (geometry), matching its history.

Numerical estimations offer evidence for Herodotus' tentative consistency: Scythia, “a four-sided figure with two of its sides bordered by the sea, has its border lines equal to one another in each direction, that which tends inland and that which runs along by the sea” (4.101). Each of the known sides is a 20 days' walk (4000 stadia = 200 stadia x 20 days). The Borysthenes *emporion* lies in the middle of the southern side, 10 days' walk from both the Ister and the Maeotis (4.17). The tributaries of the Borysthenes River irrigate the two halves of the square (4.52–56), although the articulation of all the components is not totally clear.

The narrator approaches Scythia by the sea, coming from the south (4.99–101), and starts its description by the mouth of the Ister: one understands that the Ister, running from the West-North West, joins the south-western corner of the figure. The southern side is an imaginary line following the coast from the Ister to Karkinitis (*cf.* Stolba 2004) and beyond, cutting through the Tauric Peninsula, to the eastern half of the Euxine (a “double sea” from the 5th century BC onwards, Dan 2013a). The eastern side includes the European Bosphorus and the shore of the

Maeotis as far as the Tanais (Hind 1997 and 2002). The northern side appears as a natural frontier between Scythians and wilder Barbarians: starting again from left (Ister) to right (Tanaïs), Herodotus lists “the Agathyrsoi, next by the Neuroi, next by the Man-eaters, and last by the Black-cloaks” (4.100) and mentions the lake-source of the Tyras River (4.51), the separation of the Gerrhos River from the Borysthenes (4.56) and the change between steppe and “desert” (uninhabited forest) (4.18, 53). The western side, between the Ister, its “Scythian” tributaries (Pyretos, Tiarantos, Araros, Naparis, Ordessos, 4.48) and the Maris who flows already in the land of the Agathyrsoi (4.49), remains vague (although suggested by the identification Ordessos-Argeş, Dan 2011 with bibliography): Herodotus ignores the Carpathian range dividing modern-day Moldavia (belonging to Scythia) and Transylvania.

The square, turned NW-SE, could have been a symbol borrowed from the Scythians: the image of the world suggested by the Achaemenid inscriptions and reliefs (with their Near-Eastern sources) supports such a hypothesis (cf. the bibliography in Dan 2013b). But in Herodotus’ *Histories*, the square is a Greek construct, based on induction and analogy. Estimations, even if in walk days (ὁδός), are given only for the navigable sides, by sea and by rivers (πλός). Herodotus used a clear grid of equivalences: one day of sea navigation covered up to 700 stadia (+ 600 stadia if the night was included, 4.85–88; cf. Arnaud 2005. P. 74–78); one walk day meant 200 stadia (4.101). The upstream navigation on the Borysthenes was estimated at 100 stadia / day (the 40 days’ upstream navigation on the Borysthenes being equivalent to Scythia’s length of 20 days’ walk, 4.53, 101). The downstream navigation on the same river was 1/10 quicker: it is the logical conclusion, if the agricultural Scythians, Borysthenites (γεωργοὶ Σκύθαι, Βορυσθενείτες) extended for 10 days of downstream navigation (4.53) and 11 days of upstream navigation on the Borysthenes (4.18). In all, each side of the Scythian square represented 4000 stadia (4.101), meaning 3 days and nights of sea navigation, 20 days’ walk and 40 days’ upstream navigation on the Borysthenes.

Inside the square, the Borysthenes River, flowing into the Pontus, is perpendicular to the middle of the southern side (4.17, 53). It rises in unknown lands but it enters Scythia and becomes navigable in the land of the Gerrhians, where the river Gerrhos separates from it and where the Scythian kings were buried, “furthest away of all the nations over whom they rule” (4.71–73, cf. Rolle 1979. S. 157; Мозолевский 1986).

The Scythian rivers (comparable to the channels of the Delta 4.47) run symmetrically left and right this axis: the Pantikapes is situated therefore east and not west of the Borysthenes: this suggests that the Borysthenes was identified partly with the modern Ingulets, partly with the Dnepr, and that the Pantikapes corresponded to a segment of the Dnepr (*cf.* Corcella 2007 *ad loc.* with bibliography). For Herodotus (4.52–53), the only western tributary of the Borysthenes is the Hypanis (modern Juzhnyj Bug). These three rivers frame the lands of the Scythian peoples. The agricultural Scythians (γεωργοί) had a rectangular country, two times longer than wide (4.18, if the 11 days' upstream navigation on the Borysthenes represented 1100 stadia, and 3 days' walk between the Borysthenes and the Pantikapes Rivers represented 600 stadia). The Scythians who till the ground (Σκύθαι ἀροτῆρες) were probably considered to lie on a distance of 5 days' navigation down the Hypanis, up to the bitter source of Exampaios/the Sacred Ways (4.52, 81; *cf.* Рыбаков 1979. С. 36–37; Corcella 2007 *ad loc.*); further to the south, on a span of four more days of downstream navigation, were settled the Alazones and the Kallipides (4.17). If the navigation speed upstream and downstream the Hypanis was considered to be equivalent to that on the Borysthenes, the Hypanis was navigable for 9 days downstream, thus 10 days upstream, $\frac{1}{4}$ from the navigable course of the Borysthenes. The country of the Σκύθαι ἀροτῆρες (5 days downstream) extended then $\frac{1}{2}$ of the length of the country of the γεωργοί (10 days downstream the Borysthenes).

Vitruvius (8.3.11), however, follows Posidonius (87 F 123) and reads Herodotus' description of the Hypanis in a different way: the whole Hypanis was navigable for 5 days, one day on sweet water and 4 days on bitter water. One day of downstream navigation meant for Vitruvius 300 stadia (40 Roman miles $\times$ 7.5 stadia/mile): the river was navigable on 1500 stadia, among which 1200 stadia of bitter flow. No sea wave could regularly advance ca. 200 km inland in order to explain the bitterness of the river. Unlike modern researchers, ancient authors were convinced of the existence of a bitter source; the only difference is that in the later tradition the bitter source was three times further inland than Herodotus' Exampaios (about 400 stadia from the seashore).

Another problem is the size of the country of the Nomads, from the Pantikapes to the Gerrhos River. Herodotus' 14 days (4.19) are too

long, because the Pantikapes is already 13 days east of the Ister (10 days Ister-Borysthenes + 3 days Borysthenes-Pantikapes); accordingly, to the east (*πρὸς τὴν ἡῶν*), a walk of only 7 days separates the Pantikapes from the Maeotis. Even if the real river that could have been represented by this Pantikapes runs west of the Borysthenes, a 14 days' walk is still too large. There must be an error, either in the manuscript tradition or in Herodotus' original composition. One may suppose a corruption from "four" to "fourteen" days: this would leave a 3 days' walk belt for the Royal Scythians, between the Gerrhos and the Maeotis (4.20, 100). But if the Gerrhos is the modern Molochnaja (or a combination between the Molochnaja and a tributary of the Dnepr, like Konka, cf. Кукулина 1985. С. 99 след.; Нейхардт 1982. С. 35, 39, 160 след.; Доватур, Калистов, Шишова 1982. С. 287; Hind 1990; Болтрик 1990), then it flows to the Maeotis, together with the Hypakyris (that discharges itself into the Bukes and, through the channel that separated Crimea from the mainland, into the Black Sea, cf. *Plin.* 4.84, *Val. Flacc.* 6.67–68, *Ptol.* 3.5.4 Müller = 3.5.12 Stückelberger-Graßhoff). In this case, the 14 days' walk could be a corruption from a 14 days' downstream navigation, corresponding to 1400 stadia and 7 days' walk (following the ratio established for the Borysthenes). Seven has not only a symbolic value convenient for the country of the Nomads but also fits perfectly the distance between the Pantikapes and the Maeotis.

How Herodotus or his sources get to this result it is impossible to say. Hypothetically, if 14 days of downstream navigation separate the (mouth of the) Gerrhos from the Pantikapes, one may add 3 days' walk (600 stadia), in order to reach the Borysthenes. The whole Gerrhos would have been 2000 stadia long (1400 + 600 stadia; 7 + 3 = 10 days' walk). This is also the distance between the Borysthenes and the Tanais (half of the square's side). A rectangular equilateral triangle could have been drawn from the Borysthenes, eastwards to the Tanais, and turning through a right angle south, to the Gerrhos, through the Maeotis (whose direct NS crossing was later estimated at 2 200 stadia [*Strabo* 7.4.5]; the value corresponds only to a third of the European shore of the Maeotis and excludes the gulfs north of Tauris, "where the Maeotis is broadest" [*Herodotus* 4.3] and where the Hypakyris flew). The Royal Scythians lived north of the Tauroi and east of Hylaia; a part of them extended north of the Gerrhos to the Tanais (4.20, cf. 4.56–57). Further geomorphological research on the lower Molochnaya, in the Utljuk-Liman and

in the Sivash could contribute to the comprehension of the ancient construction of the Gerrhos and Hypakyris Rivers.

The purpose of this artificial geometrisation of the space was the coherence of the story: for Herodotus, space, time and action were inter-related. The Scythian rivers are absent from Darius' Scythian campaign because Herodotus had no information about river-crossing and bridges beyond the Danube. This confirms the thesis that Darius stopped between the Ister and the Tyras (Dan 2009 with further bibliography). But Herodotus knew no Oaros river in the region: accordingly, he identified Darius' Oaros in Europe with the Oaros-Volga, making probably a synthesis with an earlier attack against the Asiatic Sakai. The 60 days spent by Darius beyond the Ister (4.98, corresponding to a two-months campaign) were enough for a double crossing of the Scythian square whose diagonal was less than 30 days' walk.

Herodotus' Scythian square is the proof that Eratosthenes was not the first to divide the *oekoumene* in *sphragides*; also, the hodological perspective, although dominant in ancient "common sense geography" because adapted to oral communication, was not exclusive in archaic and classical texts. Chorographical descriptions predated the invention of the genre (first attested by Polybius). Such geometrical frames, inspired by the survey of small surfaces, cannot fit our modern measures. Their purpose was to help the author to construct a mental map and to fill the gaps when the available historical data was insufficient for the reconstruction of the events.

BIBLIOGRAPHY

- Arnaud P. Les Routes de la navigation antique. Itinéraires en Méditerranée. Paris, 2005.
- Болтрик Ю.В. Сухопутные коммуникации Скифии (по материалам новейших исследований от Приазовья до Днепра) // Советская археология. 1990. № 4. С. 30–44.
- Corcella A. "Book IV" // D. Asheri, A. Lloyd, A. Corcella. A Commentary on Herodotus Books I–IV (ed. O. Murray, A. Moreno), Oxford, 2007.
- Dan A. "La plus merveilleuse des mers". Recherches sur la représentation de la mer Noire et de ses peuples dans les sources antiques, d'Homère à Ératosthène. PhD. Reims, 2009.
- Dan A. L'Istros chez Hérodote // Dacia 2011. 55. P. 25–56.

- Dan A.* The Black Sea as a Scythian Bow // M. Manoledakis (ed.). Exploring the Hospitable Sea. Proceedings of the International Workshop on the Black Sea in Antiquity held in Thessaloniki, 21–23 September 2012, (BarInt 2498). Oxford, 2013a. P. 39–58.
- Dan A.* Achaemenid World Representations in Herodotus' Histories: some geographic examples of cultural translation // K. Geus, E. Irwin, Th. Poiss (ed.) Herodots Wege des Erzählens. Logos und Topos in den Historien. Peter Lang, Frankfurt; Bern; New York; Oxford, 2013b. P. 83–121.
- Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота: Тексты, перевод, комментарий. М., 1982 (Древнейшие источники по истории народов СССР).
- Hind J.G.F.* Herodotus' Geography of Skythia: The Rivers and the 'Rugged Peninsula' // Письменные источники и археология / The Black Sea Litoral in the 7th–5th centuries BC: Literary Sources and Archaeology (Problem of Authenticity). Тбилиси, 1990. P. 127–139.
- Hind J.* Colonies and Ports-of-Trade on the Northern Shores of the Black Sea: Borysthene, Kremnoi and the 'Other Pontic Emporia' in Herodotus // T.H. Nielsen (ed.). Yet More Studies in the Ancient Greek Polis, Stuttgart, 1997. P. 107–116 (Historia Einzelschriften 117, Papers from the Copenhagen Polis Centre 4).
- Hind J.* Herodotus on the Black Sea Coastline and Greek Settlements: Some Modern Misconceptions // G. Tsetschladze, A. Snodgrass (ed.). Greek Settlements in the Eastern Mediterranean and the Black Sea. Oxford, 2002 (BARInt 1062). P. 41–47.
- Куклина И.В.* Этногеография Скифии по античным источникам. Л., 1985.
- Мозолевский Б.Н.* К вопросу о скифском Герпосе // Советская археология. 1986. № 2. С. 70–83.
- Нейхардт А.А.* Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л., 1982.
- Rolle R.* Totenkult der Skythen 1: Das Steppengebiet. Text und Tafeln. Berlin; New York, 1979.
- Рыбаков Б.А.* Геродотова Скифия: Историко-географический анализ. М., 1979.
- Stolba V.F.* Karkinitis and the Bay of Karkinitis. Towards an Evaluation of the Classical Literary Tradition // ACSS. 2004. 10. P. 47–66.
- Van Paassen C.* The Classical Tradition of Geography. Groningen; Djakarta, 1957.

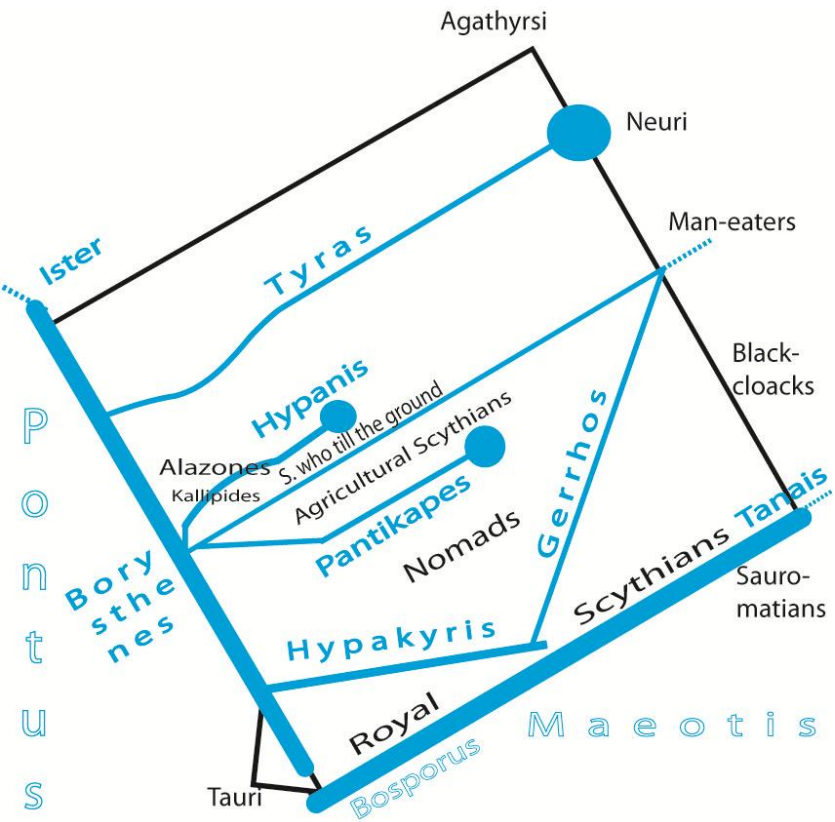

Fig. 1. Reconstruction of the Scythian square

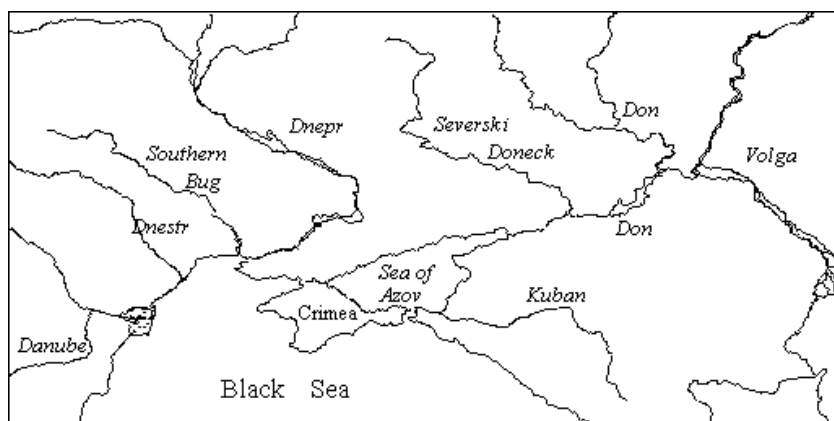

Fig. 2. Modern rivers in the Northern Black Sea area

Т.Н. ДЖАКСОН

СКИФИЯ ДРЕВНЕСКАНДИНАВСКИХ ИСТОЧНИКОВ

К ИСТОРИИ СЛОЖЕНИЯ ОБРАЗА*

В древнескандинавских письменных памятниках (сагах разных видов, географических сочинениях, переводе/переложении Библии) можно встретить следующее пояснение к топониму *Скифия*: «Скифия, которую мы называем Великой Свитьод». В переводных текстах или в переработках/пересказах античных сочинений *Скифия* оригинала порой просто заменяется на *Великую Свитьод*. Вместе с тем стоит обратить внимание на то, что *Свитьод* без эпитета *Великая* — *Svíþjóð* — это основное и весьма часто используемое в древнескандинавских текстах на древнеисландском языке обозначение Швеции (в латиноязычных сочинениях — *Suethia*, *Svetia*, *Svecia*). Кроме того, в этих источниках излагается эвгемеристическая легенда о заселении Скандинавии выходцами из Азии, согласно которой предками шведских и норвежских конунгов оказываются языческие боги во главе с предводителем асов Одинем, а путь их лежит из *Великой Свитьод* в *Свитьод* (которая в одном географическом трактате даже называется *Малой Свитьод*). Снорри Стурлусон в «Саге об Инглингах» так строит свое повествование, будто скандинавская *Свитьод* (= Свеаланд) получает имя от *Великой Свитьод*, но в действительности ученое имя, каковым является *Великая Свитьод* (ср.: *Великий Серкланд*, *Великий Блаланд* в той же саге Снорри), конечно же, искусственное словообразование, и украшающий эпитет *Великая* служит в рамках «ученой предыстории» (термин А. Хойслера) лишь для различения «прародины» (*Великая Свитьод*) и родины (*Свитьод*) скандинавов.

* Работа выполнена по гранту РФФ № 14-18-02121.

Самое раннее в древнескандинавской литературе отождествление *Скифии* и *Светии* (*Швеции*) обнаруживаем в Прологе к написанной в 1177–1180 гг. латиноязычной «Истории о древних норвежских королях» (“*Historia de antiquitate regum Norwagiensium*”) Теодорика Монаха. Письменных источников, свидетельствующих о прошлом норвежцев, в распоряжении Теодорика оказалось не так уж много. С сочинением Адама Бременского «Деяния архиепископов Гамбургской церкви» (1070-е годы), уже за век до Теодорика «включившим» скандинавские страны и народы в контекст европейской истории и послужившим главным источником и образцом для другой норвежской латиноязычной хроники третьей четверти XII в. — анонимной «Истории Норвегии» (написанной, правда, не в Тронхейме, а в восточной Норвегии), — Теодорик, как полагают исследователи, знаком не был. Поэтому он обращается к известиям двух хронистов, повествующих о набегах норманнов (как в Западной Европе именовали скандинавов) на территорию франков. Сигеберт из Жамблу (1030–1112 гг.) свидетельствует о нападении викингов на город Тур, каковые имели место в 853 и 903 гг. Другой пересказанный Теодориком текст приписывается не Гуго Сен-Викторскому (около 1096–1141 гг.), как утверждает Теодорик, а его ученику, Рикару Сен-Викторскому (около 1123–1173 гг.), французскому мистiku и толкователю священного писания, настоятелю монастыря Сен-Виктор в Париже. Рикар говорит о событиях двухвековой давности, а именно о том, как в 911 г. датский викинг по имени Хрольв (Роллон) получил в лен по договору с Карлом Простоватым земли в нижнем течении Сены, что привело к основанию герцогства Нормандия. Изменения, внесенные Теодориком в это сообщение при его пересказе, весьма примечательны. Если Рикар пишет, что «...норманны, по происхождению даны, под водительством некоего Роллона, выйдя из Нижней Скифии и переплыв океан... вторглись в Галлию...», то Теодорик передает это следующим образом: «*Норманны... отплыли из Нижней Скифии (под которой он, без сомнения, имеет в виду Верхнюю [Скифию], которую мы называем Швецией), подошли на кораблях к Галлиям...*». То есть Теодорик заимствует из своего источника *Скифию*, но это совсем другая *Скифия* — не Нижняя, а Верхняя. Причем у него здесь не случайная оговорка:

напротив, он уверен, что Гуго (=Рикар), говоря о *Нижней Скифии*, имеет в виду *Верхнюю Скифию*. Теодорик также опускает присутствующую в его источнике расширительную характеристику тех *норманнов*, которые совершили нападение на Галлию из Скифии: он не уточняет, что их предводителем был некий Ролло, а главное — он не пишет, что эти *норманны* были *по происхождению даны*. Он фактически меняет этнос *норманнов*, которые в результате оказываются не *данами*, а *свеями* (*шведами*).

Речь в докладе идет о возможных причинах означенных изменений, а тем самым об истоках формирования древнескандинавского образа Скифии.

Выводы можно сформулировать следующим образом. Использование Рикаром применительно к Дании топонима *Нижняя Скифия* вполне вписывается в средневековую традицию, по которой хронисты, вслед за Исидором Севильским, различали *Нижнюю* (европейскую) *Скифию* и *Верхнюю* (азиатскую) *Скифию*. В Норвегии к последней трети XII в., видимо в ученой среде, была в обращении «легенда о происхождении» (*narrative of origin*), соединившая в своей ткани античность и средневековье, реальную географию и географию ученую. Она повествовала о том, как предки шведских и норвежских конунгов мигрировали в *Свитьод* (Швецию) из *Асгарда*, столицы *Асаланда* в *Великой Свитьод*. Эта *Великая Свитьод*, лежащая в Азии, была (при известной абстрактности того и другого понятия) географически сходна с подразумеваемой Исидором *Верхней Скифией*, лежащей в Азии. На письме первым из известных нам древнескандинавских авторов *Скифию* и *Свитьод* соединил Теодорик Монах, отличавшийся европейской ученостью в целом, и знакомством с трудом Исидора в частности. В отождествлении им топонимов *Svíþjóð* и *Scythia* свою роль явно сыграло как приблизительное сходство обозначаемых ими территорий, так и определенная фонетическая и/или графическая близость имен. Поскольку *Scythia superior* может пониматься не только как *Верхняя*, но и как *Прежняя Скифия* (*superior* — предшествующий, предыдущий, прежний, истекший), то такое прочтение топонима могло, как кажется, повлиять на замену Теодориком *Scythia inferior* на *Scythia superior*, именно в свете переселенческой легенды.

И.Е. ЕРМОЛОВА

СКИФИЯ В «ДЕЯНИЯХ» АММИАНА МАРЦЕЛЛИНА

Как представляли Скифию жители Римской империи в IV в. н.э., можно узнать из сочинения выдающегося историка того времени — Аммиана Марцеллина. В «Деяниях» собран традиционный материал по истории, этнографии и географии данного региона. Он сгруппирован в экскурсах в XXII и XXXI книге и излагается примерно по одному и тому же плану, в основе которого лежит принцип перипла или перизгесы (Gardthausen 1873. S. 538–539): небольшие отрезки побережья один за другим описываются по нескольким аспектам, из чего в итоге для слушателя и читателя поздней античности и складывается образ Скифии.

Несмотря на то, что в первых веках нашей эры о Северном Причерноморье у римлян было достаточно реальной информации, поскольку отношения с государствами, здесь расположенными, были довольно интенсивными, а во времена принципата, возможно, существовали намерения по превращению данных территорий в провинцию, тем не менее основным источником для экскурсов Аммиана служат произведения предшественников с весьма архаичными сведениями: *accepimus per diversa* (XXXI. 2. 15), *lecta* (XXII. 8. 1) и *Homeri perennis auctoritas* (XXVII. 4. 3), так как древние не делали различий между современными им книгами и произведениями, отдаленными от них столетиями (Каллистов 1945. С. 187). Поскольку Аммиан Марцеллин стремился как можно полнее описать те страны и местности, которых касался в своем повествовании (XXIII. 6. 1), постольку он не мог пренебречь сведениями, накопленными задолго до него.

Любопытны «полярные» мотивы в описании климата Скифии, видимо, появившиеся в самых ранних сочинениях греков, знакомившихся с новыми невообразимо далекими северными, а следовательно, холодными землями. И в IV в. н.э. продолжали

считать, что реки Скифии промерзают до дна (XXII. 8. 48), а на вершинах гор лежит снег (XXII. 8. 25; XXXI. 2. 14).

Вероятно, наиболее распространенным представлением о форме Понта Эвксинского было уподобление его скифскому луку. Его и повторяет Аммиан Марцеллин (XXII. 8. 10; 37) вслед за многими античными писателями (*Strabo* II.5. 22; *Pomp. Mel.* I. 102; *Plin.* H. N. IV. 12. 76; *Val. Flacc.* Arg. IV. 728; *Dion. Per.* 157; *Sall. Hist. Fr.* 41).

Аммиан Марцеллин следует древней традиции, окончательно закрепленной Клавдием Птолемеем (*Ptol.* III. 5. 4; Дитмар 1958. С. 36–37), и считает границей Европы и Азии реку Танаис (XXXI. 2. 13). По вопросу о начале реки Аммиан повторяет заблуждение своих источников: «Танаис вытекает из Кавказских скал, катит свои воды извилистыми изгибами, отделяя Азию от Европы, и прячется в Меотийских болотах» (XXII. 8. 27). От этого предостерегал еще Страбон, который писал, что сообщение Полибия, «что Танаис течет от восхода солнца, также ложно. Ведь все, кто знаком с этими областями, утверждают, что Танаис течет с севера в Меотийское озеро» (*Strabo* II. 4. 5). Но, видимо, представление о связи Танаиса с Кавказом получило в античности более широкое распространение.

Хотя «Скифия» в течение нескольких веков была уже обжита греческими поселенцами и автор называет множество городов (XXII. 8. 24; 26; 30; 36; 40; 41; 43), все же в значительной степени данное понятие ассоциируется в его сочинении с пустыней (XXXI. 2. 13; XXIII. 6. 61), если и населенной, то малоизвестными племенами.

Подробности о жизни этих народов носят, прежде всего, мифологический характер. Более десяти раз упоминаются амазонки (XXII. 8. 14; 17; 22), аргонавты (XXII. 8. 22); есть у него и другие мифологические сюжеты (XXII. 8. 23–25; 35; 38; 41). Аммиан Марцеллин использовал также и общеизвестные и привычные для античной литературы штампы и стереотипы, характеризующие, в первую очередь, общие черты кочевого быта и, еще более, представления римлян о нравственном облике и культурном уровне худших из варваров (XXXI. 2. 2–12; 18–25). Особенно подчеркивается их дикость (XXXI. 2. 1; 15; 17). Впрочем, дикость как осново-

полагающая черта приписывается большинству окрестных народов (XXII. 8. 33: *inmani diritate terribiles*; XXIII. 6. 60; XXVII. 4. 3: *nationibus feris*; 9–11; XXXI. 2. 14).

В духе парадоксографии Аммиан Марцеллин добавляет, правда, в весьма малых количествах, любопытные детали о целебных растениях (XXII. 8. 28), камнях (XXII. 8. 31) и рыбах (XXII. 8. 47) Причерноморья и окрестных земель.

Таким образом, литературный образ Скифии во времена поздней Римской империи мало чем отличался от того, который начал складываться в период Великой греческой колонизации. Вплоть до того, что в один из экскурсов Аммиана Марцеллина о Северном Причерноморье включено сообщение о Тире, колонии финикийцев, которую омывает река Тира (XXII. 8. 41: *Tyros colonia Phoenicum, quam praestringit fluvius Tyras*).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Дитмар А.Б. К истории вопроса о границе между Европой и Азией // Ученые записки Ярославского гос. пед. Института. 1958. Вып. 20 (30), ч. 1 (География).
- Каллистов Д.П. Античная литературная традиция о Северном Причерноморье // Исторические записки. 1945. Т. 16.
- Gardthausen V. Die geographischen Quellen Ammians // Jahrbücher für classische Philologie. 1873.

Д.Н.ЗАМЯТИН

ОБРАЗ СКИФИИ ПРОСТРАНСТВО И НАСЛЕДИЕ

Наследие как важная онтологическая проблема и задача — пространственно — постольку, поскольку и само пространство бытует и бытийствует, как правило и прежде всего, в форме наследия — культурного, исторического, метафизического. Пространственность проявляет и «атрибутирует» себя посредством наследования самой себе; она подвижна объектами, предметами, вещами, чей онтологический статус вообразим в топосах наследия — наследия пространственного бытия *ad hoc*. В то же время мыслимое и мыслящееся феноменологически наследие обретается как экзистенция сопостранственности, бытующей локальными мифами, географическими образами, культурными ландшафтами, индивидуальными и групповыми территориальными идентичностями. Опространствление и опространствование наследия — необходимый онтологический ход, шаг, выявляющий естественную онтику существующего и живущего.

Воображение пространства, как и воображение наследия — два сходные, пересекающиеся и взаимодействующие процесса. Онтически образ всегда пространствен, пространственен, его онтологическая суть и сущность — выразить феноменологию пространства «здесь и сейчас». Но будучи исходно пространственным, любой образ мыслится и существует расширительно, в движении и в трансформации, что предполагает, почти «автоматически», возникновение и зарождение наследия как образа. Воображение наследия онтологизируется всяким «уходящим», меняющимся, трансформирующимся пространством, его ландшафтами и мифами, его геокультурной спецификой, что способствует рождению и созданию не только ностальгии или же пассаизма, но и конструированию образов (пространства) будущего, возникающего из буквальной жажды наследия, воли к (истинному) наследию.

Скифия и «скифское» — краеугольный, мощный онтологический образ, синтезирующий евразийскую и европейскую сопостранственность и северо-евразийское наследие. Скифы — один из многочисленных кочевых народов в сложной исторической географии Евразии — стали выразительным обобщающим символом кочевых народов и кочевых культур, кочевого духа и степной дикости и варварства. Конечно, рождение столь важного образа-архетипа в европейских культурах, включая русскую культуру, связано исключительно с древнегреческой и античной цивилизациями, в которых скифы оказались необходимыми для становления базовых идентичностей этих цивилизаций «Иными» и «Другими». Несмотря на то, что взаимодействие оседлых и кочевых культур на внешних рубежах античного мира было довольно плотным и тесным, весьма длительным и противоречивым, мирным и воинственным, зафиксированным во множестве письменных источников и археологических свидетельств, последующие культурные эпохи, несомненно, способствовали развитию постоянно трансформирующегося «скифского мифа», порой очень далёкого от известного и хорошо изученного историкам и филологам скифского мира.

Безусловно, тот образ кочевой дикости и варварства, который находится в ядре «скифского мифа», был описан и древнегреческими и античными историками и писателями, начиная с «Геродотовой Скифии». Волны кочевых нашествий из Азии всякий раз актуализировали этот образ и расширяли его, способствуя онтологическому отождествлению Скифии, скифов и скифского с Азией, кочевыми набегами, степной удалью, воинственностью и дикостью. Естественно, что в ходе своего мифологического развития и расширения образ Скифии всё дальше и дальше уходил от географических, антропологических, исторических, политических и культурных реалий.

Нет сомнения, что образ Скифии является центральным для понимания философской и культурологической проблемы взаимоотношений цивилизации и варварства, периодически актуализируемым европейской культурой в широком смысле, а также и кругом культур, обязанных европейскому наследию. Два онтологических «столпа» европейского наследия — античность и христианство (вместе с его иудейскими коннотациями) — по-разному включали и интерпретировали «скифский миф», однако именно христи-

анство по-настоящему способствовало онтологическому «ускорению» формирования этого мифа, размещая его в своём эсхатологическом поле мифов. Естественно, это вело к ещё большему содержательному «искажению» исходного античного «скифского мифа», но в то же время образ Скифии и скифского приобретал более широкие, «мировые» мифологические и онтологические координаты.

Европоцентричный образ Скифии имеет свой практически такой же масштабный аналог — образ кочевых народов на северных границах китайской цивилизации. Многовековое противостояние-взаимодействие китайской земледельческой цивилизации и северных кочевых народов имеет также множество исторических, археологических и культурных свидетельств. Хотя эти народы многожды сменялись, по существу, доминирует образ народа хунну (близкий народу гуннов в европейской исторической традиции), наиболее сильно повлиявший на представления древних китайцев о мощи степных кочевых культур. И здесь мы наблюдаем классическую культурологическую оппозицию «цивилизация — варварство», однако китайский случай, на «европоцентричный» взгляд, в первом приближении более прост и понятен — в нём нет столь разнородных мифологических «пластов», как в европейском цивилизационном варианте.

Цивилизации и культуры, обязанные своим первоначальным онтологическим импульсом более древним цивилизациям, часто заимствуют наиболее свои важные образы-архетипы, в дальнейшем существенно их видоизменяя — в процессе феноменологического и метафизического усвоения и освоения. В то же время «материнские» цивилизации, как бы наблюдая за ростом и развитием «дочерних» цивилизаций, пытаются осознать их динамику посредством использования старых, уже «апробированных» ранее образов. В ходе подобных процессов формируется переходное, фронтальное, противоречивое ментальное образно-мифологическое пространство, часто с известным «удвоением» и дальнейшей трансляцией ключевого образа-архетипа вовне.

Так, вполне очевидно, транслируются миф цивилизации и варварства и миф империи — из византийской и (западно-) европейской цивилизаций в русскую (российскую) цивилизацию, из китайской — в японскую. В своём территориальном расширении и российская, и японская цивилизации используют эти мифы как

«свои собственные», практически аутентичные, при этом, естественно, адаптируя их в рамках геокультурной специфики. Но в то же время, в переходные эпохи, «дочерние» цивилизации могут и готовы примерять на себя мифологические маски «варварства», придавая им положительные смыслы и ценности. Таково, например, «скифство» русской культуры конца XIX – начала XX века.

Образ Скифии, скифского, скифов в русской культуре ассоциируется с молодостью, свежей кровью, энергией дикого напора, жизненной неудержимой силой, далёкой от застоявшихся, затхлых, загнивающих форм старящейся древней культуры. Произведения Бальмонта, Брюсова, Блока, Андрея Белого, Иванова-Разумника, Пришвина, Пильняка, раннего Вс. Иванова, живопись Васнецова, «Весна священная» Стравинского «говорят» о кризисной эпохе, смене вех и поиске новой метафизики, опирающейся на иные образы-архетипы. Возникновение и развитие евразийского движения, имея свой конкретный исторический генезис, связанный с политической и социальной катастрофой России 1917–1921 гг., было, вне всякого сомнения, образно-символически тесно связано, со «скифским» культурным, историософским и метафизическим сдвигом и «впитало» его базовые ментальные установки.

Образ Скифии оказывается амбивалентным «двойным оружием», палкой о двух концах, «двойной связью» (*double bind*) в терминологии шизофренического анализа Г. Бейтсона. С одной стороны, российская цивилизация может часто представлять, воображаться «глазами» европейской и, шире, западной цивилизации, как полудикая и «скифская» с известными отрицательными ценностными обертонами; с другой стороны, российская цивилизация, борясь с таким отрицательным образом и «обижаясь» на него, может периодически, в трудных переходных социально-психологических ситуациях прямо использовать образ Скифии в своих целях, переосмысливая его уже в положительных коннотациях — заданных, кстати, еще в рамках древнегреческой оппозиции цивилизации и варварства. Как всякое образное наследие, образ Скифии может быть амбивалентным, иметь одновременные сосуществующие противоречивые интерпретации в переходном ментальном пространстве цивилизационного взаимодействия.

Картография воображения Скифии в её исторической динамике хорошо показывает как мифологическую подоплёку развития

этого образа так и особенности формирования переходного ментального пространства, «балансирующего» на постепенно меняющих свои контуры границах Европы. Если античная и наследующая ей раннесредневековая европейская картография размещали Скифию в основном в пределах современной Европейской части России, до вполне мифологичных тогда Рифейских гор, привязывая сам образ к античной и пост-античной цивилизации, то более поздние европейские картографические традиции, смешивая Скифию с библейским мифом о народах Гога и Магога и Великой Тартарией, «уводили» её всё дальше в сторону Азии, на восток и северо-восток. Существенно, что библейская мифология, осложнённая образами периодических кочевых нашествий из Азии, постепенно «размывала» исходный историко-географический образ Скифии античного времени; в то же время образ Великой Тартарии, выступая в некоторой степени синонимом и коррелятом образа Скифии, постепенно вытеснял его как с реальных географических карт XV–XVIII вв., так и с умозрительных европейских карт воображения. Образ Московского царства опять-таки мог быть вполне амбивалентным: с одной стороны, Московское государство могло условно размещаться на крайних восточных рубежах Европы, защищая её от кочевников, и в то же время, оно могло быть и коррелятом угрожающих образов Скифии и Великой Тартарии и непосредственно грозить европейским государствам. По-разному размещаемые на различных европейских картах, Московия, Сибирь и Великая Тартария, образно взаимодействуя между собой, постепенно вытесняли образ Скифии в сторону умозрительной картографии воображения, заимствуя в то же время его базовые содержательные коннотации.

А.И. ИВАНЧИК

СКИФИЯ КАК ЦАРСТВО МЕРТВЫХ ГРЕЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПЕРИФЕРИИ ОЙКУМENE

В древнейший период, вплоть до начала колонизации берегов Черного моря, у греков существовало представление о том, что за пределами Босфора начинается Океан, а известные им части Черного моря считались частями Океана. Эта картина мира наложила свой отпечаток на древнейшие представления о Скифии: поскольку с Океаном были связаны представления о загробном мире, черноморская Скифия в целом и ее отдельные части после их открытия греками также стали с ним ассоциироваться, следы чего сохранились в некоторых ранних традициях. Именно этими представлениями объясняется связь с Черным морем Ахилла и его популярность в черноморском регионе в течение всего античного времени. Начиная с Алкмана, назвавшего Ахилла «владыкой скифской земли», Остров блаженных, одна из форм загробного мира и место посмертного пребывания Ахилла, локализовался в Черном море, а сам Ахилл стал покровителем Черного моря и его берегов. То, что черноморский Ахилл первоначально почитался в качестве божества загробного мира, подтверждается не только данными письменных источников, но и особенностями его культа архаической и классической эпохи, зафиксированными археологическими раскопками.

Та же традиция объясняет появление названия «Боспор киммерийский» и локализации киммерийцев на берегах Керченского полуострова, хотя исторические киммерийцы специальной связи с ним не имели. Киммерийцы начиная с гомеровской «Одиссеи» локализовались у входа в царство мертвых. Ряд данных свидетельствует о том, что на берегах Керченского пролива, в особенности на азиатском Боспоре, греки помещали один из входов в загробный мир, что объясняет некоторые особенности местных культов. Киммерийцы были помещены на Боспор именно как обитатели

окрестностей гомеровского царства мертвых, аналогично тому, как они локализовались у Авернского озера в Италии, другого входа в царство мертвых. Их локализация на Боспоре, приведшая к появлению его обозначения как киммерийского, таким образом, вторична по отношению к представлению о том, что здесь находился вход в загробный мир и объясняется этим представлением.

Т.М. КАЛИНИНА

ОБРАЗ СКИФИИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СРЕДНЕВЕКОВЫХ АРАБО-ПЕРСИДСКИХ УЧЕНЫХ

Понятие «Скифия» встречается в книгах древних греков, римлян и византийцев. Так называли край к северу от Понта до Каспийского моря, а «скифами» — кочевников, проходивших по этим территориям. Смена народов на этом пространстве с античности до средних веков не изменила традиционного образа отдаленной окраины, где жили дикие варвары. Понятие «хронотоп», введенное М.М. Бахтиным (Бахтин 1975. С. 235), дало возможность уяснить стереотип, по которому старинные названия «варварских» народов прилагались к новым этносам, вне зависимости от их реального наименования.

С увеличением информации развивалось и изменялось и средневековое мирозерцание. Оно формировалось на основе первичных пространственных представлений, которые определялись способами ориентации, информацией об ареале цивилизаций, о существующих в них народах и пределах их местопребывания, а также культурными традициями (Гуревич 1984. С. 36, 43–44; Замятин 2006. С. 24–44).

Среди ученых Арабского халифата конструирование окружающего пространства, связанное с расширением данных об ойкумене, приобрело дополнительные контуры (Сагадеев 2009. С. 21; Кузнецов 2007. С. 56–58). Картина мира складывалась в большой степени на основе античной географии и космографии, которые дали фундаментальные знания о Земле.

Воззрения на Скифию становились всё менее конкретными, этот край отодвигался в неизведанные земли, всё далее к северу. Так вырабатывались на протяжении столетий представления, в основе которых лежали компактные модели определенных географических образов.

В VIII–IX вв. при дворах властителей Халифата переводились труды античных и восточных авторов, как и свидетельства торговцев, моряков, путешественников. Служители науки при описании Земли ссылались на Гиппократа, Галена, Аристотеля, Птолемея и других античных предшественников (Honigmann 1929. S. 156 et passim).

Александрийский ученый Клавдий Птолемей (II в. н.э.), составивший карту мира по географическим координатам, был для арабских ученых непререкаемым авторитетом. В его «Географическом руководстве» была обоснована необходимость картографического метода описания Земли, выработки системы координат. Птолемей придерживался северной ориентации карты (*Ptol.* 1,24,1;2,1,4 и др.).

В Багдаде, в «Доме мудрости» ученые из разных стран занимались переводами научных трактатов с других языков на арабский и астрономическими, математическими, географическими вычислениями. Мухаммад ал-Хорезми (около 783 – около 850) работал при дворе халифа ал-Ма'муна (813–833). Здесь было проведено измерение градуса земного меридиана, составлены «Проверенные мамуновские таблицы» с координатами населенных пунктов (утрачены) и составлена карта мира (утрачена). В этой работе участвовал и ал-Хорезми. Опираясь на «Географическое руководство» Птолемея, он создал «Книгу картины Земли», где определил расположение топонимов, гидронимов, ойконимов внутри семи «климатов» с запада на восток, рассчитывая точки координат по современным ему данным долготы дня и солнцестояния.

Один из разделов своей «Книги картины Земли» ал-Хорезми назвал «Места [на карте], где описаны пределы стран», с координатами, основанными на данных Птолемея, но измененными в соответствии с воззрениями самого ал-Хорезми. Здесь, среди прочих, встречаются наименования, имеющие аналоги в материалах Птолемея: Германия (*Ирманийа*), Сарматия, Скифия (*Искусийа*). Автор наполнил эти названия современными ему и отсутствующими у Птолемея реалиями: Германию, по его мнению, населяли *сакалиба*, Сарматия — *бурджаны*. Скифий названо две: Страна *Искунийа* (ошибка рукописи, надо: *Искусийа*. — Т.К.) —

это земля *ат-турк* и страна *Икусийа* — это земля *ат-тугузгуз* (Das Kitab 1926. S. 32; Калинина 1988. С. 40). Оба названия соответствуют двум Скифиям Птолемея: *Σκυθία ἡ ἐντὸς Ἰμάου ὄρους*; Скифия с внутренней стороны горы Имаус (*Ptol.* VI, 14, 9) и Скифия с внешней стороны горы Имаус (*Σκυθία ἡ ἐκτὸς Ἰμάου ὄρους*) (*Ptol.* VI, 15, 1). У Птолемея Имаус — меридионально протянувшийся с севера на юг горный хребет, который исследователи идентифицировали с Уралом, Алтаем, Тянь-Шанем, Гималаями.

Идентичные по времени карты Птолемея и ал-Хорезми не сохранились. Поздние варианты карт Птолемея изображают отдельные части ойкумены, в том числе гору Имаус и две Скифии.

Части карты мира ал-Хорезми, в том числе две Скифии, были реконструированы современными учеными в плоскостной проекции в соответствии с его системой координат.

В сохранившейся рукописи книги ал-Хорезми нет имени горы Имаус. Однако название это встречается в «Книге чудес семи климатов» переписчика труда ал-Хорезми Сухраба (X в.), где оно имеет форму *Инмаус* и вставлено там же, где первый обозначил гряду под условными координатами (821–822–823), а второй — под [1311] (Das Kitab 1929. S. 106–107). Это изображение совсем не соответствует Имаусу Птолемея. Историки полагают, что здесь подразумеваются реальные хребты: южный Памир, Гиндукуш, часть Гималаев (Мухаммад ибн Мусо ал-Хоразмий 1983. С. 406. Примеч. 584; Daunicht 1968. S. 230–231, 262–263).

Мне представляется, что конкретные аналогии в отношении расположения тюрок и тогузгузов в двух Скифиях, как и горы Имаус, в данном случае неуместны. Не следует относиться к ал-Хорезми как к знатоку реального местоположения того или иного этноса или территории, поскольку этот автор, как и многие другие, наполнял более или менее соответствующим содержанием *образ* части ойкумены. Сохранение стереотипов наименований объясняется восприятием объективной реальности как части картины мира, видимой из какой-то, возможно, идеальной или гипотетической, позиции (Кузнецов 2010. С. 21), из которой автор пытался «выйти», восполнив пространственную картину за счет возможных реалий.

Понятие Скифии как образа дальней части ойкумены встречается и в некоторых других произведениях арабских писателей.

Представитель описательной географии Ибн Хордадбех (IX в.) писал: «Обитаемая часть Земли делится на четыре части. В их числе Европа, в которую входят Андалусия, славяне, Византия, франки, Танжер, [земли] до рубежей Египта. Затем идет Ливия: в ней Египет, Кульзум, Абиссиния, берберы и то, что прилегает к ним, и [страна] юга; в этих странах нет ни кабанов, ни ланей, ни диких ослов, ни козлов. Эфиопия: Тихама, Йемен, Синд, Хинд, Син. Скифия (*Аскутийа*): в ней Арминия, Хорасан, земли тюрок и земли хазар» (Kitab al-masalik 1889. P. 155).

Ибн ал-Факих (писал в 903) использовал материалы Ибн Хордадбеа: «Населенная земля разделяется на четыре части. (Первая) — Европа, в нее входят Андалусия, славяне, Византия, Фиранджа и Танджа, до границы Египта. [Вторая часть] — Ливия. В нее входят Египет, Кульзум, Абиссиния, берберы и то, что прилегает к ним, и Южное море (т.е. Индийский океан и его побережье). В этих странах нет ни кабанов, ни ланей, ни диких ослов, ни козлов. В [третью часть входят] Тихама, Йемен, Синд, Хинд. [Четвертая часть] — это Скифия (*Аскутийа*). В ней — Арминийа, Хорасан, тюрки и хазары. Гермес утверждает, что протяженность каждого из семи климатов составляет сто фарсахов и столько же составляет ширина» (Compendium 1885. P. 6–7).

О таком же разделении Земли поведал Шамс ад-Дин ад-Димашки (1256–1327) в сочинении «Выборка времени о диковинках суши и моря», в главе о разделении Земли «согласно утверждениям древних. К числу таких утверждений относится то, что Ардашир ибн Бабака разделил землю на четыре части. Одна из них — для тюрок, другая — для арабов, третья — для персов и четвертая — для суданцев... Александр [Македонский] разделил народы обитаемой части земли на четыре части. Первую часть он назвал Европа. В нее входят Андалус, славяне, франки, Танжер и ромеи. Вторую часть он назвал Ифрикийя. В нее входят Египет, Кулзум, Абиссиния, зинджи и Южное море. Третью часть он назвал *Аскамунийя*. В нее входят Армения, хазары, турки и Хорасан. Четвертую часть он назвал Банушийя. В нее входят Тихама, Йемен, Индия и Китай» (Cosmographie, 24).

Этот текст наглядно демонстрирует существование сюжетов, перекочевывавших из произведений раннего времени в труды

поздних сочинителей, когда произведение строилось из готовых сюжетных и стилистических форм, без упоминания первоисточника информации (Халидов 1985. С. 75). Несомненно, ад-Димашки воспроизвел, немного изменив, восходящий к Ибн Хордадбеку (или его первоисточнику) тезис, сказав непонятное название *Ас-кутийя*.

Деление ойкумены на четыре части также встречается в арабской географии. Например, ал-Мас'уди (ок. 896 – ок. 956) писал о разграничении сферы на четыре четверти; о четырех основах мироздания — огне, воде, воздухе и земле; о четырех временах года; о четырех ветрах; о четырех составляющих Земли — песке, глине, камнях и солях (*Kitab at-tanbih*, 9, 12, 15, 20, 30, 31). Ряд названий, приведенных ал-Мас'уди, имеют персидские корни, как это замечено в книгах Ибн Хордадбека и Ибн Русте (первая половина X в.), что показывает влияние иранской науки на арабскую географию.

Образ Скифии в представлении арабских ученых уводит в глубь веков; картографическое изображение показывает традиционно далекое пространственное представление об этом древнем этнотопониме.

БИБЛИОГРАФИЯ

Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.

Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1984.

Замятин Д.Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов. М., 2006.

Калинина Т.М. Сведения ранних ученых Арабского халифата. Тексты, перевод, комментарий. М., 1988 (Древнейшие источники по истории народов СССР).

Кузнецов В.А. Написать мир: структуризация прошлого в ранней арабомусульманской историографии // Диалог со временем. М., 2007. Вып. 21. С. 52–85.

Кузнецов В.Ю. Мир единства. М., 2010.

Мухаммад ибн Мусо ал-Хоразмий. Сурату-л-арз Китоби. Шахархлар, тоғлар, денгизлар, ороллар ва дарёлардан [география] / [А. Ахмедов] // Танланган асарлар. Математика, астрономия, география. Тошкент, 1983. С. 292–466 (на узб. яз.).

Сагадеев А.В. Восточный перипатетизм. М., 2009.

Халидов А.Б. Арабские рукописи и арабская рукописная традиция. М., 1985.

Compendium libri Kitab al-Boldan auctore Ibn al-Fakih al-Hamadani / M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1885.

Cosmographie de Chams ad-Din Abou Abdallah Mohammed ed-Dimichki. Texte arabe / A.F. Mehren. Vol. I. Spb., 1866.

Daunicht H. Der Osten nach der Erdkarte al-Huwarismi's: Beiträge zur Historischen Geographie und Geschichte Asiens. Bonn, 1968–1970. T. I–II (1-2).

Honigmann E. Die sieben Klimata und die πόλεις ἐπίσημοι. Heidelberg, 1929.

Das Kitab aḡaib al-aqalim as-sab'a des Suhraḡ / H. v. Mžik. Vienna, 1929.

Kitab at-tanbih wa'l-ischrāf auctore al-Masūdi.../ M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1894.

Das Kitāb Šūrāt al-arḡ des Abū Ġa'far Muḡammad Ibn Mūsā al-Ḥuwarizmī / Hrsg. von Mžik. Leipzig, 1926.

Neugebauer O. A History of Ancient Mathematical Astronomy. Berlin; Heidelberg; New York, 1975.

И.Г. КОНОВАЛОВА

СКИФИЯ В ГЕОГРАФИЧЕСКОМ СОЧИНЕНИИ АЛ-ИДРИСИ*

Средневековая арабская география унаследовала от античной науки многие идеи и пространственные образы, к примеру, понятия географической широты и долготы, представление о делении Земли на части света или на широтные зоны (так называемые «климаты»), взгляд на Мировой океан как на «Окружающее» землю море, а на моря как на его «заливы». Арабские ученые заимствовали у античных авторов также многие (этно-)топонимы. Одним из них был термин «Скифия», впервые появившийся в сочинениях арабских географов IX века.

Исламские ученые интересовались работами античных авторов, главным образом, по естественным и точным наукам, а также прикладным отраслям знания — астрономии, математике, географии, агрономии, медицине и др. Художественные произведения античных авторов остались за пределами их внимания. Соответственно, образ Скифии, унаследованный мусульманской традицией от античности, был заведомо неполон и нашел отражение преимущественно в произведениях географического жанра.

Заимствовав этнотопоним «Скифия» из античных землеописаний, арабские географы поместили его в новый смысловой и этногеографический контекст, что, с одной стороны, позволило им ввести сведения греко-римских авторов о Скифии и скифах в круг своей культуры, а с другой — трансформировало античный образ как в пространственном, так и в этническом отношении.

Сведения ранних арабских географов о Скифии имели слишком общий характер: считалось, что это одна из частей света, населенная различными народами, обитавшими на территории Северной Евразии от Восточной Европы на западе до Китая на востоке и Индии на юге (Калинина 1988. С. 69, 96–98; Ибн Хордадбех 1986.

* Работа выполнена в рамках проекта РНФ № 14-18-02121.

С. 125). Попытку «заземлить» данные о Скифии, показав не только ее место на карте мира, но и лежащие на ее территории населенные пункты, предпринял арабский ученый XII в. ал-Идриси, автор географического сочинения *Нузхат ал-муштак фи ихтирак ал-афак* («Отрада страстно желающего пересечь мир», 1154 г.) (Al-Idrīsī 1970–1984). Пользуясь покровительством норманнского короля Сицилии Рожера II (1130–1154), при дворе которого в Палермо географ жил и работал, он сумел собрать обширный и в ряде случаев уникальный материал о различных странах и народах Восточной Европы и Средней Азии. Для описания этих регионов ал-Идриси использовал разнообразные источники — как книжные данные, собранные арабскими географами IX–XI вв., так и сведения, полученные от своих современников, купцов и путешественников, которые либо сами посещали Восточную Европу и Среднюю Азию, либо общались с лицами, ездившими туда с торговыми целями (разбор сведений ал-Идриси о Восточной Европе см.: Коновалова 1999; Коновалова 2006).

Сочинение ал-Идриси представляет собой описание всех известных автору областей ойкумены, сопровождающееся подробной картой мира. Ал-Идриси знал о четырехчастном принципе членения ойкумены, но не сделал его системообразующим, предпочтя ему описание Земли по «климатам» (*иклим*). Каждый климат ал-Идриси — и это явилось его нововведением, — в свою очередь, механически разбил на десять поперечных частей-секций (*джуз*), равных по длине и ширине. Описание стран и народов в сочинении ал-Идриси ведется по климатам, с юга на север, а внутри климатов — по секциям, с запада на восток.

Ал-Идриси упоминает о Скифии в тексте седьмой секции шестого климата в связи с рассказом о Заволжье и Приуралье: «Эта седьмая секция шестого климата содержит [описание] части Хазарского моря, территории стран внутренних и внешних басджиртов вместе с теми [землями] страны Скифия (*Асқұнийя*), что примыкают к ним с севера» (Al-Idrīsī 1970–1984. Р. 922).

Помещая Скифию рядом с *басджиртами* (башкирами), то есть в пределы тюркских народов, ал-Идриси следовал традиции исламской географии. Написание хоронима «Скифия» у ал-Идриси свидетельствует о том, что он воспринял его, скорее всего, из известного ему сочинения ученого IX в. Ибн Хордадбега, который,

в свою очередь, использовал арабские переработки географического сочинения Птолемея. Из последних наиболее известна переработка ал-Хорезми (первая половина IX в.), у которого встречается практически идентичная форма написания термина: обе формы написания хоронима — *Асқұнийя* (اسقونيا) у ал-Идриси и *Асқұсийя* (اسقوثيا) у ал-Хорезми (Калинина 1988. С. 30) — различаются лишь разным количеством надстрочных точек при пятой графеме.

Характер сведений о Скифии, приводимых ал-Идриси в текстовой части его сочинения, не оставляет сомнений в том, что в картине мира самого географа хороним «Скифия» был, безусловно, актуальным. Судя по описанию населенных пунктов, относящихся к седьмой секции шестого климата в целом, ал-Идриси опирался на информацию купцов и путешественников, которая, однако, была не столь детальной, чтобы позволить географу составить полное и непротиворечивое повествование об этих областях. Об отрывочном характере информации, имевшейся в распоряжении ал-Идриси, свидетельствуют и данные о населенном пункте, который географ относил как к земле басджиртов, так и к территории Скифии, — о городе *Гурхъане*.

Так, говоря о городах страны внешних *басджиртов* во введении к седьмой секции шестого климата, ал-Идриси отмечает: «Что же до страны внешних басджиртов, то к ней относятся [города] *Қārūқийа*, *Намджāн* и *Гурхāн*. Это населенные города, жители которых живут своим трудом, занимаясь торговлей и ремеслами лишь с тем, чтобы обеспечить себя. Эти народы постоянно вторгаются во владения других и забирают [себе] их добро. Эти страны плодородны, с обильной растительностью и стадами скота» (Al-Idrīsī 1970–1984. P. 922).

Однако причисленные во вводной части секции к городам внешних башкир *Қārūқийа*, *Намджāн* и *Гурхāн* в основном тексте секции охарактеризованы как населенные пункты, лежавшие за пределами их территории (Al-Idrīsī 1970–1984. P. 923–924). Судя по описанию, все эти города, в особенности, *Намджāн* и *Гурхāн*, являлись торговыми центрами, включенными в систему международных путей, связывавших Среднюю Азию и Прикаспье с Восточной Европой. В этой связи в литературе справедливо отмечалось, что данные ал-Идриси о территории башкир отражают «южное, среднеазиатское восприятие арабской географической тради-

цией Урало-Поволжья, в которой фиксировались только те народы региона, которые попадали в поле зрения путешественников, следовавших из Хорезма в Волжскую Булгарию и на Русь» (Иванов, Сиротин 2003. С. 59–85).

В то же время в дальнейшем описании города *Гурхāн* ал-Идриси говорит о нем не как о пункте внешних басджиртов, а как о тюркском городе на территории Скифии: по словам географа, город *Гурхāн* — «это большой, населенный город тюрков из земли Асқұнийа. Он стоит к северу от реки Исил, впадающей в море Табаристāна. Город хорошо обустроен, с возделанной округой, туда по указанной реке иногда приезжают купцы и путешественники. Там живет правитель тюрков Асқұнийи, в распоряжении которого многочисленные воины, снаряжение и оружие, множество крепостей, протяженные возделанные земли. В этой стране из ремесленных изделий и предметов искусства делают [не только] то, что требуется для повседневных нужд, но также производят седла и оружие — такие великолепные и совершенные, какие не делают ни в одной [другой] стране тюрков» (Al-Idrīsī 1970–1984. Р. 924).

Таким образом, согласно ал-Идриси, город *Гурхāн* стоял к северу от реки *Атил*, но добраться до него можно было по воде. Географ утверждает, что купцы и путешественники прибывали в *Гурхāн* по реке *Атил*, но учитывая то, что сам город он располагал к северу от *Атила*, можно заключить, что речь должна идти о каком-то его притоке. Этим притоком могла быть река *Анхадāра*, на берегу которой стоял город *Қārūқийа*, связанный с *Гурхāном* прямым водным путем: «От города *Гурхāн* до города *Қārūқийа* по реке *Анхадāра* восемь дней, а по суше — шестнадцать переходов на запад» (Al-Idrīsī 1970–1984. Р. 924). Из сообщения ал-Идриси о том, что город *Қārūқийа* был связан речным путем с городом *Гурхāн*, стоявшим на *Атиле* (либо одном из его притоков), следует, что река *Анхадāра* также относилась к бассейну Нижней Волги. Возможно, речь идет о р. Ашкадар, правом притоке р. Белой, хотя следует признать, что пока единственным аргументом в пользу такого отождествления является схожесть названий.

Двойственность локализации *Гурхāна*, относимого ал-Идриси то к городам внешних *басджиртов*, то к населенным пунктам Скифии, может свидетельствовать не только о вполне естествен-

ном недостатке информации у арабского автора, но и о его стремлении совместить современные ему маршрутные данные о городах тюрков с этнотопонимической номенклатурой тех источников, которыми он пользовался при составлении своего труда.

На примере этнотопонима «Скифия» в сочинении ал-Идриси хорошо видно, как античный термин вытесняется — под напором новой информации — на окраину ойкумены. Если арабские географы IX – начала X в. использовали термин «Скифия» для обозначения огромной территории, охватывавшей как места расселения тюркских народов степной полосы Евразии, так и земли Армении и Хорасана, то ал-Идриси, располагавший значительным объемом современной ему информации об этих областях и населявших их народах, поместил «Скифию» у северных границ известного ему тюркского народа башкиров, тем самым сузив ее размеры до небольшой области.

БИБЛИОГРАФИЯ

Ибн Хордадбех. Книга путей и стран / Пер. с араб., коммент., исслед., указ. и карты Н. Велихановой. Баку, 1986.

Иванов В.А., Сиротин С.В. Южный Урал в освещении античной и средневековой историко-географических традиций // В центре Евразии: Сборник научных трудов. Стерлитамак, 2003. Вып. II. С. 59–85.

Калинина Т.М. Сведения ранних ученых Арабского халифата. Тексты, перевод, комментарий. М., 1988 (Древнейшие источники по истории народов СССР).

Конвалова И.Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. М., 1999.

Конвалова И.Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы: Текст, перевод, комментарий. М., 2006 (Древнейшие источники по истории Восточной Европы).

Al-Idrīsī. Opus geographicum sive “Liber ad eorum delectationem qui terras peragrarare studeant” / Ed. A. Bombaci et alt. Neapoli; Romae, 1970–1984. Fasc. I–IX.

В.П. КОПЫЛОВ, А.Н. КОВАЛЕНКО

ОБРАЗ УСТЬЯ ТАНАИСА КАК ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ЦЕНТРА СКИФИИ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ АНТИЧНЫХ АВТОРОВ

Мы — те, об ком шептали в старину,
С невольной дрожью, эллинские мифы.

В.Я. Брюсов. Мы — скифы

В логическом словаре-справочнике Н.И. Кондакова образ определяется как результат отражения объекта в сознании человека; поэтому субъект, его знания и опыт влияют на процесс формирования образа (Кондаков 1975. С. 396). О скифской мифологии нам известно из античных письменных источников. Каждый античный автор, излагая известный ему скифский миф, опирался, прежде всего, на свои собственные знания, опыт и представления. Именно этим обстоятельством можно объяснить противоречивость в изложении скифских мифов у разных античных авторов, и это необходимо учитывать при воссоздании того или иного образа, представленного в мифологии скифов. Особо отметим, что античные авторы ни одному районному образу Скифии не уделяли столько внимания, сколько устью реки Танаис. Это можно объяснить тем обстоятельством, что в сознании греческих авторов этот образ представлялся наиболее важным для понимания формирования специфики скифской истории. Мы попытаемся, исходя из вышесказанного, воссоздать нашедший отражение в скифской мифологии образ устья реки Танаис как одного из региональных центров Скифии. Археологические материалы отчётливо свидетельствуют о том, что, начиная с архаического периода, в Северном Причерноморье выделяется Нижнедонской историко-культурный регион. Как это нашло отражение в трудах античных авторов?

Впервые Меотида упоминается у Эсхила в его трагедии «Прометей прикованный», где говорится о племенах скифов, чьи кочевья «возле вод Меотийских» (Эсхил 410). О хорошем знании древних о районе устья р. Танаис уже в начальный период греческой колонизации Причерноморья может свидетельствовать информация Плиния Старшего, указавшего в своей «Естественной истории» о присутствии в этом районе карийцев, меонов и клазоменцев (Плиний VI, 20), которые больше нигде в Северном Причерноморье не упоминаются. Ко времени архаического периода относится, очевидно, и миф о происхождении савроматов, где указывается о том, что прибывают они (амазонки) к берегам Меотийского озера — к Кремнам. А Кремны находятся на земле свободных скифов (Геродот IV, 110).

Основным нашим источником о скифских мифах является Геродот, который имел информацию «... от Тимна, доверенного Ариапифа» (Доватур, Каллистов, Шишова 1982. С. 129). Важно отметить, что в своём труде Геродот упоминает Меотиду 15 раз и в шести случаях (Геродот IV, 20, 21, 57, 100, 116, 120) речь у него идёт именно об интересующем нас районе. Это может служить свидетельством о достаточно точном и достоверном представлении греков об образе устья Танаиса и в V в. до н.э. Геродот говорит о реке Танаис как о восточной границе Скифии и сообщает, что «в области, обращенной к восточному морю, — живут уже скифы к западу от Боспора Киммерийского и скифы живут ... от Меотийского озера до реки Танаис, которая впадает в наиболее отдаленный угол этого озера» (Доватур, Каллистов, Шишова 1982. С. 141). Следовательно, уже во времена Геродота восточная граница Скифии по Танаису определялась греками достаточно четко.

В устье р. Танаис, которое являлось своеобразной экологической нишей для обширного степного региона и где пересекались важнейшие транспортные коммуникации, ещё с эпохи бронзы существовала переправа (Копылов 1991. С. 24). Это обусловило чрезвычайную важность этого района, где на протяжении всего скифо-античного периода функционировали, сменяя друг друга, важные поселенческие структуры, выполнявшие функцию основного центра региона (Копылов 2009. С. 29). Уже в VII–VI вв. до н.э. функцию такого центра выполняло Таганрогское поселение, в настоящее время достаточно уверенно отождествляемое с гава-

нию Кремны (Копылов 2011. С. 231), о которой пишет Геродот: «По ту сторону Герра находится та земля, которая называется царской, и [там] обитают скифы самые храбрые и самые многочисленные, которые считают других скифов своими рабами. Доходят они ...и до гавани на берегу озера Меотиды, которую называют Кремны. Часть их [владений] доходит до реки Танаиса» [Доватур, Каллистов, Шишова 1982. С. 107]. Таганрогское поселение функционирует в третьей четверти VII – третьей четверти VI в. до н.э., и в это время устье Танаиса становится точкой притяжения для кочевого скифского населения, что подтверждается наличием здесь самой представительной в Северном Причерноморье серии скифских погребальных комплексов архаического времени, что может свидетельствовать о чрезвычайной важности этого района для скифов уже в столь ранний период. Отметим, что в это время подвластные скифам территории простирались значительно шире и восточная граница их владений проходила, очевидно, в районе Кавказского хребта (Копылов, Коваленко, Русаков 2014. С. 316). Об этом достаточно убедительно свидетельствуют археологические материалы, и, как представляется, уже в эпоху архаики у скифов формируется образ устья р. Танаис как чрезвычайно важного в стратегическом отношении регионального центра Скифии.

События, приведшие к трансформации в Северном Причерноморье облика скифской культуры и образованию здесь их нового объединения — Европейской Скифии V–IV вв. до н.э. в рамках так называемого «скифского квадрата» Геродота (*Геродот* IV, 101), не изменили представления скифов об устье реки Танаис. И, очевидно, не случайно именно дальний угол Меотиды служил Геродоту точкой отсчета протяженности сухопутных путей (*Геродот* IV, 21, 116), отражая реалии современной ему ситуации V в. до н.э. В связи с этим, при определении восточной границы скифских владений по Танаису, о чем пишет уже Геродот, вполне логичным и обоснованным представляется стремление скифов поставить район устья этой реки под свой полный контроль, что в конечном итоге выразилось в появлении здесь в конце первой четверти V в. до н.э. группы гомогенного населения, вплоть до конца IV в. до н.э. осуществлявшего над регионом этот самый контроль. В это же время в дельте Дона появляется и поселение городского типа — Ели-

заветовское городище, которое до конца IV в. до н.э., выполняло роль основного центра в устье реки Танаис (Марченко, Житников, Копылов 2000). Как представляется ныне, население, пришедшее в дельту Танаиса в конце первой четверти V в. до н.э. на момент своего появления в этом регионе уже имело сложившийся хозяйственно-культурный уклад, а в его культуре присутствуют черты, характерные и для оседло-земледельческих племен и для кочевников (Копылов 2000. С. 163). При этом следует отметить, что наличие разных категорий греческой импортной керамики (в частности, амфор, ставших почти неотъемлемой частью погребального обряда) уже в самых ранних погребальных комплексах Елизаветовского могильника говорит о достаточно длительном знакомстве этого населения с эллинским миром, которое происходило в другом регионе и задолго до их прихода в дельту. Об этом может свидетельствовать обычай скифов, зафиксированный Геродотом: «Один раз в год каждый начальник округа в своём округе наполняет вином кратер, из которого пьют скифы, убившие врагов. А те, кто этого не совершат, не вкушают этого вина, но, презираемые, сидят отдельно. Это у них величайшее бесчестие. А все те из них, кто убил очень многих мужей, имеют по два килика и пьют из обоих» (Доватур, Каллистов, Шишова 1982. С. 123). Анализ материалов Елизаветовского городища и его могильника позволяет отметить, что наибольшее количество сходства, параллелей и прямых аналогий в материалах, наиболее показательных в этническом плане, мы имеем, прежде всего, в материалах более ранних и синхронных памятникам лесостепной и, в меньшей степени, степной зоны Поднепровья (Копылов 2000. С. 162). Появление в устье р. Танаис нового населения, как нам представляется, было актом единовременным. Очевидно, это прямым образом было связано с обострением и изменениями военно-политической ситуации в Северном Причерноморье в конце первой – начале второй четверти V в. до н.э., что потребовало укрепления восточных границ Европейской Скифии, которая в это время приобретает устойчивые территориальные формы и становится одним из сильнейших военно-политических образований Северного Причерноморья. В этой связи уместно вспомнить слова Фукидида, который в V в. до н.э. писал, что со скифским царством не могут сравниться европейские царства, «...но даже в Азии нет народа, который мог бы один

на один противостоять скифам, если все они будут единомышленны» (Фукидид II, 97). Усиление для Скифии значения транспортных коммуникаций, проходящих через устье р. Танаис, также может быть связано и с действиями Боспорского государства, сильно укрепившего в первой четверти V в. до н.э. восточную оконечность Керченского полуострова, что препятствовало скифам переправляться через Боспор Киммерийский (Виноградов, Горончаровский 2008. С. 53–54; Виноградов 2005. С. 214).

По нашему мнению, именно с оформлением в V в. до н.э. образа единого скифского политико-административного образования происходит процесс дальнейшей внутренней пространственно-территориальной организации этого объединения и выделения в его составе отдельных региональных центров. Уже Геродот пишет о делении Скифии на три части: «К первому отряду под предводительством царя Скопасиса присоединились савроматы. Отряд этот в случае нападения персов на эту область должен был отступать прямо к реке Танаису вдоль озера Меотида. ... Это войско принадлежало первой из трёх частей скифского царства и получило приказание идти указанным путём. Два других царства — великое царство под властью Иданфирса и третье, царём которого был Таксакис, соединившись в одно войско вместе с гелонами и будинами, должно было медленно отступать» (Геродот IV, 120). Не исключено, что район устья р. Танаис уже в период скифского похода Дария представлялся эллинам одним из трех крупнейших территориальных образований Скифии, однако то, что в V–IV вв. до н.э. здесь уже существует один из крупнейших региональных центров Скифии периода ее расцвета, сомнения не вызывает (Болтрик 2013. С. 193). Это подтверждается наличием здесь значительного количества погребальных памятников и поселенческих структур скифского населения, сосредоточенных в основном в дельте Дона, а также присутствием рядом с Елизаветовским городищем элитных скифских курганов, содержащих престижные вещи. Среди этих курганов особое место занимает курган 8 группы «Пять братьев», по праву занимающий первое место в ряду царских курганов периода «золотой осени» Скифии.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Болтрик Ю.В.* Территориальные центры Скифии // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Сб. научных трудов, посвященный 65-летию профессора В.П. Копылова. Ростов-на-Дону, 2013.
- Виноградов Ю.А.* Боспор Киммерийский // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб., 2005.
- Виноградов Ю.А., Горончаровский В.А.* Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н.э. – середина III в. н.э.). СПб., 2008.
- Геродот.* История в девяти книгах / Перевод и примечания Г.А. Стратоновского. Л., 1972.
- Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота. Тексты, перевод, комментариев. М., 1982 (Древнейшие источники по истории народов СССР).
- Кондаков Н.И.* Логический словарь-справочник. М., 1975.
- Копылов В.П.* Район дельты Дона — перекресток торговых коммуникаций с древнейших времен // 350-летие Азовского осадного сидения (Тезисы докладов конференции). Азов, 1991.
- Копылов В.П.* Население дельты Дона в V–IV вв. до н.э. // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э. Палеоэкология, антропология и археология. Сб. статей. М., 2000.
- Копылов В.П.* Нижнедонской культурно-исторический район в системе международных отношений (VII – первая треть III в. до н.э.) // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время. Ростов-на-Дону, 2009.
- Копылов В.П.* Таганрогское поселение — Гавань Кремны? (письменные источники и археологические реалии) // Античный мир и археология. Саратов, 2011. Вып. 15.
- Копылов В.П., Коваленко А.Н., Русаков М.Ю.* Поселенческие структуры скифо-античного времени на Дону и вопросы определения восточной границ Скифии // Границы и пограничье в южнороссийской истории: Материалы Всероссийской научной конференции. Ростов-на-Дону, 2014.
- Марченко К.К., Житников В.Г., Копылов В.П.* Елизаветовское городище на Дону. М., 2000.
- Плиний Старший.* «Естественная история» // Подосинов А.В., Скржинская М.В. Римские географические источники: Помпоний Мела и

Плиний Старший. Текст, перевод, комментарий. М., 2011 (Древнейшие источники по истории Восточной Европы).

Эсхил. Прометей прикованный / Перевод С. Апта // *Эсхил*. Трагедии. М., 1971.

Фукидид. О Пелопонесской войне // Вестник древней истории. 1947. № 2.

А.П. МЕДВЕДЕВ

«ВЕЛИКАЯ СКИФИЯ»

КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОДНОГО ИЗ ПОНЯТИЙ СОВРЕМЕННОЙ СКИФОЛОГИИ*

В исторической и археологической науке нашего времени нередко встречается хорошо известный специалистам феномен — популярным становится понятие, введенное кем-то из авторитетных ученых без достаточного фактического его обоснования данными исторических и иных источников. В свое время М.Б. Щукин придумал подобным «научным» стереотипам меткое название — «научный фольклор» (Щукин 2007. С. 248). С другой стороны, одно из важнейших свойств научных понятий заключается в том, что, раз появившись, они дальше как бы живут «своей» жизнью, продолжают использоваться по традиции, в то время как с годами их содержание может изменяться весьма радикально вплоть до полного расхождения с данными источников. Между тем, от точности научной терминологии во многом зависят конечные результаты исследования, так как любое научное понятие само по себе — парадигма, не только задающая определенное направление научного поиска, но и в известной мере предопределяющая его конечные результаты.

В конце XX в. в исследованиях украинских, а затем российских скифологов приобрело популярность название «Великая Скифия» (Гаврилюк 2001). Украинская исследовательница посчитала этот термин неологизмом и связала его появление с именем И.И. Артеменко, в свое время упомянувшего «Большую Скифию» в качестве метафоры в предисловии к книге В.А. Ильинской и А.И. Тереножкина 1983 года (С. 5). Ею называются имена В.Ю. Мурзина, С.В. Махортых и других известных скифологов, принявших

* Доработанный вариант доклада, впервые прочитанного на конференции «Боспорский феномен» (Медведев 2005. С. 238–242).

термин «Великая Скифия» для обозначения скифского политического образования в Причерноморье V–IV вв. до н.э. Еще дальше пошел Б.Н. Мозолевский: он отнес время формирования «Великой Скифии» к эпохе поздней бронзы в рамках сабатиновской и бело-зерской культур. «Именно отмеченная территория (то есть “Старая Скифия” от Трансильвании до Каркинитиды. — А.М.) и ее древнее население, а не временное политическое образование во главе с кочевыми скелотами, и есть та Великая, она же исконная Скуфь, имя которой, пережив само это образование, дожило до письменной истории Древней Руси» (Тереножкин, Мозолевский 1988. С. 228). Так постепенно условность термина «Великая Скифия» переросла у исследователей в уверенность реального ее существования со ссылками на авторитет «Повести временных лет». К концу XX в. этот термин окончательно приживается в украинской скифологии, о чем свидетельствует его использование в названии раздела в официальном академическом издании (*Давня історія України* 1999. С. 47–197).

С некоторым опозданием термин «Великая Скифия» получает распространение и в работах российских ученых. Нужно отметить, что обычно он используется без какого-либо обоснования как синоним Европейской Скифии времени ее наивысшего расцвета (Максименко 1987. С. 43; Щукин 1994. С. 83; Виноградов, Марченко 1997; Виноградов 1999. С. 59–62; Алексеев 2003. С. 168, 238, 251).

Между тем, в собственно античной топонимической номенклатуре хороним «Великая Скифия» отсутствует — ни в одном аутентичном источнике классического, эллинистического и римского времени она не отмечена, что показала проверка с помощью поисковой системы в электронном издании классических авторов (MUSAIOS 2002A). Есть только «Скифия», вероятно, впервые у поэта конца VII в. до н.э. Алкея, упомянувшего «Ахилла — владыку Скифской земли» (Bergk Th.: fr.49). Веком позже у Гекатея «Скифия» также упоминается как название страны (fr. 157), при этом этноним «скифы» в связи с этой территорией в сохранившихся фрагментах «Географии» не встречается. У Геродота помимо подробного географического и этнографического описания Скифии V в. до н.э. известна еще «Старая Скифия» (*Herod.* IV. 99). После гибели Скифии в начале III в. до н.э. и исчезновения

скифской культуры появляется «Малая Скифия»: первоначально — земля тавров в Крыму (*Strabo* VII. 4. 5). Затем после расселения скифов на равнинах Добруджи, эта страна также получает название «Малой Скифии» (*Strabo* VII. 5. 12). Наконец, у Клавдия Птолемея впервые дано географическое описание еще одной «Скифии» — «Азиатской» (*Ptolem.* VIII. 8. 32), уже после окончательного исчезновения с исторической карты Восточной Европы исторической Скифии.

Тем не менее, термин «Великая Скифия» нельзя в полной мере назвать неологизмом. Хороним «Великая Скифия» появился сразу, как только закончилась античная эпоха, примерно спустя восемь веков после гибели Скифской державы. Впервые он встречается у готского историка Иордана — автора середины VI в. н.э. В § 62 его «Гетики» содержится весьма путанный рассказ о героическом прошлом гетов (в его представлении — готов), в частности, о походе массагетской царицы Томирис после победы над Киром вплоть до балканской Мезии, «которая, восприняв имя от Великой Скифии, ныне называется Малой Скифией» (“*quae nunc a magna Scythia nomen mutuatum minor Scythia appellatur*”). Из текста «Гетики» становится очевидным, что «Великая Скифия» Иордана — это обширная страна, охватывающая Северную Азию чуть ли не до «Восточного Океана». Его представления об этой Скифии более чем смутны и неопределенны. Но Иордан хорошо знал «Малую Скифию» — провинцию *Scythia minor*, где не одно поколение проживали его предки (Скржинская 2001. С. 232).

Появление названий разных стран с эпитетом «Великая» (*Magna Graecia*, *Magna Hungaria*, Великая Моравия, Великобритания, Великороссия и т.п.) часто подчиняется стандартной культурно-топонимической модели, которую О.Н. Трубачев предложил условно именовать «Великая страна» (Трубачев 2003. С. 165–166). Сама по себе эта модель образования новых географических названий путем добавления к старому хорониму прилагательного «Великая» никакого проявления величия («великодер-жавности»), как иногда думают в наше время, изначально не несет. Она лишь выражает ориентацию «новой страны» относительно «старой», реальной или мифической. Более того, многие названия с эпитетом «Великий» исторически являются более поздними в сравнении с таковыми без этого эпитета.

В соответствии с такой топонимической моделью появилась и иорданова «Великая Скифия»: «**Скифия**» → «**Малая Скифия**» → «**Великая Скифия**». Но еще раз замечу, без какого-либо внутреннего желания автора подчеркнуть ее величие. Совершенно очевидно, что она «возникла» как чисто умозрительная антитеза «Малой Скифии», чему способствовали несоизмеримо большие размеры первой — собственно Скифии, которая также была известна готскому историку.

Спустя полутысячелетие появилась летописная «Великая Скуфь», упомянутая в Повести временных лет, а чуть раньше — в 53-й главе Изборника Святослава в форме «Великая Скоуфия» (Рычка 1998. С. 188–191). Однако, на мой взгляд, допускать, что на Руси местная историческая память об этом хорониме дожила до времен первых летописей, было бы наивно. Скорее всего, он попал к древнерусским книжникам через какое-то раннесредневековое литературное посредство. Так, около 700 г. Равеннский Аноним в «Космографии» (IV. 3) один раз употребил название «Великая Скифия» (Подосинов 2002. С. 193). Видимо, он заимствовал его из труда Иордана, хорошо ему известного. «Великая Скифия» оставила след и в географических представлениях народов европейского Севера (Мельникова 1986. С. 65). Но, к сожалению, до нас не дошло ни одного раннесредневекового грекоязычного источника, где бы прозвучал этот термин, хотя летописец прямо указывает, что земля так зовётся «от Грек».

Хорошо известно, что ни одно свидетельство древних авторов не остаётся без последователей среди наших современников, особенно если его можно использовать для конструирования славного прошлого «своего» народа. По этой причине «Великая Скифия» вскоре вышла за пределы профессионального научного сообщества и стала достоянием паранауки. Ее взяли на вооружение разного рода «популяризаторы», работающие в стиле *folk history*. При этом некоторые из них смело отождествляют «Великую Скифию» не только с Причерноморской Скифией, но и со всей свитой археологических культур, входивших в «скифо-сибирское единство», утверждая, что всю огромную территорию Северной Азии от Алтая до Дуная в древности занимал один и тот же «единый великоскифский» народ» (Васильева 1998). Сейчас украинские философы и культурологи пытаются обосновать необходимость смены

национальной парадигмы «Історії України — Руси» М. Грушевского на «Історію Великої Скіфії — України» (Петрук 2001). Да и в России известны попытки «национализации» этого историко-географического термина вплоть до появления «Великой Русской Скифии» (в сочинениях писателя Ю.Д. Петухова).

Насколько правомерно применять столь поздний искусственный хороним, придуманный Иорданом, к исторической Скифии V–IV вв. до н.э. — судить читателям. За этой древней страной с архаической эпохи закрепилось вполне достойное аутентичное название — Скифия (Классическая, Геродотова, Европейская, Северопрichernоморская) без вызывающего ненужные ассоциации эпитета «Великая», что никак не уменьшает ее значимости в истории Украины и России.

БИБЛИОГРАФИЯ

Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии. СПб., 2003.

Артеменко И.И. От редактора // *Ильинская В.А., Тереножкин А.И.* Скифия VII–IV вв. до н.э. Киев, 1983.

Васильева Н.И. Великая Скифия. М., 1998. — Электронный ресурс [режим доступа: <http://kladina.narod.ru/vasilyeva/chast2.htm>, дата обращения — 27.08.2015].

Великая Скифия (курс лекций). Запорожье, 2002.

Виноградов Ю.В., Марченко К.К. Сарматы и гибель «Великой Скифии» // Вестник древней истории. 1997. № 3.

Виноградов Ю.Г. Разгром сарматами Великой Скифии: следы орды ведут в Тавриду // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (К 100-летию Б.Н. Гракова). III Граковские чтения. Запорожье, 1999.

Гаврилюк Н.А. «Великая Скифия» как показатель состояния терминосистемы скифологии // Российская археология. 2001. № 2.

Давня історія України. Т. 2. Київ, 1999.

Медведев А.П. Когда и как появилась «Великая Скифия»? // Боспорский феномен: проблема соотношения письменных и археологических памятников: Тезисы конференции. СПб., 2005.

Мельникова Е.А. Древнескандинавские географические сочинения. Тексты, перевод, комментарий. М., 1986 (Древнейшие источники по истории народов СССР).

Петрук В. Велика Скіфія — Оукраїна. Київ, 2001.

Подосинов А.В. Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарий. М., 2002 (Древнейшие источники по истории Восточной Европы).

Рычка В. «Великая Скуфь» // *Ruthenica*. Киев, 2009. Т. VIII.

Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н. Мелитопольский курган. Киев, 1988.

Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 2003.

Скржинская Е.Ч. Комментарий // Иордан. О происхождении и деяниях гетов. СПб., 2001.

Щукин М.Б. На рубеже эр. СПб., 1994.

Щукин М.Б. Готский путь. СПб., 2007.

MUSAIOS 2002A / By D.I. Dumant and R.V. Smith.

В.Т. МУСБАХОВА

ОБРАЗ СКИФИИ В ТРИЛОГИИ О ПРОМЕТЕЕ ИСТОКИ И ВЛИЯНИЕ

Образ Скифии играет важную роль как в структуре, так и в идеологии драм о Прометее («Прометей Прикованный», далее — ПП; «Освобождение Прометея» — ОП, во фрагментах), объединяя и тесно связывая между собой эти два уровня трагедии, как это хорошо видно на примере дошедшего ПП. Его структурная основа — место действия трагедии и область стран-ствия Ио — создана автором на базе реальных этногеографических сведений путем трансформаций, преследующих определенные идеологические цели.

Географическая составляющая является основой образа Скифии в драмах о Прометее. Место действия первой драмы трилогии (полемику по проблеме трилогии см.: Мусбахова 2013), определяется как дальний предел земли (1: $\chi\theta\omicron\nu\delta\varsigma\ldots \epsilon\iota\varsigma \tau\eta\lambda\omicron\upsilon\rho\acute{o}\nu \pi\acute{\epsilon}\delta\omicron\nu$) и находится у западных пределов исторической Скифии (Мусбахова 2013. С. 118–125; о локализации на крайнем западе Европы см.: Griffith 1983. P. 80; Finkelberg 1998). На востоке Скифия ограничивается Меотийским озером и характеризуется как крайняя часть земли (417 sq. $\gamma\acute{\alpha}\varsigma \epsilon\sigma\chi\alpha\tau\omicron\nu \tau\acute{o}\pi\omicron\nu$). Пара эпитетов — $\tau\eta\lambda\omicron\upsilon\rho\acute{o}\varsigma$ (дальний) и $\epsilon\sigma\chi\alpha\tau\omicron\varsigma$ (крайний, самый последний) — описывает, таким образом, положение Скифии на крайнем северо-востоке земли, т.е. Европы. Это согласуется с тем, что границей Европы и Азии, согласно ПП, является Боспор Киммерийский (731–735); ее продолжением на север был Танаис. Такое представление о границе материков было, скорее всего, отражено уже у Гекатея (Пьянков 1975. С. 58; Мусбахова 2013. С. 147–157). Однако в ОП прибывающие к Прометею на Кавказ титаны упоминают Фасис как границу Европы и Азии (Fr. 191). Это соответствует более ранним географическим представлениям, когда Фасис восприни-

мался как симметричный Гибралтару выход к Океану на востоке, что подтверждается расширением на восток вплоть до Кавказа мифа о Геракле и коровах Гериона (в «Орфической Аргонавтике» Боспор назван в честь переправы Геракла и упоминается Эрифия у Кавказа, см.: Мусбахова 2014. С. 76 сл.). Интересно, что по сюжету второй трагедии Геракл должен был от Кавказа совершить путь через всю Европу на запад за яблоками Гесперид (*Str.* 4. 1. 7), повторив в обратном направлении поход с коровами к кавказской Эрифии. Контаминация старой и новой границы в трилогии о Прометее позволяет относить ее к первой половине V в. до н.э., когда она наблюдается и у других авторов. Важно то, что при обоих вариантах границы Скифия предстает как страна на крайнем северо-востоке Европы, а Европа представлялась грекам чуть ли не большей половиной мира (*Hdt.* 4. 42, 45).

Помимо окраинного местоположения, важную роль в создании образа Скифии играет ее внутренняя география и этнография. Демонстрация этого материала в ПП достигается путем сюжетной трансформации мифа о Прометее (традиционное место наказания — Кавказ — сохраняется за второй драмой, причина его переосмысляется, см.: Мусбахова 2013). В результате местом наказания в первой драме становится скала на западном краю Скифии, что позволяет поэту дать обзор этой страны в виде итинерария Ио. Решение ввести в драму Ио повлекло за собой превращение ее обычного средиземноморского маршрута в Египет (A. Su 540–564) в полукругосветное путешествие, в значительной своей части напоминающее пешую версию гекатеевского путешествия аргонавтов (FGrHist 1 F18: через Фасис по восточному океану до Нила, а затем по Нилу в Средиземноморье). Удаленность и протяженность северо-восточной окраины земли, враждебность встречаемых здесь племен, данные через описание пути Ио, имели своей целью продемонстрировать деспотизм и жестокость Зевса в отношении оппонентов.

Составляющие художественного образа

1. Скифия охарактеризована как безлюдная пустыня (2: ἄβροτον ἐρημία), что следует понимать как указание на отсутствие здесь привычной для поэта сельскохозяйственной цивилизации (ср. 708: «по непаханным землям»); идею безлюдности мог подсказать кочевой образ жизни скифов (ср. *Hdt.* 4. 123: в Скифии

персам было нечего уничтожать по причине бесплодности земли, а скифы от них все время уходили). Геродот никогда не использует слово «пустыня» для обозначения пространства Скифии, упоминая лишь о пустынных территориях в глубине материка выше причерноморской зоны, заселенной скифами (*Hdt.* 4. 17, 18), то есть о пустынях в прямом смысле где-то уже на краю земли (ср. *Hdt.* 4. 40 о пустынях на восток от Индии). Но о существовании устойчивого выражения «Скифская пустыня» для обозначения Скифии свидетельствуют Гиппократ (Aeg. 18. 4: ἡ Σκυθῆων ἐρημὴ καλεούμενη) и Аристофан (Ach. 704). Можно предположить, что на закрепление этого выражения как синонима Скифии оказал влияние стих из трагедии о Прометее, в котором слово «пустыня» употребляется метафорически.

2. Земля Скифии — мать железа (301). Подтверждением этого является обитание здесь племени железоделателей халибов (714–715). За исключением поздних схолиев, связь халибов, обычно помещаемых на юго-восточном побережье Черного моря, со Скифией засвидетельствована только в ПП и «Семерых» Эсхила (Se 728–733). На данном этапе это позволяет считать представление о Скифии как родине железа частью эсхиловского мифа о Скифии, а отнесение халибов к Скифии у поздних комментаторов толковать как прямое влияние Эсхила (Мусбахова 2013. С. 164–170).

Высочайшая из гор — Кавказ, согласно ПП, также находится в Скифии, к северо-западу от Меотиды (719–720); с него течет река, через которую нельзя переправиться. Причиной, породившей эту локализацию, скорее всего, было смешение двух Гипанисов, зап. Буга и Кубани, ставшей прототипом Гибриста с истоками на Кавказе (Kiessling in RE, s.v. Hypanis). Но такому переносу могло способствовать и новое представление о границе материков, использованное в ПП. Если Кубань, по крайней мере в части своего течения, была известна в архаическую эпоху и как Фасис (FGrHist 1 F 195 a), а Фасис как граница материков был связан с Каказом, то перенос границы к северу мог повлечь за собой и перемещение Кавказа, во всяком случае в воображении поэта. Это могло оказать влияние на ассоциацию Кавказа со Скифией в позднейшей традиции, примером которой может служить текст гипотесиса ПП: «... в Скифии на горе Кавказ».

3. Обитатели Скифии — железоделатели халибы, вооруженные луками кочевники скифы и воинственные амазонки — население неземледельческого мира (см. выше). Они опасны для чужестранцев (благосклонность амазонок к Ио — особый случай): в характеристике халибов ἀνήμεροι γὰρ οὐδὲ πρόσπλατοι ξένοις (716, применимой и к скифам, ср. 712) слышится более привычное ἄξεινοι. Фотий, спустя более чем тысячу лет называя Черное море скифским и одновременно негостеприимным (*Phot. Ep.* 97), приоткрывает традицию, объясняющую название Понта Аксейнос особенностями уклада населения, обитающего на его берегах: «Милетцы, смягчив его дикий и варварский нрав своим человеколюбием и цивилизованным образом жизни, переделали его в “Гостеприимное”» (при этом он контаминирует ее с другой традицией, опиравшейся на особенности моря и его опасность для плавания). Полагаем, что в восприятии обитателей Скифии в ПП можно видеть раннее свидетельство той же традиции цивилизационного объяснения ἄξεινος.

Скифы характеризуются, согласно известному эпическому топосу, как имеющие дома на повозках (*Fr. Hes.* 151); их оружие — дальнобойные луки, что в искусстве архаики является устойчивым признаком изображения не только скифов, но и скифских амазонок. Амазонки, как и Кавказ, помещаются в ПП к западу и северо-западу от Меотиды. Они наделены в ПП собственным мифом (723–727), представляющим собой инверсию генеалогического мифа скифских амазонок у Геродота (4. 110–116): исконные обитательницы Скифии, они переселятся когда-то в Темискиру, которая и была, согласно общему мнению, их родиной. Первородство скифских амазонок было призвано повысить статус Скифии как страны по преимуществу воинственного начала; той же цели служат и характеристики других племен.

По вазописи можно проследить рост интереса к скифским лучникам и амазонкам-лучницам (скифским) на протяжении поздней архаической эпохи (наиболее популярны в 520–480 гг.) и его довольно быстрый спад начиная со второй четверти V в. до н.э. Скифы и амазонки ПП и формируемый через них образ Скифии представляются проявлением того же интереса, нигде больше в литературе не засвидетельствованного так ярко. Его пик приходится на время персидской экспансии, остановленной сначала

в Скифии, а затем в Греции. И объясняться он может двойной ролью Скифии: с одной стороны, это была страна, откуда персы ушли ни с чем, а с другой, — афинский миф о походе амазонок на Аттику (связанный со Скифией, так как в нем упоминается переправа через Боспор Киммерийский и участие в походе скифов, см.: FGrHist 4 F 167 (Гелланик); Is. Paneg. 68) сложился как легендарное соответствие похода персов на Грецию (Eberhard 1976. S. 39 f.). Тем самым Скифия, при всей своей цивилизационной противоположности как Персии, так и Греции, наделялась значением, сопоставимым с Персией. Такую Скифию первобытной силы поэт делает местом пытки Прометея и испытания для Зевса, который, упорствуя в наказании оппонента, рискует потерять власть. Грядущее освобождение Прометея и смягчение тирании Зевса в ОП влечет за собой не только освобождение Ио и возникновение цивилизации ее потомков, включая Геракла, но и важные изменения в негостеприимном мире Скифии. Возможно, неслучайно во фрагментах ОП из скифских племен упоминаются только благозаконные скифы и габии — самое справедливое и гостеприимное племя, питающееся плодами земли, которая плодоносит сама по себе (Fr. 198, 196).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Мусбахова В.Т.* Прометей Прикованный. Проблема авторства и датировки трагедии. СПб., 2013.
- Мусбахова В.Т.* В поисках границы между Европой и Азией: Гекатей Милетский // Ладога в контексте истории и археологии Северной Евразии. Сборник статей памяти Д.А. Мачинского. СПб., 2014. С. 75–92.
- Пьянков И.В.* Массажеты Геродота // Вестник древней истории. 1975. № 2. С. 46–70.
- Eberhard Th.* Mythos und Geschichte. Köln, 1976.
- Finkelberg M.* The Geography of Prometheus Vincit // Rheinisches Museum. 1998. Bd. 14/2. S. 119–141.
- Griffith M.* (ed.) Aeschylus. Prometheus Bound. Cambridge, 1983.

С.М. ПЕРЕВАЛОВ

СЕКРЕТЫ СКИФСКОЙ НЕПОБЕДИМОСТИ

AB OVO

Образ Скифии — порождение европейской культуры, первыми здесь были древние греки, чей интерес к скифам не в последнюю очередь вызывался их военной мощью, вырастающей из склада жизни, радикально отличного от греческого. Возможность понять собственную цивилизацию через сравнение со своими культурными антиподами явилось побудительным мотивом для греческих мыслителей в создании стереотипного образа Скифии, который *mutatis mutandis* прошёл через века и тысячелетия, и во многом определяет его сегодняшнее восприятие.

Два пояснения к названию. Во-первых, секреты, о которых пойдёт речь, являлись таковыми для врагов скифов. Для внимательных наблюдателей и историков секреты трансформируются в причины. Во-вторых, мы, конечно же, отдаём отчёт в том, что нет непобедимых народов и армий. «Непобедимость» возможна при определенных условиях. Об этих условиях и пойдёт речь.

Условие: время и место. Представление о скифской непобедимости у древних греков ограничено во времени и пространстве. Событием, утвердившим скифов в таком качестве, стало успешное отражение похода Дария I Ахеменида в скифские степи около 513 г. до н.э. (Мелюкова 1949. С. 105), концом — разгром и смерть царя Атея в битве с Филиппом II Македонским (*Luc.* Масг. 10). Временной отрезок 520–340 гг. до н.э. можно считать апогеем скифского военного могущества.

Два великих греческих историка середины и конца V в. до н.э. оставили примечательные характеристики скифов того времени.

Геродот: «У скифского племени одно самое значительное из всех человеческих дел устроено самым мудрым образом сравнительно со всем, что нам известно, а все прочее я не одобряю. Са-

мое же значительное их достижение состоит в том, что никто из тех, кто вторгся к ним, не может спастись бегством, а если они не пожелают, чтобы их обнаружили, захватить их невозможно: ведь они не основывают ни городов, ни укреплений, но все они, будучи конными стрелками, возят свои дома с собой, получая пропитание не от плуга, а от разведения домашнего скота; жилища у них на повозках. Как же им не быть *непобедимыми* (ἄμαχοι) и недоступными для нападения? (*Hdt.* 4.46.2–3. Пер. под ред. А.И. Доватура)».

Фукидид: «(Царство одрисов) по военной силе и количеству войска все-таки далеко уступало скифскому. С этим последним не только не могут сравниться европейские царства, но даже в Азии нет народа, который мог бы один на один противостоять скифам, если все они будут единодушны; но они не выдерживают сравнения с другими в отношении благоразумия и понимания житейских дел» (*Thuc.* 2.97. Пер. В.В. Латышева).

Превосходство скифов над своими противниками, как видим, связывается с кочевым образом жизни в северопричерноморских степях. Кочевничество определяло их стратегию и тактику ведения войны у себя на родине. В то же время особенности их политического строя препятствовали созданию устойчивых государственных образований имперского типа за пределами привычной среды обитания.

Условие: кочевничество. Кочевая экономика как завершающая фаза развития скотоводства окончательно сформировалась к началу I тыс. до н.э. (Хазанов 2002. С. 74). Скифы были одним из первых народов, освоивших кочевой способ жизни, и первым, о котором остались связные описания. С.А. Плетнева выделяла три стадии кочевничества, скифы VI–V вв. до н.э. находились, по-видимому, на второй, для которой были свойственны: в хозяйстве — переход от таборного кочевания к «полукочеванию» в пределах территории орды, племени или рода; в военной сфере — смена опустошительных массовых нашествий периодическими набегами за добычей; в политической — создание крупных кочевых объединений типа «империй» или «союзов племен» (Плетнева 1982).

Что касается греков, современников скифов, они в стремлении осмыслить феномен номадизма шли двумя путями. Геродот своими конкретными этнографическими описаниями способство-

вал «скифизации» понятия «номад», так что, словами Ф. Артога, «скиф стал номадом, номад — скифом» (“le Scythe est nomade et le nomade est scythe”: Hartog 1980. Р. 207). Приверженцы теоретического знания исходили из абстрактного представления о человеческой природе. Аристотель объяснял образ жизни кочевников их ленью и условиями обитания, позволяющими питаться, «не прилагая ни труда, ни заботы, мясом домашних животных», причём некоторые «соединяют кочевнический и разбойничий образ жизни» (Arist. Pol. 1.3.4–5. Пер. С.А. Жебелева).

Условие: конь и конница. Решающую роль в переходе от смешанной аграрно-пастушеской экономики к кочевничеству ученые отводят коню (Di Cosmo 2002. Р. 24). Начальная стадия одомашнивания коней по археологическим данным относится к IV тыс. до н.э., но долгое время они использовались преимущественно в качестве упряжных животных. Верховая езда, значительно облегчавшая сезонные перекочёвки, укореняется у кочевых народов с начала I тыс. до н.э., и самое широкое распространение, как в быту, так и на войне, получила именно у скифов.

Условие: номады как воины. Конь для верховой езды сотворил не только кочевничество, но и всадника-воина. Если греки и римляне приобретали военные навыки, служа государству, то скифов воинами делала сама жизнь (Hildinger 2001. Р. 1). Экстенсивный способ хозяйствования оставлял массу свободного времени для выездки, охоты, набегов на соседей — занятий, делавших из каждого мужчины «естественного» (*natural*) воина (Di Cosmo 2002. Р. 42). Это давало им преимущество в «неправильной» (по меркам «цивилизованных» народов) войне, где требуется не столько дисциплина, сколько личная инициатива. По К. Клаузевицу, «если мы взглянем на первобытный воинственный народ, то мы найдем, что в нем воинственный дух гораздо более распространен среди отдельных лиц, чем у цивилизованного народа, потому что у первого им обладает почти каждый воин, тогда как среди цивилизованных людей многие делаются воинами лишь по необходимости, а не по внутреннему влечению» (Клаузевиц. С. 78).

Условие: конно-стрелковая тактика. Конница переднеазиатских народов выполняла вспомогательные функции в бою. У скифов (и их предшественников киммерийцев) она составляла главную силу. Скифы располагали и тяжелой конницей, но собст-

венно «скифский» способ ведения боя заключался в массовом использовании лёгкой конницы лучников. Лук скифского типа позволял выпускать до 10–12 стрел в минуту с расстояния в 100–120 м. Наиболее эффективной оказывалась стрельба с поворотом корпуса назад: приём, получивший позднее название «парфянского выстрела». В одном из платоновских диалогов на реплику Сократа про скифов, «о которых говорят, что они, убегая, сражаются не хуже, чем преследуя», Лахет отвечает: «Но ведь это скифская конница так сражается, я же говорю о тяжеловооруженной пехоте эллинов» (*Plat. Lachet. 191b*. Пер. С.Я. Шейнман-Топштейн). Лобовому столкновению скифы предпочитали дистанционный бой с «ложным бегством». Это диктовалось экономией сил, но в другом, нежели у греков, варианте: греки стремились в одном сражении, пусть самом кровопролитном, добиться победы, избегая разорительной войны (Hanson 1989), скифы войну затягивали, сберегая ограниченные людские ресурсы кочевого общества. Цель греков — победить, цель скифов — не проиграть; у греков решала тактика, у скифов — стратегия.

Условие: стратегия «выжженной земли». Тактика «сражаться, убегая», сочеталась с соответствующей стратегией, эффективно применённой в борьбе с Дарием. Скифы первыми успешно применили стратегическое отступление с целью заманить противника вглубь страны, уничтожая по пути средства обеспечения, изматывая его в мелких стычках. Это был именно план: «они решили ни в коем случае не давать открытого сражения, поскольку эти союзники к ним не присоединились, но, постепенно отходя и угоняя скот, засыпать колодцы и источники, мимо которых они будут проходить, истреблять растительность на земле, разделившись при этом надвое» (*Hdt. 4.120*). Тем самым в стратегии впервые появляется фактор пространства, не учитываемый военной теорией греков. Уступка территории ради выигрыша времени, «малая война» вместо крупных сражений, — таков был скифский вызов манере ведения войны в государствах древнего мира. Эту деталь уловили и использовали в своей постмодернистской концепции номадологии Ж. Делёз и Ф. Гватари (Делёз, Гватари): «война без линии фронта, без прямых столкновений, без тылов и до определенного момента без сражений — это партизанская война *go*: чистая стратегия».

«Скифская война» после скифов. Утрата скифами ореола «непобедимости» обусловлена изменениями исторических условий: переходом от кочевничества к оседлости и цивилизации. Но образ «скифской войны» и её носителей не исчез из европейского общественно-политического дискурса. К «скифам» в разное время причисляли аланов, готов, гуннов, монголов, татар, русских. Отечественная война 1812 г. (как и 1941–1945 гг.) содержала многие черты «скифской войны» — от отступательного плана Баркляя-де-Толли до тактики «выжженной земли», включая поджог самой столицы. Сакраментальные слова Наполеона в Москве: “Quels hommes! Ce sont des Scythes!” и возглас Александра Блока: «Да! Скифы — мы!» укладываются в стойкую традицию отождествления русских с древним народом, стяжавшим некогда право зваться «непобедимым».

БИБЛИОГРАФИЯ

- Делёз Ж., Гваттари Ф. Трактат о номадологии: машина войны — Электронный ресурс [режим доступа: <http://prometa.ru/lib/13>, дата обращения — 27.08.2015].
- Клаузевиц К. О войне: Пер. с нем. М., б.г.
- Мелюкова А.И. Античная литературная традиция о скифской непобедимости // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1949. Вып. 30. С. 105–110.
- Плетнева С.А. Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. М., 1982.
- Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. Изд. 3-е. Алматы, 2002.
- Di Cosmo N. Ancient China and Its Enemies. The Rise of Nomadic Power in East Asian History. Cambridge, 2002.
- Hanson V.D. The Western Way of War: Infantry Battle in Classical Greece. Oxford; New York, 1989.
- Hartog F. Le Miroir d'Hérodote. Essai sur la représentation de l'autre. Paris, 1980.
- Hildinger E. Warriors of the Steppe: Military History of Central Asia, 500 BC to 1700 AD. Boston, 1997.

М.А. ПЕТРОВ

СКИФСКОЕ ЦАРСТВО АТЕЯ ВЕЛИКАЯ ДЕРЖАВА ИЛИ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ МИФ?

В настоящее время в работах, посвящённых скифской тематике, выходящих в России и странах ближнего зарубежья, нередко встречается представление о скифском царе Атее как правителе великой державы, воплощавшей высший уровень как внешнеполитического могущества Скифии, так и её социально-политического развития. При этом, как представляется, рост популярности подобной оценки никак не связан с накоплением неопровержимых доказательств в её поддержку. Основные аргументы сторонников «скифского великодержавия» в правление Атея не претерпели заметных изменений за последние 20–30 лет, и можно сказать, что сегодня данная концепция развивается не качественно, а количественно — путём простой аккумуляции мнений.

Образ великой скифской державы во главе с могущественным монархом, охватывающей большую часть Северного Причерноморья, на наш взгляд, в наибольшей степени отвечает двум теоретическим установкам, отчасти пересекающимся между собой в работах отдельных исследователей.

Первая из них связана с «классово-государственной» концепцией социального строя скифов. Для её приверженцев, вне зависимости от декларируемых каждым из них хронологических рамок начала классообразования и политогенеза у скифов, царство Атея, бросившее вызов могущественной державе Филиппа Македонского, просто не могло не быть сложившимся централизованным государством, в соответствии с марксистскими установками, основанным на классовой дифференциации. При этом стремление к максимальному преувеличению масштабов Атеева царства и характера его власти в наибольшей степени было присуще сторонникам раннего политогенеза у скифов. Поскольку развитие скифской государственности, в соответствии с марксистской теорией (точнее

— её советской версией), представлялось им поступательным процессом, к концу IV в. до н.э. имевшим длительную историю, то к рассматриваемому периоду система государственной власти в Скифии должна была достичь относительно высокого уровня. Преувеличенная оценка скифского царства Атея как образования едва ли не имперского типа, с твёрдой самодержавной властью, покончившей с последними пережитками коллективного правления (Хазанов 1975. С. 244), ретроспективно обосновывала идею о более раннем появлении государства у скифов.

Вторая теоретическая установка по большей части лежит вне науки и в основном связана с задачами политического мифотворчества. Концепция «Великой Скифии», обладающей основными признаками цивилизации, традиционно импонировала разного рода национал-патриотическим идеологам, что стало особенно очевидно в постсоветскую эпоху.

Нельзя не заметить, что сама по себе теоретико-догматическая ограниченность и даже прямая политическая ангажированность какой-либо концепции не может служить неопровержимым доказательством её ложности. Вопрос о том, насколько образ могущественного царства Атея, распространённый в современной историографии, адекватен картине, рисуемой источниками, следует рассматривать по существу.

Без преувеличения можно утверждать, что все выводы о значительных масштабах власти скифского царя Атея основываются всего лишь на одном кратком замечании Страбона: «Атей, ... как кажется, господствовал над большинством здешних варваров» (VII, 3, 18). Разбору этого пассажа и, в частности, крайней гипотетичности формулировки, к которой прибег античный автор, в своё время посвятил целую статью Д.П. Каллистов (Каллистов 1969). Его оппоненты предпочли проигнорировать основные источниковедческие доказательства историка, в основном апеллируя к общим соображениям. Признаком великодержавного статуса скифского царства Атея, в частности, признавались упоминаемый Плутархом обмен посольствами между скифами и македонянами (Шелов 1971. С. 56), появление большого числа «царских» курганов в IV в. до н.э., рост имущественного расслоения в скифской среде, согласно археологическим данным (Хазанов 1975. С. 239–241), и даже появление Каменского городища, которое исследовавший его Б.Н. Граков поспешил объявить столицей правителей

степной Скифии, не упомянутой ни в одном из письменных источников (Граков 1971. С. 31). Единственным исключением стал текстологический разбор В.И. Павленкова (Павленков 1999), выводы которого в целом не были приняты научным сообществом (Алексеев 2003. С. 239).

Между тем, филологические аргументы Д.П. Каллистова, как нам представляется сегодня, можно дополнить теми соображениями, основанными на современных данных политической антропологии, что рассмотренный пассаж достаточно точно передаёт характер власти предводителей многих известных в истории кочевых объединений.

Внешне имевшие вид строго иерархической системы, они зачастую представляли собой довольно аморфные структуры, в которых власть верховного правителя имела условный или, в лучшем случае, ситуативный характер (Марков 1976; Крадин 1992). При этом власть правителя могла быть более прочной в кланово-племенных группах, составлявших ядро объединения, и номинальной — на его периферии. В определённых ситуациях она могла усиливаться, например, в случае организации масштабных военно-грабительских экспедиций, суливших славу и богатые трофеи участникам. Однако в ситуациях, когда подчинение ему было невыгодно, подобный правитель мог оказаться «королём без королевства».

Отсутствие чётких механизмов, обеспечивающих эффективность и стабильность функционирования центральной власти, делало отражённую в пассаже Страбона ситуацию в целом типичной для потестарно-политических объединений, сохранявших преимущественно кочевнический характер.

Что характерно, в источнике, наиболее подробно излагающем историю царя Атея в связи с конфликтом, возникшим между ним и Филиппом Македонским, в «Филипповой истории» Помпея Трога, дошедшей в извлечении Юстина, предводитель скифов совсем не выглядит могущественным владыкой Северного Причерноморья. В конфликте с царём истриян Атей фактически обращается к Филиппу с готовностью вступить в подданство, через характерную для архаических обществ формулу «усыновления». Сама война, по свидетельству источника, возникает исключительно из-за надежды Филиппа на богатые трофеи, но никак не из-за геополитического соперничества или реального стремления македонского правителя

подчинить себе Скифию, на чём чаще всего настаивают авторы, склонные видеть в царстве Атея мощную державу (Гуляев 2005. С. 150). После разгрома скифов Филипп покинул их страну, даже не попытавшись как-то закрепить своё господство над ней.

В связи с рассматриваемой проблемой особого внимания заслуживает сам ход скифо-македонской войны 339 г. до н.э. Из сведений Помпея Трога явствует, что Атей был не склонен недооценивать своего противника и поначалу не намеревался вступать с ним в прямой конфликт и в ответ на заявленное намерение Филиппа воздвигнуть статую Геракла в устье Истра пригрозил её разрушить после его ухода. Однако македонскому правителю так или иначе удалось поставить Атея в ситуацию, когда он вынужден был воевать. При этом боевые действия носили непродолжительный характер и закончились генеральным сражением, в котором скифы были наголову разбиты, а их царь погиб.

Последнее обстоятельство, на наш взгляд, плохо согласуется с представлением об Атее как правителе обширной кочевнической державы в Северном Причерноморье. Со времён похода персидского царя Дария I в конце VI в. до н.э. скифы владели эффективной тактикой борьбы с превосходящими армиями вторжения. Данная тактика, как известно, предполагала заманивание противника вглубь скифской территории, с последующим изматыванием ложными атаками, отсечением от источников снабжения и т.д. Вне зависимости от того, имел ли место в действительности поход персов, или был всего лишь фольклорным сюжетом, нет сомнений, что данная «концепция» оборонительной войны была освящена традицией. По мнению ряда исследователей, предание о войне с персами играло роль скифского эпоса (Раевский 2006. С. 327–345).

Правда, для повторения успеха войны с Дарием требовался контроль над обширными территориями, где можно было бы вести маневренную войну, и наличие достаточно крепкого тыла. И судя по тому, что царь Атей не пошёл по пути, предначертанному опытом предков, он не располагал необходимыми возможностями. Даже если многочисленные скифские племена Северного Причерноморья находились от него в какой-то формальной зависимости, реально рассчитывать он мог только на обитавшую в Добрудже племенную группировку, составлявшую ядро его эфемерной державы. Отступление же вглубь степей в подобной ситуации могло спровоцировать открытое выступление против него номинально

подвластных племён. Эти обстоятельства, скорее всего, и заставили скифского царя всё-таки вступить в решающее сражение, которого он стремился избежать и, как показал его исход, — вполне обоснованно.

Таким образом, общий характер исторических свидетельств о царе Атее не позволяет видеть в нём единоличного правителя могущественной державы, реально объединявшей основную массу кочевников Северного Причерноморья. Данные, накопленные исторической наукой и политической антропологией кочевных обществ, позволяют убедительно объяснить имеющиеся в источниках противоречия между декларируемым масштабом власти скифского правителя и ходом исторических событий. Реконструируемая рядом историков «империя» царя Атея, на наш взгляд, в большей степени представляет собой пример историографического мифотворчества, когда свидетельства исторических источников искусственно подгоняются под определённые теоретические конструкции, либо служат средством конструирования мифа о «великом национальном прошлом».

БИБЛИОГРАФИЯ

Страбон. География М., 1964.

Юстин Марк Юниан. Эпитома сочинения Помпея Тропа “*Historiae Philippicae*”. СПб., 2005.

Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н.э. СПб., 2003.

Граков Б. Н. Скифы. М., 1971.

Гуляев В.И. Скифы: расцвет и падение великого царства. М., 2005.

Каллистов Д.П. Свидетельство Страбона о скифском царе Атее // Вестник древней истории. 1969. № 1.

Крадин Н.Н. Кочевые общества (проблемы формационной характеристики). Владивосток, 1992.

Марков Г.Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М., 1976.

Павленков В.И. Царь Атей и свидетельство Страбона // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (К 100-летию Б.Н. Гракова): III Граковские чтения. Запорожье, 1999.

Раевский Д.С. Мир скифской культуры. М., 2006.

Смирнов А.П. Скифы. М., 1966.

Хазанов М.А. Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. М., 1975.

Шелов Д.Б. Скифо-македонский конфликт в истории античного мира // Проблемы скифской археологии. М., 1971 (МИА №177).

Шелов Д.Б. Социальное развитие скифского общества // Вопросы истории. 1972. № 3.

Шелов-Коведяев Ф.В. Боспор в VII–V вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР. 1984 г. М., 1985.

А.В. Подосинов

ГЕОГРАФИЯ СКИФИИ В АНТИЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ОТ ЭСХИЛА ДО ОРОСИЯ*

Образ Скифии и скифов, как он отразился в античных источниках, имеет различные аспекты: географический, политический, социальный, военный, культурный, этический и др. Все они в разной степени подробности представлены в античных свидетельствах.

Восприятие Скифии как географического объекта на протяжении многих веков существования этого концепта испытало большие изменения в зависимости от степени знакомства с этой страной, от влияния космологических схем и представлений об устройстве ойкумены, от миграционных процессов, происходивших на «скифской» территории, и от других факторов.

В настоящем докладе я остановлюсь на эволюции макрогеографических характеристик Скифии, имевшей место с самого начала знакомства греков со скифами вплоть до позднеантичных и раннесредневековых представлений о расположении Скифии.

География Скифии до Геродота

Самые ранние сведения о скифах сохранились в древнегреческой литературе начиная с VI века до н.э., когда те впервые появились в Северном Причерноморье.

Первым, насколько мы знаем, назвал скифов по имени автор гесиодического (т.е. приписываемого Гесиоду, но ему не принадлежащего) стихотворного «Каталога женщин», созданного, вероятно, во второй половине VI в. до н.э. Однако контекст, в котором он их упомянул, относит знание о скифах к еще более раннему времени, а именно к Гомеру.

* Работа выполнена в рамках проекта РФФ № №14-18-02121 и частично поддержана грантом (соглашение от 27.08.2013 № 02.В.49.21.0003 между МОН РФ и ННГУ).

Дело в том, что Гомер в «Илиаде», не называя скифов, говорит о неких народах на севере Евразии, которые попали в поле зрения Зевса, восседавшего недалеко от Трои на горе Ида (XIII, 1–7):

Зевс, приблизив троянцев и Гектора к [ахейским] судам, оставил их перед судами беспрерывно нести труды и беды, а сам обратил вспять светлые очи, взирая вдаль на землю конеборных фракийцев, сражающихся врукопашную мисийцев и дивных (агагов) доителей кобылиц (гиппемолгов) млекоедов (глактифагов) и абиев, справедливейших из людей... (Перевод В.В. Латышева).

Говоря о локализации Гомеровых «дивных доителей кобылиц млекоедов», в которых большинство ученых усматривает скифов, следует задуматься о том, где же они должны были жить, коль скоро Черное море как замкнутый бассейн еще не было известно. Соседство этих «скифов» с фракийцами и мисийцами может означать только одно — они жили севернее или даже северо-западнее Фракии, которая сама воспринималась как северная по отношению к Эгеиде, откуда направлен взгляд автора «Илиады». Последующие локализации Скифии в рамках архаической географии подтверждают помещение Гомером скифов на севере Европы (за Истром, который упомянут уже Гесиодом) на берегу Океана без какого-либо уточнения (восточнее или западнее).

Так, например, близкий «Каталогу» по времени жизни греческий драматург Эсхил (525/524–456/455 г. до н.э.) также упоминает скифов. В драме «Прометей Прикованный» скифский этноним встречается в нескольких контекстах. Помимо традиционного со времен Геродота расположения скифов в районе Северного Причерноморья, у Эсхила можно увидеть и следы архаического представления о скифах как насельниках севера Европы. Так, в начале пьесы сообщается, что ее персонажи прибыли «в отдаленный край земли, в скифскую страну, в безлюдную пустыню...» (1–2), где Прометей прикован к некой скале. По мнению многих исследователей, это было вовсе не на Кавказе, как сообщает последующая традиция, а на северо-западной оконечности ойкумены на берегу Северного океана. Позже Прометей предсказывает беглянке Ио дальнейший путь от того места, где он прикован, и оказывается, что она должна (729–761) двигаться от Прометея на восток и, идя через степи, прийти к кочевникам скифам. Ио не должна к ним приближаться, но, идя вдоль моря (Северного океана) далее на

восток, вынуждена пройти через множество мест и народов (через землю халибов, через некую Буйную реку, к Кавказу, через страну амазонок, Салмидесскую бухту), и только после этого Ио оказывается на Боспоре Киммерийском, где, по другой версии самого же Эсхила, и должны были жить скифы.

На мой взгляд, Эсхил сконтаминировал в своей драме два представления о расположении Скифии — на севере Европы вообще, что соответствовало архаической картине мира, и в районе Керченского пролива, что отвечало новейшим знаниям греков.

Для понимания локализации Скифии на ментальной (а может быть, и реальной) карте древних греков важно свидетельство Страбона (I, 2, 28) о теории Эфора, который в IV в. до н.э. писал в своем трактате о Европе:

Если область неба и земли мы разделим на четыре части, то одна в пределах Апениота (т. е. востока. — *А. П.*) будет занята индийцами, другая, южная, — эфиопами, третья, западная, — кельтами, четвертая, лежащая в пределах ветра Борея, — скифами. При этом он (Эфор. — *А. П.*) прибавляет, что Эфиопия и Скифия обширнее других стран. «Кажется, — говорит он, — народ эфиопский тянется от зимнего востока до запада, а Скифия расположена против этого народа» (Перевод Ф.Г. Мищенко).

Представляется, что расхожее в античности мнение о расположении эфиопов на всем юге ойкумены с востока до запада (первые высказанное уже Гомером) оказывается приложимым и к пространству Скифии, которая, вероятно, здесь мыслится как страна, занимающая весь север ойкумены и находящаяся между восточными индами и западными кельтами (ср. высказывание Страбона в XI, 6. 2 о древних названиях североευропейских народов: «Древние эллинские писатели называли все вообще северные народы скифами и кельтоскифами») (Перевод П.И. Прозорова).

География Скифии у Геродота

Великая греческая колонизация, в результате которой в Северное Причерноморье было выведено множество колоний, позволила уточнить реальное местоположение Скифии.

Геродот в V в. до н.э. первым в античной литературной традиции о скифах обрисовал четкие границы Скифии, представив ее даже в геометрической форме квадрата (IV, 101):

... У Скифии, — так как она имеет четырехугольную форму, а две стороны доходят до моря, — равны по величине все стороны: и та, что идет внутрь страны, и та, что простирается вдоль моря. (2) Ибо от Истра до Борисфена — десять дней пути, от Борисфена до Меотийского озера — другие десять; и от моря внутрь страны до меланхленов, живущих выше скифов, — двадцать дней пути. (3) А однодневный путь, как я прикидываю, составляет по двести стадиев. Таким образом, длина Скифии в поперечном направлении составляет 4000 стадиев и в направлении, ведущем внутрь страны, — еще столько же стадиев. Вот такова величина этой земли (Перевод И.А. Шишовой с участием Е.Б. Новикова).

Итак, Скифия теперь — это земля, расположенная в востоку от низовьев Истра-Дуная до Азовского моря. Именно эта локализация Скифии, подтверждаемая археологическими данными, станет на много веков канонической.

География Скифии после Геродота

Начиная с III в. до н.э. под натиском новых кочевников с востока — сарматов — реальная территория Скифии постепенно сужается до территории низовьев Днепра и Крыма. Свидетельством этого служат слова Диодора Сицилийского (вторая половина I в. до н.э.) о том, что савроматы (=сарматы) «... много лет спустя, сделавшись сильнее, опустошили значительную часть Скифии и, поголовно истребляя побежденных, превратили большую часть страны в пустыню» (II, 43, 7).

Уже в конце I в. до н.э. ближайший сподвижник императора Августа Марк Випсаний Агриппа в своей «Хорографии» соединяет некогда обширную Скифию с Сарматией и ограничивает ее территорией Крыма:

Дакия и Гетика ограничиваются с востока пустынями Сарматии, с запада — рекой Вистлой, с севера — океаном, с юга — рекой Истром. Простирается в длину на 1200 миль, ширина же там, где есть сведения, — 386. Сарматия, Скифия Таврика. Они ограничиваются с востока хребтами горы Кавказ, с запада — рекой Борисфен, с севера — океаном, с юга — Понтийской провинцией. Длина — 980 миль, ширина — 715 (Из «Хорографии» Агриппы по поздним изложениям).

Плиний Старший в конце I в. н.э. сообщает, что «название “скифы” постоянно переходило на сарматов и германцев. Это древнее наименование закрепилось только за теми, которые, буду-

чи самыми дальними из этих народов, живут почти неизвестные остальным смертным» (NH IV, 12, 80–81).

Скифия в Азии

Локализация скифов к востоку от Танаиса и вплоть до Восточного океана характерна для писателей первых веков н.э. Так, например, Страбон, рассказывая о европейских и азиатских скифах, видит их расположение следующим образом (XI, 6, 2):

Для вступающего [в Каспийское море] по правую руку обитают смежные с европейцами скифы и сарматы между Танаисом и этим морем, по большей части кочевники, о которых мы [уже] говорили, влево – восточные скифы, также кочевники, на всем протяжении до восточного моря и до Индии (Перевод П.И. Прозорова).

Интересно отметить, что и на карте мира Клавдия Птолемея для скифов места в Восточной Европе почти не остается — они упомянуты только один раз в III, 5, 7 как «скифы-аланы» (причем далее называются только «аланы»). Их место прочно занято сарматскими племенами, сменившими здесь скифов (III, V, 1–3). В соответствии со словами Плиния, что скифское наименование, сменившись на сарматское, «закрепилось только за теми, которые, будучи самыми дальними из этих народов, живут почти неизвестные остальным смертным», и, вероятно, не без влияния старого представления о том, что среднеазиатские номады родственны скифам, Птолемей помещает Скифию в Азии (в современном понимании). Всю Северную Азию до Серики (Китая) занимают у Птолемея две Скифии — «до Имава» и «за Имавом» (под Имавом понимались, по-видимому, горы Тянь-Шаня).

Такая локализация Скифии станет в Западной Европе после знакомства с наследием Птолемея в начале XVI в. обычной в картографической практике.

К первым векам нашей эры восходит карта мира, сохранившаяся в единственной копии XII–XIII вв. — знаменитая «Певтингерова карта» (*Tabula Peutingeriana*). В Восточной Европе на карте обозначены сарматы («Сарматские пустыни», «амаксобии сарматы», «лупионы сарматы», «венади сарматы», «роксуланы сарматы»), а скифы все отнесены на восток в Азию, от Каспийского моря и до Восточного океана («паралоки скифы», «отио скифы», «саги скифы», «роумы скифы», «эседоны скифы», «абио скифы», «ксатис скифы»).

Скифия Евразийская в раннем средневековье

Иордан, который в VI в. написал историю готов, дошедших в своем движении из Скандинавии до Северного Причерноморья, дает вполне архаическое описание уже давно не существующей здесь Скифии (Гетика, 31):

... Скифия, вытягиваясь в длину и развертываясь в ширину, имеет с востока серов, живущих у самого ее начала на берегу Каспийского моря; с запада – германцев и реку Вистулу; с севера она охватывается океаном, с юга – Персией, Албанией, Иберией, Понтом и нижним течением Истра, который называется также Данубием от устья своего до истока (Перевод Е.Ч. Скржинской).

Описав границы Скифии (а это вся Восточная Европа от Германии до Каспийского моря), Иордан начинает перечислять с запада на восток ее племена (33–37: «В Скифии первым с запада живет племя гепидов»; далее следуют даки, венеты (скламены и анты), видиварии, эсты, акациры, булгары, гунны. А где же в Скифии сами скифы? Их нет, но есть Скифия, понимаемая как территория Восточной Европы. Поэтому о готском короле Германарихе, покорившем во второй половине IV в. н.э. многие племена Восточной Европы, Иордан мог с полным правом сказать (120): «Он властвовал, таким образом, над всеми племенами Скифии и Германии как над собственностью».

Название «Скифия» становится, таким образом, географической характеристикой огромной территории от Германии до Китая.

Е.Н. РОМАНОВА, Р.И. БРАВИНА, В.М. ДЬЯКОНОВ

СЕВЕРНАЯ СКИФИЯ

ИМПУЛЬСЫ СТЕПНЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЯКУТИИ (НАСЛЕДИЕ, КОНТЕКСТ, ОБРАЗ)

Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы, —
С раскосыми и жадными очами!

А.А. Блок. Скифы

Сложность восприятия любого пространства в фокусе историко-когнитивных презентаций диктует особую исследовательскую оптику, связанную с методологией междисциплинарного знания. Всякая культура стремится продлить во времени и удержать, расширить в пространстве лишь то, что феноменологически определяет и представляет ее целостный образ с помощью наследия другой, предшествующей культуры, иногда и разделенной в географическом пространстве (Замятин 2014. С. 313–314). Осмысление культурного наследия самых северных номадов — якутов, оказавшихся на периферии степного евразийского пояса, в экстремальных условиях Севера, — поставило вопрос о существовании в якутской тайге особой «скифской кочевой стихии».

Северная Скифия в археологическом наследии. В части определения влияния скифского мира на исторический и культурный образ Якутии выделяется два потока. Первый связан собственно с проникновением на территорию Якутии предметов, относящихся к культурам скифо-сарматского мира в эпоху палеометалла. Второй, безусловно, определяется в культуре якутов, сформировавшейся на средней Лене в эпоху средневековья на основе смешения различных пришлых и местных этнических групп, но сохранившей довольно ощутимый пласт реминисценций скифо-сибирского стиля в узорах, украшениях, элементах одежды и др.

В эпоху бронзы и раннего железного века на территории современной Якутии сосуществуют различные культурные традиции, возникшие как на местной автохтонной позднеолитической основе, так и за счет влияния пришлых племён с иным культурным кодом, отмеченным в археологическом материале. Новейшие исследования показывают, что хронологические границы раннего этапа железного века в Якутии следует связывать со скифской эпохой и определять их раннюю границу в рамках VIII–III вв. до н.э. (Степанов и др. 2014). В этот период в инвентаре кочевых племён Якутии преобладали каменные и костяные орудия, а железо, очевидно, было ещё редким в использовании. Вместе с тем, в среде культуры раннего железного века Якутии присутствуют яркие бронзовые изделия скифского и раннесарматского времени импортного и местного производства: топоры-кельты (мурьинский, нюрбинский), мечи (хоту-туулаахский, укуланский, сэндэлинский, возможно, сильгумджинский), наконечники стрел и котлы (Степанов 2008).

Одним из наиболее индикаторных изделий скифского облика, обнаруженных на территории Якутии, является медно-железный котел с полусферическим туловом, конусовидным поддоном и двумя дуговидными ручками с одним выступом с р. Марха (левый приток р. Вилюй), имеющий ближайшие аналогии в Минусинской котловине и Туве, где котлы такого типа датируются VIII–VII вв. до н.э. (Окладников 1955. С. 175–177, рис. 59, 2; Степанов 2008. С. 169).

Еще одним ярким изделием скифского облика является хоту-туулаахский меч, датированный концом карасукского или началом тагарского времени (Борисов 1961; Эртюков 1990. С. 79). Этот меч по виду представляет собой скифский акинак, орнамент и общее оформление которого находят параллели с кинжалами из Северного Китая посткарасукского периода (Степанов 2008. С. 171).

Все эти изделия, в целом, являются прямыми свидетельствами влияния степных и лесостепных культур Сибири и Центральной Азии на племена тасежной зоны северной Евразии, куда входит и основная территория Приленья. Данные находки постепенно очерчивают или выявляют определенный этап в археологической периодизации Якутии на рубеже бронзы и раннего железа —

скифскую эпоху, за которой, по-видимому, должна стоять культура носителей скифской традиции, культура в какой-то степени подверженная влиянию своего времени, а именно влиянию скифо-сибирских традиций, и достаточно тесно связанная со скифо-сибирским миром. Подобная картина складывается и в других сопредельных с Якутией районах, где выделяются этапы, совпадающие со скифским и гуннским временем, обусловленные феноменом глобального влияния культур скифского и гунно-сарматского мира (Степанов 2014. С. 38).

А.П. Окладников предполагал, что влияние скифских племен и их культуры на далекий север могло простираться до Восточной Сибири и даже до Якутии, захватывая тайгу (Окладников 1978). В наскальном искусстве эпохи палеометалла Якутии на писанице Бэс-Юрях (р. Амга) встречено изображение лося или оленя, выполненное в «тагарском зверином стиле», датированное I тыс. до н.э. (Окладников, Мазин 1979. С. 22, 71, табл. 20, 1; Кочмар 1994. С. 141, табл. 112, 51). Животное изображено в «скелетном» исполнении с подогнутыми ногами и высоко поднятой головой, украшенной ветвистыми рогами. Такая поза животного характерна для рисунков оленей тагарского времени и находит аналогии в изображениях благородных оленей на оленных камнях Забайкалья (Окладников, Мазин 1979. С. 71).

Д.Г. Савинов, разбирая дотюркские древности в палеознографии якутов, пришел к выводу о долгом существовании субстратной основы, имеющей корни в карасукской и окуневской культурах, на которую, начиная с эпохи бронзы, «накладывались» последующие компоненты формирования древнеякутского культурного комплекса (Савинов 2010. С. 72; Савинов 2013. С. 65). В первую очередь, к этой субстратной основе относятся хозяйственная деятельность, конструктивные особенности жилищ, может быть, домашние производства (изготовление бронзовых изделий, керамика). Опыт изготовления керамики, восходящий к эпохе бронзы, якуты сохраняли вплоть до этнографической современности.

Культурные импульсы процесса распространения коневодства дошли даже до арктических территорий, на которых уже в Средние века, помимо самобытных культур с присваивающим типом хозяйства, складывается скотоводческий культурно-хозяйственный тип. Это прослеживается в материалах погребений

XVII–XIX вв., раскопанных в арктических и субарктических районах Якутии, где обнаружены как захоронения человека с конем, так и сопроводительный инвентарь, явно связанный с коневодством и обожествлением культа коня. Отголоски скифской культуры и искусства в археологическом наследии Якутии довольно четко прослеживаются в погребальных и поселенческих комплексах якутов XV–XIX веков.

Скифы на берегах Лены: архетипические нарративы и «территория воображения». Согласно пространственной памяти якутов, местом прежней территории проживания народа саха всегда выступает юг как оппозиция северу. Генеалогические мифы о происхождении народа проецируют две линии: Омогоя по материнской линии, и Эллэя по отцовской линии. Выдающийся ученый-востоковед Г.В. Ксенофонов, репрессированный в 30-е годы XX в., собрал свод мифологических текстов о легендарных прародителях якутского народа, назвав свой труд «Эллэйада» по имени главного героя, человека царского происхождения, творца организованного природного и социального космоса, культурного демиурга и первопредка якутов — Эллэя. В рукописном фонде Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов хранится рукопись ученого «Скифский миф о праотце народов и учителе (содержание и мифологические элементы якутской легенды об Омогое и Эллэе)», где исследователь проецирует «*топическую религию*» (по Д.Н. Замятину) древних якутов на скифскую модель мира. На уровне сюжетных коллизий — это ритуальные испытания младшего сына Эллэя, который впоследствии получает верховную власть. Изучение скифского мифологического наследия обнаружило, что культура якутов сохранила архаичный фонд индоиранских сюжетов, как на уровне генеалогических легенд, носящих космологический характер, так и на уровне ранних религиозных воззрений. Это трехчастная модель мира, религиозное почитание коня, обожествление солнца, почитание домашнего очага, культ плодородия и продолжения всего живого в образе «древа Жизни», дуалистические представления о вечной борьбе добра и зла (Раевский 1985). Скифские праздники и их сакральное пространство не раз становились объектом сравнительного изучения с архаичным ритуалом *Ысыах* — *ритуалом нового солнечного го-*

да, знаменующего переход от Старого Года к Новому (Топоров 1988). Реконструкция главного календарного ритуала якутской культуры имеет яркие характеристики, сближающие его со скифской традицией. Первые упоминания о празднике якутов можно встретить в дорожных дневниках голландского посла И. Идеса, проезжавшего через Сибирь в Китай в конце XVII в., где он отмечал «огненную» природу ритуала Ысыах: кропление кумысом ритуальных костров, поддерживаемых в течение всего праздника (Идес, Бранд 1967. С. 278). Огонь как граница между миром земным и миром небесным сакрализовывал топос праздника и осуществлял символический обмен между Землей и Небом (бескровные жертвоприношения кумысом). В результате повторяющихся каждый год ритуальных действий происходило сакральное расширение и преобразование пространства. Происхождение названия ритуала Ысыах восходит к глаголам «рассеивать», «кропить», «приносить жертву». Таким образом, ритуальное пространство Ысыаха выступало своего рода прообразом переживаемого пространства божеств и людей. Обновление и реактуализация космологической ситуации происходили посредством ритуала Ысыах. Мифологическая основа ритуала определила его основную космогоническую функцию: творение нового Пространства и Времени. Центром мира здесь выступало мировое древо — *aar багах* — и жертвенный столб, к которому привязывали лошадь белой масти в конском убранстве.

Отдельного внимания заслуживают сакральные вербальные тексты якутов. Так, *скифский звериный стиль* органично вплетен в сюжетные композиции мифологических календарных песен якутов, где разворачивание нового пространства соотносилось с сюжетом терзания быка (образ Зимы / Плеяды) орлом (Образ Весны / Солнце) как циклическим возрождением Природы.

Впечатляет, что мифологическая картина скифо-сибирского мира сохранилась и в современной культуре народа саха. Ритуальные пространства праздника Ысыах, представленные в каждом районе республики, сегодня являются ключевыми символами сакрального ландшафта Якутии, они организуют собой отдельные культурные этнокомплексы четырехугольной конструкции с обрядовыми сооружениями и культовой архитектурой. Анализ сакральных объектов позволяет прийти к заключению, что эти «места памяти» и пространства творчества в настоящее время ре-

актуализируют *скифское искусство*. Якутские гривны из серебра, мужские пояса, оружие, украшения, выполненные в растительном и зверином стилях, орнаментированные кумысные ритуальные чаши-чорооны, наборы богатого конского убранства практически моделируют архетипы скифской культуры, кодируя новое «воображаемое» пространство.

Образ Якутии как Северной Скифии, сконструированный когда-то Г.В. Ксенофоновым на основе устной истории и культурной памяти народа саха, в современных условиях переживает новое рождение.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Борисов В.Г. Меч и копье из Якутии // Советская археология. 1961. № 2. С. 239–241.
- Замятин Д.Н. Постгеография. Капитал(изм) географических образов. СПб.: Гуманитарная Академия, 2014. 591с.
- Кочмар Н.Н. Писаницы Якутии. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1994. 262 с.
- Идес И., Бранд А. Заметки о русском посольстве в Китае. (1692–1695). М.: Ред. Вост. Лит., 1967.
- Окладников А.П. История Якутской АССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. I. 430 с.
- Окладников А.П. Скифы и тайга (к изучению памятников скифского времени в Ленской тайге) // Проблемы археологии: Сборник статей. Л., 1978. Вып. 2. С. 101–109.
- Окладников А.П., Мазин А.И. Писаницы бассейна реки Алдан. Новосибирск: Наука, 1979. 152 с.
- Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры. Проблемы мировоззрения ираноязычных народов евразийских степей I тыс. до н.э. М.: Наука, 1985. 256 с.
- Савинов Д.Г. Дотюркский пласт в палеоэтнографии якутов // Сибирский сборник-2. К юбилею Евгении Алексеевны Алексеенко / Отв. ред. Е.Г. Федорова. СПб.: МАЭ РАН, 2010. С. 68–81.
- Савинов Д.Г. Археологические материалы о южном компоненте в культурогенезе якутов // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2013. № 2 (7). С. 59–72.

- Степанов А.Д.* Предметы скифо-сарматского времени в Якутии // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2008. Вып. 6. С. 167–174.
- Степанов А.Д.* История исследований железного века Якутии // Известия Лаборатории древних технологий. 2014. № 2 (11). С. 33–42.
- Степанов А.Д., Кузьмин Я.В., Джалл Э.Дж.Т.* Новые данные по хронологии раннего железного века Якутии // Известия Иркутского гос. университета. Сер. «Геоархеология. Этнология. Антропология». 2014. Т. 7. С. 106–112.
- Топоров В.Н.* О ритуале. Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных текстах. М.: Наука, 1988. С. 7–60.
- Эртюков В.И.* Усть-Мильская культура эпохи бронзы Якутии. М.: Наука, 1990. 152 с.

М.В. СКРЖИНСКАЯ

СКИФИЯ В «ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ» ПЛИНИЯ СТАРШЕГО

Плиний написал свой единственный сохранившийся до наших дней труд как сводный справочник по разным отраслям естественных наук. Он предполагал, что читатель «Естественной истории» не будет традиционно читать ее с начала до конца, но станет обращаться к его произведению по интересующим в данный момент вопросам. Об этом автор заявил в «Предисловии»: *ne perlegant, sed, ut quisque desiderabit aliquid, id tantum quaerat, ut sciat quo loco inveniatur* (Praef. 33). Поэтому вполне закономерно, исходя из темы конференции, обратиться к тому, что написано Плинием о Скифии.

Скифия как часть известной грекам и римлянам обитаемой части земли описана в IV и VI книгах «Естественной истории», то есть в главах о географии Европы и Азии. Это самая северная страна, которая на западе соприкасается с Сарматией, южная граница ее проходит по северному побережью Понта Евксинского, а на севере она простирается вплоть до Северного или Скифского океана, омывающего Европу и Азию. О восточных рубежах Скифии не сказано ничего определенного, так что можно думать, что все северные неизведанные земли Восточной Европы и Азии условно назывались Скифией. В отличие от Геродота (IV, 101), который уже в V в. до н.э. писал о квадратной форме Скифии и протяжении ее границ с каждой стороны на 4000 стадиев, Плиний не определяет размеров этой части ойкумены и считает неверными сообщенные Агриппой размеры Сарматии, Скифии Таврики и всей страны от Борисфена — 980 миль, а в ширину 716 миль (IV, 91).

В тексте «Естественной истории» есть упоминания о двух отдельных частях Скифии, одна из которых называлась Таврической (IV, 91), а другая Синдской (IV, 84). В этом неясно отразились сведения о том, что с III в. до н.э. перестала существовать Большая Скифия, какой она представлялась ионийским географам и Геро-

доту. Скифское население осталось лишь в Нижнем Поднепровье и степной части Крыма. Первая область упомянута в главе, где речь шла о реке Гипанис (Южный Буг). У ряда древних писателей река Кубань на Таманском полуострове также называлась Гипанисом, и около нее находилась территория Синдики, известной также по боспорским надписям. Из-за сходства наименований двух рек произошла ошибка в «Естественной истории», а возможно, и в ее источнике, автор которого, как и Плиний, плохо представлял географию северного побережья Понта.

В наименовании «Скифия Таврика» отразилась устная практика жителей Херсонеса и Боспора, которые называли своих соседей скифами и принадлежавшие им земли на Таврическом полуострове — Скифией; это хорошо иллюстрируется эпиграфическими памятниками эллинистического и римского времени (IOSPE I2. 352; КБН. 32, 33, 1237). Вслед за херсонеситами и боспорянами такое наименование употребляли другие эллины и римляне. Например, Митридат Евпатор накануне своей первой войны с римлянами велел явиться войску из Скифии (Iust. XXXVIII, 3, 5), то есть из Крыма. После побед полководца Диофанта, присланного Митридатом вместе с военными отрядами на помощь Херсонесу, скифы признали верховенство понтийского царя и, вероятно, обязались пополнять воинами его армию.

Плиний дал характеристику народов, обитающих в Скифии. По традиции, идущей еще от ионийских географов, Плиний написал, что к северу от Истра все племена называются скифскими, но тут же справедливо отметил, что этноним «скифы» постоянно переходит на сарматов и германцев, а древнее наименование «скифы» относится к самым отдаленным народам, о которых почти ничего не известно (IV, 81). Об этом же Плиний сказал и в другой части своего сочинения: «Мы не знаем всех видов диких животных и птиц Индии, Эфиопии и пустынь Скифии, так же как и людей разного рода в этих странах гораздо больше, чем мы могли установить» (XXXII, 143). Известное с V в. до н.э. (Herod. IV, 17, 20) словосочетание «скифские пустыни», по мнению современных исследователей, означает у Плиния и других древних авторов места, не заселенные оседлыми племенами. Я же думаю, что здесь писатель имел в виду пустые, не заполненные современными знаниями про-

странства; в том же смысле у Плиния говорилось о сарматских и колхидских пустынях (IV, 81; VI, 29).

Племена Восточной Европы описаны у Плиния частично по современным ему источникам, но главным образом по сочинениям, восходящим к трудам ионийских географов; их расположение иное, более древнее, чем было отмечено в «Истории» Геродота. К I в. н.э. относятся сведения из глав о племенах близ границ римской провинции Мезия, а также подробное перечисление самоназваний племен на Таврическом полуострове; все прочие сведения извлечены из сочинений, отразивших знания греков о Скифии еще в архаический период. Однако Плиний не заметил противоречивости этих данных. Из греческих произведений, идеализирующих скифов, читатель мог узнать у Плиния фантастические домыслы о том, что скиф Лид показал, как спаивать медь, Скиф, сын Юпитера, изобрел лук и стрелы, а скифский мудрец Анахарсис придумал гончарный круг (VII, 197, 198, 201), и это при том, что все греки в Северном Причерноморье знали, что скифы не пользовались гончарным кругом для изготовления своей посуды.

В «Естественной истории» нет систематического описания климата, флоры и фауны Скифии, отдельные упоминания об этом встречаются в разных частях труда Плиния. Скифия представляется огромной страной с очень холодным климатом; ее северные границы теряются в неизвестности. Из-за холодов там не бывает молний (II, 135), что было отмечено уже у Геродота, однако историк писал, что во время короткого теплого лета в Скифии часто гремят громы с молниями (IV, 28), а до Плиния эти сведения уже не дошли.

Большая часть упоминаний о флоре и фауне Скифии восходит к произведениям Аристотеля и Теофраста. Плиний написал, что в Скифии растут деревья холодного климата: сосна, ель и пихта (XVI, 138), а в целом из-за недостатка растительности там мало животных (VIII, 38). В «Естественной истории» упомянуто совсем немного млекопитающих: это бизоны, туры, лоси, дикие лошади, бобры, волки (VIII, 38, 39, 109; X, 23), а также скифский тарандр, меняющий свою окраску (VIII, 123-124); по-видимому, в этом полужантасическом существе, описанном несколькими древними писателями, отразились сведения о лосях. Вслед за многими античными авторами Плиний отметил высокие достоинства скиф-

ской конницы и выносливость скифских лошадей (IX, 156). Автор «Естественной истории» справедливо выразил недоверие рассказам о живущих в Скифии крылатых грифонах со страшно загнутыми клювами (X, 136).

К сведениям о фауне относится упоминание о некой крупной птице, заворачивающей свои яйца в заячью шкуру (X, 27). Кроме того, Плиний называет водящихся в Скифии скорпионов, которые губят своим укусом даже свиней (XI, 97), описывает насекомое однодневку на реке Гипанис (X, 120) и ядовитых змей, ядом которых скифы смазывают стрелы (X, 279).

Особое внимание Плиний уделил лечебным травам, произрастающим в Скифии. Он трижды вспомнил о скифской траве, растущей у Меотиды (XXV, 82; XXVI, 146; XXVII, 2). Писатель отметил, что скифы впервые открыли ее лечебные свойства и лечили ею раны, а теперь ее развозят по всему миру. Сладкий корень этой травы использовали для приготовления лекарств для лечения астмы и других болезней. Речь идет о растении *glycyrrhiza* (лакрица, называемая также солодкой), которую используют и в современной медицине. Из Скифии привозили также траву безыменку (вероятно, наперстянка), которую знаменитые греческие врачи Гикесий и Аристогитон, а вслед за ними и другие рекомендовали для лечения разных болезней (XXVII, 31). К лечебным травам Плиний ошибочно причислил скифскую гиппаку (XXV, 83), изготовление которой из кобыльего молока описано у Геродота и Псевдо-Гиппократа.

В заключение стоит отметить несколько заметок о полезных ископаемых. Таковы сведения о красящем веществе лазури (вероятно, минерал азурит или ляпис лазурь), о голубой яшме и янтаре, которые добывали в Скифии (XXXIII, 158, 161; XXXVII, 33, 40). Янтарь привозили из двух разных месторождений: из одного он был светлый цвета воска, а из другого — желтый, и соответственно он имел разные наименования.

Итак, из «Естественной истории» читатель мог извлечь сведения о местоположении Скифии, о ее населении и познакомиться с беглыми упоминаниями о климате, флоре, фауне и полезных ископаемых этой страны. Так как в средневековые сочинение Плиния было одним из самых читаемых произведений античных авторов, можно сказать, что его сведения о Скифии долго служили источ-

ником знаний об этой стране. Не случайно, первые печатные издания «Естественной истории» вошли в число древнейших книг, появившихся еще в XV веке.

БИБЛИОГРАФИЯ

Подосинов А.В., Скржинская М.В. Римские географические источники. Помпоний Мела и Плиний Старший. Тексты. Перевод. Комментарии. М., 2011 (Древнейшие источники по истории Восточной Европы).

TSVETELIN STEPANOV

‘SCYTHIAN’ ROOTS OF THE BULGAR RELIGION SOME HISTORICAL AND HISTORIOGRAPHIC REMARKS

The “Scythian madness” («скифское безумство»), or “Scythian fallacy” — such is the well-known cliché used during the Early Middle Ages by learned Christian authors to describe the religious beliefs of many steppe peoples. However, does such a rhetorical (in its essence) definition have anything to do with the truth when it comes to the Danube Bulgars? Or, could it be that they were in fact quite similar to the Turks and, thus, their deities would be found in the Turkic pantheon dating from the mid-sixth century onwards — the well-known Tengri/Tängri, Umai, Erklig, etc.? The latter approach has been predominant in historiography for the past few decades (Кляшторный 1984; Бешевлиев 1981; Бешевлиев 1992; Ваклинов 1977; Стойнев 1985; Овчаров 1997), although it remains quite imprecise with regard to the absence of such records either in the sources or in Bulgarian folklore (an overview, see in Stepanov 2013. P. 5–32).

The archbishop Theophylact of Ochrid (the twelfth century; cf. his *Vita of the fifteen martyrs of Tiberioupolis*) is that highly-educated Byzantine author from the Middle Ages who talks directly of a “Bulgarian religion” and “Bulgarian madness” in reference to the martyrdom of the Bulgar prince Enravota († after 831 and before 836, most probably around 833/4) (Теофилакт Охридски 1990, 4.2, 16). A bit earlier he explicitly states that the Bulgars worshiped the sun and moon, adding that they also worshiped idols and made sacrifices on their altars; as well as maintaining “vile temples”. It is, however, quite possible that these remarks were yet again part of the panoply of well-known Christian rhetorical *techniques* for describing pagan religious beliefs and rituals. So far at least six pagan temples, dating precisely from the 820s and before 864, at the latest, and strongly resembling Iranian sacred fire

temples have been found on the territory of Danube Bulgaria (Пашев 2008; Степанов 1999; Бояджиев 2008; Колева, Кирилов 2008. С. 607–612; Чобанов 2010; Чобанов Б. г. С. 66–90; Дончева 2005. С. 73–94; Биджиев 1984. С. 115–125; also see, Рапен 1994. С. 128–139). It is also true that folklore of the Danube Bulgar(ian)s abounds with facts confirming the existence of a special reverence for the sun and moon, as well as for the Polar Star (Моллов 1997; Калоянов 2003; Степанов 1999), all of which are also typical of a number of ancient Indo-European ethnic groups that inhabited the steppes of Eurasia. Nevertheless, is it possible that this reverence is the result of the beliefs of not so much the Bulgars themselves, but of the local population which they encountered in this part of Southeastern Europe?

It is worth noting that during the second half of the sixth century, the Turks were described by some learned Byzantines as a people inhabiting the lands of the ancient Sakas (*Sacae* in Latin) in Central Asia. The Sakas were one of the so-called Scythian peoples (*Herod.* VII, 64) and spoke East Iranian dialects. Among their dynasties, one was called Kardamaka, with its well-known legacy in Northwestern India. However, that same name reminds of the Bulgar ruler Kardam (777–795 or, according to another chronology, 777–802). Of Iranian origin are also many of the “royal” names among the Bulgars which did not have Turkic analogies: Zabergan (mid-sixth century), Kubrat († most probably in the 660s), Asparukh († 700/701), Tervel (700/701–721), Krum (802/3–814), Malamir (831–836), Persian (831–836), Boris (852–889; † 907), Rasate (889–893) and others (See Stepanov 2014. P. 165–172). The Iranian etymology of all these names is quite noticeable and has been long since established (Justy 1895; Дуйчев 1953. С. 353–356; Дуйчев 1960. С. 479–482; Бешевлиев 1967. С. 237–247; Добрев 1991; Добрев 1994; also see, Симеонов 2008).

It would only be reasonable to wonder to what extent these gaps in the sources could be filled in with information derived from Volga-Kama Bulgaria and also if records from that region could be used to reconstruct these important units of the early Bulgar culture, presuming that all Bulgars professed the same religion(s) before the establishment of Christianity in Danube Bulgaria (after 865) and of Islam among the Volga Bulgars (after the 920s), respectively. Such a ‘procedure’ has long been applied by historians and ethnographers, but the question here

is whether it is really sound in terms of methodology (See Мечков 2013; Нейкова 2014).

Given all of the above, it is not surprising that over the last twenty years some Bulgarian authors, Zhivko Voinikov and Borislav Ivanov, to mention but a few (Войников 2013; Иванов 2013), in their search for the roots of the most ancient religion of the Bulgars, have turned towards the notions about the seven deities among the Scythians, followed later by the Alans, as well as the beliefs related to the horse rider-god Siyavush in Central Asia. They have even associated this god with the well-known rock relief of a horseman, carved on the Madara Plateau (Shumen region, Bulgaria) (Войников 2013; Иванов 2013), as a counter point to the thesis that on the rocks near Madara the Turkic god of the Sky — Tengri-khan, was carved (Кляшторный 1984; Аладжов 1983. С. 76–85; Стойнев 1985; cf. Минаева 1990, and Алексиев-Хофарт 2004; Алексиев-Хофарт 2009; Степанов 2007. С. 44–53). If these and other similar studies prove fruitful in their heuristic dimensions with regard to the religion (or religions?) of the Bulgars, then maybe scholars would need to expand the scope of the research and look outside the world of the Turks, turning their attention to ‘Scythian’ peoples such as Sakas, Wu-sun, Sarmatians, Chionitae and other neighbouring Iranian-speaking people of Middle Asia and the region north of the Caucasus.

BIBLIOGRAPHY

Аладжов Ж. За култа към Тангра в средновековна България // Археология. 1983. № 1–2. С. 76–85.

Алексиев-Хофарт А. От звездите към кръста. София, 2004.

Алексиев-Хофарт А. Митраизмът и древните българи. София, 2009.

Бешевлиев В. Ирански елементи у първобългарите // Антично общество. Труды конференции по изучению проблем Античности. М., 1967. С. 237–247.

Бешевлиев В. Първобългарите. Бит и култура. София, 1981.

Бешевлиев В. Първобългарски надписи (Второ преработено и допълнено издание). София, 1992.

Биджиев Х. Хумаринское городище (VIII–X вв.) // Сборник в памет на проф. Станчо Ваклинов. София, 1984. С. 115–125.

- Бояджиев Ст.* Българската архитектура през VII–XIV в. София, 2008.
Т. 1: Дохристиянска архитектура.
- Ваклинов Ст.* Формиране на старобългарската култура VI–XI в. София, 1977.
- Войников Ж.* Произход и преселения на древните българи. Кавказки и азиатски паралели (В търсене на нов поглед върху стария въпрос). София, 2013.
- Добрев П.* Прабългарите. Произход. Език. Култура. Нов прочит. София, 1991.
- Добрев П.* Светът на прабългарите. София, 1994.
- Дончева С.* Езическите храмове — опит за архитектурно-семантичен анализ // Международна конференция в чест на 70-годишнината на проф. Александър Кузев, Варна 12–14. 09. 2002. Варна, 2005. С. 73–94 (Acta Musei Varnaensis, III/2).
- Дуйчев И.* Имя Аспарух в новооткрытых надписях Грузии // Archiv Orientalni. 1953. 21. С. 353–356.
- Дуйчев Ив.* Пресиам-Персиан. Принос към ономастиката на българското средновековие // Езиковедско-етнографски изследвания в памет на акад. Стоян Романски. София, 1960. С. 479–482.
- Иванов Б.* Сиявуш — бог сияен конник. София, 2013.
- Калоянов А.* Старобългарските шамани. София, 2003.
- Кляшторный С.* Праболгарский Тангра и древнетюркский пантеон // Сборник в памет на проф. Станчо Ваклинов. София, 1984.
- Колева Р., Кирилов Ч.* Спасително археологическо проучване на обект УПИ 1, кв. 69, НААР «Дуросторум-Дръстър-Силистра» // Археологически открития и разкопки през 2007 г. София, 2008. С. 607–612.
- Мечков Ил.* Участие на българите във формиране на културни общности в Източна Европа V–X в. (Фактори и аспекти на културната динамика). София, 2013 (автореферат за научна и образователна степен „доктор”).
- Минаева О.* Мадарският конник. София, 1990.
- Моллов Т.* Мит — епос — история. Велико Търново, 1997.
- Нейкова Р.* Етнокултурни паралели по пътя на българите в Балкано-Кавказкото пространство и Поволжието. София, 2014 (автореферат за научна степен «доктор на науките»).
- Овчаров Д.* Прабългарската религия. Произход и същност. София, 1997.

- Рапен К.* Святилища Средней Азии в эпоху эллинизма (Состояние вопроса) // Вестник древней истории. 1994. № 4. С. 128–139.
- Рашиев Р.* Българската езическа култура VII–IX в. София, 2008.
- Симеонов Б.* Прабългарска ономастика. Пловдив, 2008.
- Степанов Цв.* Власт и авторитет в ранносредновековна България (VII – средата на IX в.). София, 1999.
- Степанов Ц.* Мадара и скалният релеф (по повод на стари и нови ракурси към проблема) // Изследвания по българска средновековна археология. Сборник в чест на проф. Рашо Рашиев / Отг. ред. ст.н.с. д-р Павел Георгиев. Б. м.: «Фабер», 2007. С. 44–53.
- Стойнев А.* Светогледът на прабългарите. София, 1985.
- Теофилакт Охридски.* Житие на Тивериуполските мъченици // Гръцки извори за българската история. София, 1990. Т. IX, 4. 2.
- Чобанов Т.* Свещените дворци на българските канове. София, 2010.
- Чобанов Т.* Езическите храмове на Дунавска България // Древните българи — дискусията продължава. Сборник / Ред. и съст. Ц. Степанов. София, Б. г. С. 66-90.
- Justy F.* Altiranisches Namenbuch. Marburg, 1895.
- Stepanov Ts.* State Formation in Danubian Bulgaria, AD 681–865: Religious Dimensions // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2013. Nr. 1. P. 5–32.
- Stepanov Ts.* Bulgar, Avar, and Khazar Aristocratic Names in the Early Middle Ages (Scytho-Sarmatian and Altaic Heritage in Central and East Europe) // *Avars, Bulgars and Magyars on the Middle and Lower Danube* / Eds. L. Doncheva-Petkova, C. Balogh, A. Türk. София; Piliscsaba, 2014. P. 165–172.

Л.С. ЧЕКИН

СКИФЫ В ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ КЛАССИФИКАЦИЯХ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

На протяжении античности и средних веков названием «Скифия» определялась огромная область на севере обитаемого мира, от Кавказа до Северного океана и от Индии до Германии. По мере расширения знаний о Скифии на ее территории появлялись новые этнонимы, теснившие собственно скифов (согласно «Естественной истории» Плиния (4.81), «имя скифов повсюду переходит в имена сарматов и германцев, так что древнее имя осталось только за теми племенами, которые занимают самые отдаленные страны и почти не известны прочим смертным»; Латышев 1911. С. 172). С XV в., благодаря авторитету Клавдия Птолемея, северо-восток Евразии оказался поделен на Сарматию на западе и Скифию на востоке. Такое районирование сохранилось и в исторических атласах начала XIX в. (Le Sage 1807. N° V, VII).

В этногенетических теориях средних веков предлагались различные отождествления скифов с современными народами, основанные на общности территории и (или) созвучии названий (тюрки, русь, ирландцы, шотландцы) (Chekin 2000). В некоторых первых попытках исторической лингвистики начала нового времени, в особенности в Голландии и Швеции, «скифский» фигурировал как источник таких языков, как латинский, греческий, персидский, голландский и проч.; теория о скифском праязыке дожила до XVIII в. (Van Hal 2011; Metcalf 2013. P. 34–40).

В труде, положившем начало сравнительно-историческому методу в лингвистике, «Исследование о происхождении древнесеверного или исландского языка» (1814/1818), датчанин Р.К. Раск примеривал термин «скифский» как обозначение «класса» языков, которые он в результате назвал готскими, посчитав термин «скифский» слишком «широким и, возможно, вдобавок и слишком нечетким» (в дальнейшем в науке закрепилось немецкое обозначение

«германские языки», отвергнутое Раском как слишком узкое) (Rask 1932. S. 86). Но выявив в 1819 г. родственные связи между финно-угорскими и другими языками и языковыми семьями (самодийские, тюркские, монгольские, эвенкийский, гренландский, баскский, грузинский, а предположительно и некоторые другие языки), Раск назвал эту языковую общность «скифской» именно по причине наибольшей древности, широты и неопределенности термина. Противопоставленную скифской языковую общность Раск назвал «сарматскими» или европейскими языками (согласно современной терминологии, индоевропейские языки) (Rask 1932–1933. S. 1–45, 239–283). Вероятно, термин «скифский» получил у Раска свое новое значение под влиянием недавно вышедшей, но уже принадлежавшей прошлой эпохе в развитии языкознания книги Х.Г. (Б.Ф.) Арндта «О происхождении и разнообразном родстве европейских языков». Арндт указывал, что «чудь» (и народ, и название) произошли от скифов, «не от всех многочисленных скифов, но самых славных скифов Геродота» (von Arndt 1818. S. 137–141, 323).

Расковская таксономия не прижилась, и термин «скифские» в историческом языкознании оставался неопределенным. В немецкой литературе XIX в. в зависимости от различных критериев национальной дифференциации (религия, язык, государство) и морализаторских нарративов («наследие могучих предков» либо «упадок древнего величия») скифы отождествлялись с различными современными народами (монголы, финны, славяне), пока термин «скифский» не оказался применен к восточно-иранским языковым свидетельствам, с разной плотностью представленным в Северной Евразии (ср. Niebuhr 1828; Neumann 1855. S. 100–334; Müllenhoff 1867; Юргевич 1872; von Gutschmid 1892. S. 421–445; Vick 2002. P. 32–35). В современной историографии скифы понимаются как суперэтническая общность, но в терминологии исторической лингвистики «скифский» и «сарматский» языки относятся к восточно-иранским языкам, а полемика о классификации лишь затрагивает положение и взаимоотношение скифского и сарматского языков в пределах этой группы (Петрухин, Раевский 2004. С. 62–101, 360; Бухарин 2013).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бухарин М.Д.* К дискуссии о языке скифов: переход древнеиранского *xš- > *s- и его отражение в древнегреческом // Проблемы истории, филологии, культуры. 2013. № 2 (40). С. 263–285.
- Латышев В.В.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т.2. Латинские писатели. СПб., 1911.
- Петрухин В.Я., Раевский Д.С.* Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. 2-е изд. М., 2004.
- Юржевич В.[Н.]*. О именах иностранных на надписях Ольвии, Боспора и других городов сѣвернаго побережья Понта Евксинскаго // Записки Одесскаго общества исторіи и древностей. 1872. Т. 8. С. 4–38.
- von Arndt C.G.* Über den Ursprung und die verschiedenartige Verwandtschaft der Europäischen Sprachen, nach Anleitung des russischen allgemeinen vergleichenden Wörterbuchs / Hrsg. von J.L. Klüber. Frankfurt a.M., 1818.
- Chekin L.S.* Scythia // Trade, Travel, and Exploration in the Middle Ages: An Encyclopedia / Ed. by J.B. Friedman a.o. New York; London, 2000. P. 543.
- von Gutschmid A.* Kleine Schriften / Hrsg. von F. Rühl. Leipzig, 1892. Bd. 3.
- van Hal T.* The Earliest Stages of Persian-German Language Comparison // History of Linguistics 2008 / Ed. by G. Hassler. Amsterdam; Philadelphia, 2011. P. 147–167.
- Le Sage A.* Atlas historique, généalogique, chronologique et géographique. Paris, 1807. N° V, VII.
- Metcalf G.J.* On Language Diversity and Relationship from Bibliander to Adelung. Amsterdam; Philadelphia, 2013.
- Müllenhoff K.V.* Über die Herkunft und Sprache der pontischen Scythen und Sarmaten // Monatsberichte der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. 1866. Berlin, 1867. S. 549–576.
- Neumann K.* Die Hellenen im Skythenlande: Ein Beitrag zur alten Geographie, Ethnographie und Handelsgeschichte. Berlin, 1855. Bd. 1.
- Niebuhr B.G.* Untersuchungen über die Geschichte der Scythen, Geten, und Sarmaten (nach einem 1811 vorgelesenen Aufsatz neu gearbeitet 1828) // Kleine historische und philologische Schriften. Bd. 1. Sammlung. Bonn, 1828. S. 352–398.
- Rask R.* Udvalgte Afhandlinger / Udg. ved L. Hjelmslev. København, 1932. B. I.

Rask R. Udvalgte Afhandlinger / Udg. ved L. Hjelmslev. København, 1932–1933. B. II.

Vick B.E. Defining Germany: The 1848 Frankfurt Parliamentarians and National Identity. Cambridge (Mass.); London, 2002.

П.В. ШУВАЛОВ

РАЗНЫЕ ПСЕВДО-СКИФЫ В «СТРАТЕГИКОНЕ» МАВРИКИЯ*

В тексте ранневизантийского военного трактата «Стратегикон», традиционно приписываемого императору Маврикию (подробнее о «Стратегиконе» см.: Dennis 1981; Mihăescu 1970; Кучма 2004; Шувалов 2002а; Шувалов 2005), скифы — наиболее часто упоминаемый народ и один из основных противников империи (подсчёты см.: Шувалов 2002б). Скифам же посвящена вторая глава одиннадцатой книги «О нраве и строе каждого народа», при том что в первой главе этой книги речь идёт о персах, в третьей — о белобрысых народах, а в четвёртой, составленной позже, — о славянах и антах. Эта система описания врагов по трём/четырёх группам народов является для автора/ов трактата основным способом этно-культурной систематизации противника (например, классические работы: Dagron 1987; Wiita 1988; Zástěrová 1971). Таким образом, в трактате имплицитно признаётся первое место среди врагов за персами (Сасанидами), но основное внимание уделяется скифам (евразийским гунно-тюркским кочевникам), которые часто выступают на страницах трактата в образе своего рода идеального врага, оттесняя на второй план белобрысых германцев и антов со славянами. Однако детальный анализ текста одиннадцатой книги, проведённый мною, позволяет говорить о том, что образ скифов в трактате распадается на несколько различных ипостасей, принадлежащих различным авторам и редакторам трактата.

История текста главы о скифах (Mauric. XI 2) может быть реконструирована следующим образом.

* Подбор материала для этой работы выполнен в рамках проекта по гранту РФФИ № 15-18-30047 «Крымская Скифия в системе культурных связей между Востоком и Западом (III в. до н.э. – VII в. н.э.)».

На раннем этапе существовал прототекст о скифах (условно: *Scyth*), написанный с учётом риторических норм ритмизации прозы, включавших, в частности, соблюдение основного ритмического закона в клаузулах (чётное количество безударных слогов между последним и предпоследним ударными, исключая артикли, союзы и предлоги), гомеотелефт и т. п. Примером может служить следующий пассаж (Mauric. XI 2,19 ln.68–70):

καὶ ἐπὶ τῶν ἵππων οὐσίῃ καὶ οὐκ ἀποβαίνει <u>ουσὶ</u> τούτων, οὐδὲ γὰρ στῆναι πεζῇ <u>καρτεροῦσιν</u> , ὥς συντραφέντες <u>ταῖς</u> ἵπποις, οὐδὲ τοῖς ποσὶν αὐτῶν <u>ἐπι</u> βαίνειν τῇ ἀσθενεί <u>ᾳ</u> κρατούμενοι·	И всё время на конях и с них совсем не слезая, как не могут стоять на ногах, ведь выросли вместе с конём, так и ступать ногами своими бессилием тем побеждённые
---	---

Этот прототекст не всегда столь же риторически обработан, как приведённый пассаж, но включает как подобные этому, так и менее красивые фрагменты. Автору этого прототекста свойственна определённая лексика: например, для обозначения сражения он не использует слово μάχη, но только πόλεμος. Это в сочетании с наблюдениями за другой лексикой, за нарушениями структуры повествования и за внутренним цитированием даёт возможность с достаточной долей вероятности выделить пассажи, которые могут быть отнесены к прототексту *Scyth*: XI 2,1.2.3.4–5.9.10.11.16–17.19.22–23.24.26.27–30 ln. 4–5.8–9.11.16–23.31–32.32–33.33–38.38–39.55–56.58–65.68–70.75–77.81–84.91–92.92–102. Текст *Scyth* был частью какого произведения о народах, включавшего также аналогичный текст о персах (прототекст главы 1), с которым у текста *Scyth* есть некоторые общие черты.

Скифские народы в этом прототексте выступают как народы «одного, так сказать, поведения и порядка, находящиеся под управлением многих разных вождей. Они праздно-беззаботные. Они многочисленны и свободны, освобождены от множества различных мелких и важных дел, и в войне наиболее опытни. Мелочными же будучи и скрытными, низкими и неверными и будучи одержимыми ненасытностью к деньгам, они презируют клятву, не соблюдая договоры и не довольствуясь дарами, но прежде, чем получают условленное, о кознях заботятся и об ниспровержении постановленного. ... стремясь не столько

в рукопашном бою врагов победить, сколько хитростью, неожиданными и стеснением обстоятельств». «Когда же их враги обращаются (в бегство), они, оставив всё на вторую очередь, до тех пор преследуют, пока не совершат полное уничтожение врагов, используя для этого всякий способ», даже, если враги попытаются укрыться в укреплении. «Они, будучи непостоянными, корыстолюбивыми и из многих племён собранными, не думают о сородичах и об общем согласии». Этот образ скифов, частично основан на риторических штампах школьной традиции, а частично на каком-то реальном опыте. Последний, скорее всего, соответствует гуннам времени вскоре после распада царства Атиллы.

На среднем этапе прототекст был существенно переработан каким-то редактором (условно: редактор *Mach*), упорно предпочитающим для обозначения сражения слово μάχη, а не πόλεμος. Он, видимо, идентичен автору начала предисловия к книге и заголовков к главам (условно: редактор *Harm*). Он создаёт как большие пассажи, так и мелкие интерполяции в стиле глосс, например (Mauric. XI 2,3 ln. 15–16):

<φέρουσι> δὲ <ράδιως> καύσωνος καὶ ψύχους καὶ τῆς λοιπῆς τῶν ἀναγκαίων ἐνδείας, νομαδικὰ ὄντα.	<легко переносят> они жару, холод и иной недостаток необходимого, будучи кочевниками.
--	---

При этом он, судя по всему, нарезал изначальный прототекст *Scyth* на отдельные фрагменты, возможно перекомпоновав их по-новому и опустив некоторые пассажи изначального текста. Этот редактор работал одновременно и над прототекстом о персах. При этом одной из целей его деятельности было сделать эти тексты более пригодными к практическому использованию полководцем. Другой его целью было придать структуре этих двух прототекстов большее сходство, для чего он многократно переносил из первой главы во вторую ключевые слова и выражения, структурирующие повествование по пунктам как бы своеобразного вопросника. Кроме того он дал отсылки на военное дело персов и ромеев, а также и на другие книги трактата. Редактору *Mach* не свойственно специально риторически обрабатывать свой текст и написанные им пассажи носят деловой характер, например (Mauric. XI 2,6 ln. 24–26):

ὀπλίζονται δὲ ζάβαις καὶ σπαθίοις τόξοις κονταρίοις, ὅθεν ἐν ταῖς μάχαις διπλοῦν ἄρμα οἱ πλείους αὐτῶν ἐπιφέρονται, ἐν τοῖς ὅμοις τὰ κοντάρια ἀναβαστάζοντες καὶ τὰ τόξα ἐν ταῖς χερσὶ κατέχοντες, ἀμφοτέροις κατὰ τὴν ἀπαντῶσαν χρεῖαν κεκρημένοι.	Вооружены же они завами и спашами, луками, контариями, вследствие чего большинство из них в битвах имеют двойной арсенал, на плечах подвесив контарии и удерживая луки в руках, они пользуются и тем и другим в зависимости от случающейся необходимости.
--	--

К деятельности редактора *Mach* можно с различной долей уверенности отнести следующие пассажи: XI 2, tit. 3.6–8.12–15.16. 18–19.20–22.24.24–26.31 In. 1.15–16.24–30.40–54.56–57.66–68.70–74.79–80.85–91.105–108.

Судя по дополнениям редактора *Mach*, современные ему восточноевропейские кочевники имеют панцири, а у коней выдающихся воинов спереди — железные или войлочные латы. «Им нравятся битвы на расстоянии, засады, окружения врагов, притворные отступления и повороты, построения клиньями, то есть рассеяно». В бою им доставляет трудности «место ровное и голое». «Вредит им сильно и уход перебежчиков». Скифы этого редактора, возможно, могут быть поставлены в соответствие гунно-булгарским кочевникам юстиниановского времени до захвата степей аvaraми.

Результатом деятельности редактора *Mach/Harm* стало формирование нынешнего текста второй главы одиннадцатой книги.

На третьем этапе в текст главы были сделаны существенные интерполяции, в том числе на тему авар (условно: редактор *Abar*). В свойственной этому редактору манере им были сделаны вставки в начало и в конец главы.

Во-первых, в заголовок (Πῶς δεῖ Σκύθαις ἀρμόζεσθαι — «Как надо приспособливаться к скифам») *Abar* дал уточнение «то есть аvaraм и туркам и другим близкого с ними образа жизни гуннским народам» (τούτέστιν Ἀβάροις καὶ Τοῦρκοις καὶ λοιποῖς ὁμοδιαιτοῖς αὐτῶν Οὐννικοῖς ἔθνεσιν), сделанное по схеме, которую этот редактор создал, возможно, под влиянием начала четвертой главы (Πῶς δεῖ Σκλάβοις καὶ Ἀνταῖς καὶ τοῖς τοιοῦτοις ἀρμόζεσθαι. Τὰ ἔθνη τῶν Σκλάβων καὶ Ἀντῶν ὁμοδιαιτὰ τε καὶ ὁμότροπά εἰσιν καὶ ...).

Во-вторых, *Abar* сделал три вставки в начало главы, разо-

рвав единый прежде текст: «И только народы турок и авар заботятся о военных порядках, сильнее других скифских народов проводя рукопашные битвы. И что касается народа турок» ... «ни в чём другом не опытен и не искусен, кроме как лишь в том, чтобы доблестно сражаться с врагами. Народ же аваров — наипорочнейший и лукавый» ... «Итак, эти (два народа), так как они находятся (каждый) под властью одного правителя и кротко выдерживают жестокие наказания от своих начальников за (допущенные) провинности, управляемы не любовью, а страхом и доблестно переносят тягости и страдания. Терпят они» ... (Mauric. XI 2,1.2–3.3 ln. 5–7.9–11.12–14). Этими вставками интерполятор переделал текст с описывавшего «скифские народы» на текст, описывающий авар и турок как скифские народы. Судя по этим вставкам, *Abar* считает, что скифские народы не «заботятся о военных порядках», слабо «проводят рукопашные битвы» и не «находятся (каждый) под властью одного правителя» и не «выдерживают жестокие наказания от своих начальников за (допущенные) провинности».

В-третьих, *Abar* сделал вставку почти в самый конец главы: «Ведь они не отказываются от войны, как остальные народы, после первой проигранной битвы, но до тех пор, пока не будут приныжены против силы, стараются многими способами действовать против их врагов» (Mauric. XI 2,30 ln. 102–105).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Стратегикон Маврикия / Изд. В.В. Кучма. СПб., 2004.
Шувалов П.В. Урбийский и «Стратегикон» Псевдо-Маврикия (часть 1) // Византийский временник. 2002а. Т. 61 (86). С. 71–87.
Шувалов П.В. Враги империи (по трактату Псевдо-Маврикия) // Записки Восточного Отделения Российского Археологического Общества. 2002б. Т. 1 (26). С. 422–452.
Шувалов П.В. Урбийский и «Стратегикон» Псевдо-Маврикия (часть 2) // Византийский временник. 2005. Т. 64 (89). С. 34–60.
Dagron G. Ceux d'en face. Les peuples étrangers dans les traités militaires byzantines // Travaux et Mémoires. 1987. Т. 10. Р. 207–215.
Das Strategikon des Maurikios / Corpus fontium historiae Byzantinae. Wien, 1981. Vol. XVII / Ed. G. Dennis, übers. E. Gamillscheg.
Mauricius artă militară / Ed. H. Mihăescu. București, 1970.

Wiita J.E. The Ethnika in Byzantine Military Treatises. Chicago, 1988.
Zástěrová B. Les Avars et les Slaves dans la Tactique de Maurice.
Praha, 1971.

А.С. ЩАВЕЛЕВ

ОТ ПОЗДНЕАНТИЧНОГО ХОРОНИМА
ΜΕΓΑΛΗ ΣΚΥΘΙΑ
К ДРЕВНЕРУССКОМУ
ЛЕТОПИСНОМУ ЭТНОХОРОНИМУ
«ВЕЛИКАЯ СКУФЬ»
ОБЗОР ТЕКСТОВ

В позднеантичной литературной традиции хороним *Μεγάλη Σκυθία* и его латинский эквивалент *Scythia Magna* есть в двух текстах, передающих сочинение «О двенадцати камнях» епископа Епифания Кипрского (около 315–403 гг.), в котором рассказывается о драгоценных камнях, украшавших одежду ветхозаветного первосвященника Аарона (PG. XLIII. Col. 294–301, 336–339; LXXXIX. Col. 588–589; см. также издание: Dindorf 1862. S. 141–236). В дошедшем до нас греческом тексте трактата этого хоронима нет, но он имеется в его сокращенной переработке, включенной в сочинение (Псевдо)-Анастасия Синаита (ок. 630 г. — после 700 г.) «Вопросы и ответы», а также присутствует в вошедшем в «Авелланово собрание» (ок. 555 г.) латинском переводе части трактата, сделанном епископом Гермияны Факундом (род. в начале VI в. — ум. после 571 г.). На этом основании можно уверенно предполагать, что в изначальной версии Епифания хороним *Μεγάλη Σκυθία* был.

Как известно, хороним *Scythia Magna* есть в тексте трактата «О происхождении и деяниях гетов» (“*Getica*” — *Get.* 62) Иордана, написанного в середине VI в.: «Царица Томира... пошла в ту часть Мезии, которая, восприняв имя от Великой Скифии (*Scythia Magna*), ныне называется Малой Скифией...» (Иордан 1997. 132, 73).

Насколько нам известно, *Μεγάλη Σκυθία* Епифания Кипрского и *Scythia Magna* Иордана и Факунда не имеют аналогов в других позднеантичных текстах. Иордан, если он знал греческий, что счи-

тается сомнительным, мог заимствовать хороним из текста Епифания Кипрского, или это мог сделать кто-то из его предшественников (Кассиодор или Аблабий). Однако скорее Иордан мог заимствовать его из латинского перевода греческого текста Епифания, сделанного его современником епископом Факундом.

В любом случае тексты Факунда и Иордана отражают актуализацию в середине VI в. этногеографического противопоставления применительно к Скифии определений «малый», то есть относящийся к Римской империи, и «большой», то есть относящийся к «неримской» части народа или страны (Вольфрам 2003. С. 123). Именно в это время «Малая Скифия» подвергалась максимальной опасности со стороны народов, населявших «Великую Скифию». Появление же этого географического термина у епископа Епифания в IV в. могло быть вызвано актуализацией в литературно-географической традиции противопоставления территорий *Μεγάλη Σκυθία* с провинцией *Scythia Minor* (*Μικρά Σκυθία*), появившейся как раз в IV в. в результате реформ императора Диоклетиана (245–313 гг.).

Древнерусская литературно-историческая, летописная и хронографическая, номенклатура этногеографических названий уже с XI в. включала термины «Скифия» и «скифы», заимствованные, разумеется, из Византии. Среди них особое место занимает словосочетание «Великая Скуфия» или «Великая Скуфь» — перевод греческого хоронима *Μεγάλη Σκυθία*. Этот оборот встречается в древнерусских текстах пять раз: дважды в «Повести временных лет» (далее — ПВЛ) и по одному разу в «Изборнике 1073 года» (Изборник), «Летописце Еллинском и Римском» второго вида (ЛЕР-2) и «Толковой Палее» (ТП). Все эти упоминания были собраны уже А.А. Шахматовым, с тех пор этот перечень не изменился (Шахматов 1940. С. 80; Аксентон 1977; Добровольский 2009. С. 153–154).

В историографии неоднократно указывалось, что эти упоминания в Изборнике, ЛЕР-2 и ТП представляют собой славянский перевод сочинения «О двенадцати камнях» епископа Епифания Кипрского, но такое отождествление не совсем точно. На самом деле древнерусский перевод был сделан не с оригинального полного текста Епифания Кипрского, а с его сокращенной переработ-

ки из сочинения Анастасия Синаита «Вопросы и ответы», которые составляют основу текста Изборника (Бибиков 1996).

В ответе Анастасия на вопрос о специфическом элементе облачения первосвященников эфуде (эфоде) приведен конспект текста Епифания, в котором сказано, что камень гиацинт добывают в пропасти, окруженной горами, в середине «Великой Скифии». В оригинальном же сочинении Епифания камень назван *τό λυγύριον* — лигий, а не *ὁ ὑάκινθος* — гиацинт; у Епифания гиацинт упомянут только как одно из возможных названий камня лигирия, а географический экскурс, судя по переводу этого текста епископом Факундом, был гораздо пространней. Заметим, что в не переработанном греческом тексте трактата Епифания географический экскурс, включая хороним *Μεγάλη Σκυθία*, и легенда о способе добычи драгоценных камней с помощью орлов вообще отсутствуют. А в тексте ответа на вопрос об эфуде Анастасия Синаита мы как раз видим греческий текст, с которого был сделан древнерусский перевод Изборника 1073 г. (PG. LXXXIX. Col. 588–589).

Сравним греческий и древнерусский варианты отрывка, содержащего хороним *Μεγάλη Σκυθία* / Великая Скифия:

«...Υάκινθος ὑποπυρίζων μὲν ἐστίν, εὐρίσκεται δὲ ἐν τῇ ἐσωτέρᾳ βαρβαρίᾳ τῆς Σκυθίας. Σκυθίαν δὲ εἰώθασι καλεῖν οἱ παλαιοὶ τὸ κλίμα ἅπαν τὸ βόρειον, ἔνθα εἰσὶν οἱ Γότθοι καὶ Δάνεις. Ἐκεῖ τοίνυν ἔνδον ἐν τῇ ἐρήμῳ τῆς μεγάλῃς Σκυθίας ἐστὶ φάραγξ λίαν βαθύτατη, καὶ ἀνθρώποις ἄβατος, ὅρεσι πετρῶν ἐντεῦθεν καὶ ἐντεῦθεν περιεστοιχισμένη, ὥστε ἄνωθεν ἀπ' ἄκρων τῶν ὀρέων παρακύψαντά τινα, ὥς ἀπὸ τειχῶν, μὴ δύνασθαι κατοπτρεῖν τὸ ἔδαφος τῆς φάραγδος, ἀλλ' ἀπὸ τοῦ βάθους ἐσκοτίζεσθαι ὥσπερ τι χάος...».

«...Гиацинт же красноватый есть, а находят его во внутренней варварской Скифии. Скифией же древние обычно называют всю северную сторону, где есть готы и даны. Итак, там внутри в пустыне Великой Скифии есть очень глубокая и недоступная людям пропасть, окруженная высокими скалами с одной и другой стороны, так что те, кто наклонится с высоты вершин скал, как со стен, не сможет увидеть дна пропасти, поскольку из глубины оно затемняется словно каким-то мраком...» (перевод наш. — А.Щ.).

Текст Изборника Святослава 1073 года:

«...Оуакине акы у чрьмень есть обрѣтають же ся въ оутрьнии варьварии сюриисцѣи. Скоуѣию же нарицають ветъсии страну»

тоу вься сѣверскоуя иже соуть гоѡѡи и давѡние, да тоу оубо вьятрь въ поустыни великыя Скоуѡия есть дѣбрь зѣло глоубока и человѣкомъ невѣходьна стѣнами камянами обоюдоу оградивъши ся да темь съ горы приникъшоу кому любо акы съ стѣнъ не мошти дозрѣти дѣна дѣбри тои нѣ отъ глоубины мракъ есть акы пропасть нѣкая...» (л. 153об).

В «Повести временных лет» есть два известия, содержащие интересующее нас словосочетание. Первый раз во Введении к ПВЛ в перечне расселения народов и славянских «племен»: «...уличи тиверцы седяху бо по Днестру, приседяху к Дунаеви. Бе множество ихъ, седяху бо по Днестру оли до моря и суть гради ихъ и до сего дне, да то ся зваху от грек Великая Скуфь». Второй раз — под 907 годом при описании войска князя Олега, совершающего поход на Константинополь: «Иде Олегъ на грекы... поя же множество Варягъ и Словенъ и Чюдъ и Словене и Кривичи и Мерю и Деревляны и Радимичи и Поланы и Сѣверъ и Ватичи и Хорваты и Доулѣбы и Тиверци, яже соуть толковины си вси звахуться от Грекъ Великая Скоуфь...» (ПВЛ 1996. С. 10, 16). Далее в нашем исследовании мы исходим из схемы развития летописания А.А. Шахматова, с учетом, разумеется, основных современных поправок к ней (Гиппиус 2012).

В летописном тексте используется не хороним «Великая Скифия», а этноним или, скорее, этнохороним «Великая Скуфь». Слово «скуфь» по грамматической форме — собирательный этноним, аналогичный этнонимам: русь, чудь, весь, сумь и др. Причем, так же как и «Русь», этноним «Скуфь» может означать, не меняя грамматической формы, и страну (территорию), и проживающий в ней народ. Грамматическая близость и созвучие этнонимов «русь» и «скуфь» должна была осознаваться древнерусскими книжниками. Автор ПВЛ рассказывал, таким образом, как в 907 г. при князе Олеге на Византию успешно ходила походом «русь-скуфь».

Летописец, использовавший в своем тексте этот этноним, мог опираться и на Изборник 1073 г., или на какую-то хронографическую компиляцию, или непосредственно на греческий текст «Вопросов и ответов» (Шахматов 1940. С. 80).

В Новгородской первой летописи младшего извода, отражающей Начальный свод, данный этнохороним не встречается, из

чего Д.А. Добровольский делает вывод, что это словосочетание было включено впервые в летописный текст в ПВЛ и отсутствовало в предшествующих летописных сводах (Добровольский 2009. С. 152–154). Такой вариант, на первый взгляд, дает вполне логичное и экономное объяснение появления этих двух ремарок. Между тем, очевидно, что не все известия, отсутствующие в Новгородской первой летописи младшего извода, можно автоматически относить к тексту ПВЛ.

Следует заметить, что во Введении к ПВЛ есть совершенно противоположное отождествление скифов с хазарами и болгарами: «...от Скуфь, рекше от козарь, рекомии Болгаре...». Вряд ли один и тот же летописец, автор ПВЛ, назвал бы «скифами» и «русь», и ее противников «хазар». А главное, при чтении Введения к ПВЛ фраза возникает в тексте неожиданно, хотя можно было бы ожидать, что она должна завершать какой-то сюжетно-законченный пассаж. Из Введения остается не ясным вопрос, какая же все-таки группа народов звалась «от грек» «великая Скуфь»? Исходя из текста, возможны разные варианты. Во-первых, возможно, что это — все народы Восточной Европы, перечисленные раньше. Во-вторых, — все перечисленные славянские «племена», от полян до тиверцев. В-третьих, что наиболее естественно, только уличи и тиверцы, названные последними перед этой ремаркой (ПВЛ 1996. С. 393–394).

Есть основания считать, что в пассаж о расселении тиверцев уличи были механически вставлены автором ПВЛ, опиравшимся на рассказ Начального свода об уходе уличей с Днепра после агрессии киевских князей (Соболевский 2006. С. 174–175; Щавелев 2015). Из этого следует, что пассаж о тиверцах существовал до создания текста ПВЛ и был осложнен вставкой, восходящей к Начальному своду. Поэтому нам представляется, что изначально фраза «да то ся зваху от грек Великая Скуфь» завершала пассаж о расселении тиверцев. Именно тиверцы заселяли области Причерноморья, которое с античности считалась местом обитания скифов (Подосинов 1984. С. 120–125).

Согласно гипотезе А.А. Гиппиуса, космографическое Введение ПВЛ изначально начинало летописный свод 1060–70-х гг. Никона Великого (Шахматов 2002. С. 284–309; Приселков 1996. С. 67–70), затем оно было элиминировано в «Начальном своде» и

снова восстановлено в ПВЛ (Гиппиус 2006; ср.: Мордасов 1971). Мы предполагаем, что пассаж о тиверцах был написан Никоном и присутствовал во Введении к его своду. И именно Никон назвал тиверцев «великая скуфь», ориентируясь на место их расселения. Затем этот пассаж, как и все Введение, был элиминирован в Начальном своде и восстановлен в ПВЛ с небольшим добавлением уличей.

Свод Никона А.А. Шахматов датировал 1073 г., но Свод может быть датирован и 1078 г. (Михеев 2011. С. 126–129), когда около 1077 г. Никон вернулся в Печерский монастырь и стал там игуменом. Иными словами, можно связать составление Свода не с первым временным и, видимо, не очень удачным возвращением Никона в Киево-Печерский монастырь, а со вторым, принесшим ему, наконец, в монастыре высший пост.

В пользу атрибуции пассажа о тиверцах с цитатой из «Вопросов и ответов» Анастасия Синаита Своду Никона говорит наблюдение С. Франклина, который обратил внимание на то, что текст другого ответа Анастасия Синаита (на вопрос об обрезании Авраама) был источником для нравоучительной статьи 6581 (1073) г. о конфликте Ярославичей и захвате власти в Киеве Святославом. Эта статья (и ее обличительный пафос) традиционно считается написанной Никоном (Franklin 1982. Р. 6–12; ср.: Шахматов 2002. С. 284–286; Приселков 1996. С. 69). Есть противоположное мнение об атрибуции идеологемы «братского раздела» и запрета его нарушать Начальному своду (Timberlake 2006, с ним согласился в последней работе А.А. Гиппиус: Гиппиус 2012. С. 56). Но мы все-таки считаем, что принцип «не преступать жребий братень» был сформулирован в Своде 1070-х гг. в статье ПВЛ 1073 года, где Сим ошибочно назван Сифом. Затем уже эта тема могла быть использована авторами последующих летописных сводов, в том числе и «Начального», в других статьях.

К этому можно добавить, что Никон должен был хорошо знать Причерноморье — в «Житии Феодосия Печерского» рассказано, как он и монах монастыря св. Мины, в прошлом боярин, вместе дошли от Киева до берега Черного моря и разошлись: Никон отправился в Тмуторокань, а чернец — в Константинополь (БЛДР 2004. С. 374). Сам Никон долгое время жил в Тмуторокани. Стиль его летописных известий отличался вниманием к исторической

ретроспекции, включая выражение «до сего дни», и «археологическим» деталям (памятники, словесные портреты и др.). Поэтому фраза «суть гради ихъ и до сего дне» в известии о тиверцах идеально соответствует его литературной манере (Каргер 1958; Кузьмин 2000; Михеев 2011. С. 61–72, 207–254).

На этих основаниях мы считаем, что пассаж о тиверцах был написан Никоном Великим, который и назвал во Введении к своему Своду 1060–70-х гг. тиверцев «великой скуфью», опираясь на перевод или оригинальный греческий текст «Вопросов и ответов» Анастасия Синаита и свои знания о географии Причерноморья. Никон, дважды используя текст Анастасия Синаита, сделал это, скорее всего, по памяти или самостоятельно обращаясь к греческому оригиналу (а не к Изборнику 1073 года или переводной хронографической компиляции), поэтому у него «Сим» передан как «Сиф», а «Скифия» как «скуфь».

Автор же ПВЛ сохранил словосочетание «Великая Скуфь» в расширенном Введении и применил его второй раз для обозначения всего русского войска князя Олега, явно обыгрывая схожесть этнонимов «скуфь» и «русь».

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аксентон Ю.Д.* Сведения о драгоценных камнях в Изборнике Святослава и некоторых других памятниках // Изборник Святослава 1073 г. Сборник статей. М., 1977. С. 280–292.
- Бибииков М.В.* Византийский прототип древнейшей славянской книги (Изборник Святослава 1073 г.). М., 1996.
- БЛДР — Библиотека литературы древней Руси. СПб., 2004. Т. I.
- Вольфрам Х.* Готы. От истоков до середины VI века (опыт исторической этнографии). СПб., 2003.
- Гиппиус А.А.* Два начала Начальной летописи: к истории композиции Повести временных лет // Вереница литер: к 60-летию В.М. Живова. М., 2006. С. 56–96.
- Гиппиус А.А.* До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.; Вологда, 2012. С. 37–62.

- Добровольский Д.А.* Этническое самосознание древнерусских летописцев XI – начала XII в. / Дисс... канд. ист. наук. М., 2009.
- Изборник Святослава 1073 г. Факсимильное издание в 2-х тт. М., 1983.
- Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. "Getica" / Пер. и коммент. Е.Ч. Скржинской. СПб., 1997.
- Каргер М.К.* К характеристике древнерусского летописца // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1955. Вып. 11. С. 59–71.
- Кузьмин А.В.* Боярский двор как историко-топографический комментарий летописца XI века // Герменевтика древнерусской литературы. М., 2000. Сб. 10. С. 44–51.
- Михеев С.М.* Кто писал «Повесть временных лет»? М., 2001.
- Мордасов В.И.* К истории текста Введения «Повести временных лет» // Проблемы истории феодальной России. Сборник статей к 60-летию В.В. Мавродина. Л., 1971. С. 38–42.
- Повесть временных лет / Подготовка текста, перевод, статья и комментарий Д.С. Лихачёва, Б.А. Романова, под ред. В.А. Адриановой-Перетц, 2-е изд. подг. М.Б. Свердлов. СПб., 1996.
- Подосинов А.В.* Овидий и Причерноморье: Опыт источниковедческого анализа поэтического текста // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1983. М., 1984. С. 8–178.
- Приселков М.Д.* История русского летописания XI–XV вв. / Подг. к печати В.Г. Вовиной. СПб., 1996.
- Соболевский А.И.* Несколько мест Начальной летописи // *Соболевский А.И.* Труды по истории русского языка. М., 2006. Т. 2. Статьи и рецензии / Сост. и подг. текста В.Б. Крысько. С. 171–183.
- Шахматов А.А.* История русского летописания. Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. СПб., 2002. Т. 1. Кн. 1: Разыскания о древнейших летописных сводах.
- Шахматов А.А.* «Повесть временных лет» и ее источники // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1940. Т. 4. С. 9–150.
- Щавелев А.С.* Захват территорий славянских «племен» «державой Рюриковичей» в первой половине X в. // Восточная Европа в древности и средневековье. XXVII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто: Государственная территория как фактор политогенеза. М., 2015. С. 328–335.
- Epiphaniae episcopi Constantiae Opera / Ed. G. Dindorfius. Lipsiae, 1862. Vol. IV. Pars I. De mensuris et ponderibus. De gemmis.

Franklin S. Some Apocryphal Sources of Kievan Russian Historiography // Oxford Slavonic Papers. 1982. Vol. 15. P. 1–27.

Migne J.-P. Patrologiae cursus completus. Series graeca. T. LXXXIX. Paris, 1860; T. XLIII. Paris, 1864.

Timberlake A. “Не преступати предѣла братняя»: The Entries of 1054 and 1073 in the Kiev Chronicle // Вереница литер: к 60-летию В.М. Живова. М., 2006. P. 97–112.

Е.А. ЯБЛОКОВ

СКИФЫ! ЧЕМ ТУТ БАХВАЛИТЬСЯ?

«АНТИСКИФСКАЯ» УСТАНОВКА В ТВОРЧЕСТВЕ М.М. ПРИШВИНА НАЧАЛА 1920-х ГОДОВ

В заглавии процитирована статья И.А. Бунина «Инония и Китеж» (1925), посвященная 90-летию со дня рождения А.К. Толстого. Автор статьи яростно обрушивается на апологетов «азиатского» начала в российской цивилизации: «Скифы! К чему такой высокий стиль? Чем тут бахвалиться? <...> Откуда вы взяли, что мы антиподы Европы? Туча монгольская прошла над нами, но это была лишь туча, и черт должен поскорее убрать ее без остатка. Нет, русские все-таки европейцы, а не монголы!» (Бунин 1998. С. 164).

Эта и подобные цитаты (не только из Бунина) иллюстрируют очевидную метафоричность слова «скиф» в общественном сознании рубежа 1910–1920-х гг. В русле «панмонголизма» В.С. Соловьева, «Петербурга» А. Белого, «Скифов» А.А. Блока и других авторитетных текстов Серебряного века (не только отечественных — вспомним Ф. Ницше или О. Шпенглера) «скифство» как идейно-художественное течение (по названию сборников «Скифы» 1917 и 1918 гг.) синтезировало императив русского мессианства и поэтизацию «восточной» составляющей русского национального характера.

Впрочем, реальные события в России заставили многих энтузиастов «скифства» радикально пересмотреть свои взгляды. Один из ярких примеров такого рода — творчество М.М. Пришвина начала 1920-х гг., в частности написанная летом (авторская датировка — 15 апреля – 9 июля: Пришвин 1995. С. 254) 1922 г. повесть «Раб обезьяний», впоследствии получившая заглавие «Мирская чаша (19-й год XX века)». Испытания, перенесенные Пришвиным в пору военного коммунизма, изменили отношение недавнего «скифа» к народу как традиционному мифу русской цивилизации

— наибольшей опасностью писатель считает стихийную «обезьянью» силу, угрожающую культуре (отсюда, в частности, его негативное отношение к роману Е.И. Замятина «Мы»: Пришвин 1995. С. 288). 29 октября 1920 г. Пришвин заносит в дневник: «Пишет Иванов-Разумник, зовет собраться скифам... нет!» (Пришвин 1995. С. 103). В письме к Р.В. Иванову-Разумнику 7–8 февраля 1922 г. Пришвин отказывается переехать в Петроград и вновь приобщиться к интеллигентской («эмигрантской») среде (Пришвин 1995. С. 234–235).

После изгнания в 1918 г. из елецкого имения семья Пришвиных воссоединилась в 1920 г. на родине жены писателя Ефросиньи Павловны — в деревне Следово Дорогобужского уезда Смоленской губернии. До конца октября 1921 г. Пришвин служил там учителем («школьным работником») школы II ступени, а также организатором музея в бывшем имении Барышниковых в селе Алексине. Именно этот опыт писателя отразился в «Мирской чаше». Одна из главных сюжетных линий повести — эволюция мировоззрения главного героя Алпатова, его отказ от «скифских» иллюзий.

Вначале Алпатов стремится актуализировать в своем музее скифскую тему, поскольку считает ее остро злободневной: «Была еще одна комната в музее, теперь в ней на гигантском пне стоит слепок панतिकопейской вазы с изображением скифа. Эта комната замыслов настоящего музея <...> ...комнаты всего дома будут посвящены безликой таинственной Скифии со спящей красавицей в ожидании своего Ивана-Царевича. Он есть, этот мир, и теперь, нужно только уметь подойти к нему. Потому с радостью встречает Алпатов посетителей из самого простого люда, напоминающих ему древних скифов» (Пришвин 1982. С. 497).

Однако энтузиазм героя быстро рассеивается, уступая место иронии и автоиронии. Характерно, что «цивилизаторское» (якобы западное) начало олицетворяет комиссар, фамилия-прозвище которого, Персук, актуализирует иранские — то есть «скифские» — коннотации. Адекватен и внешний облик персонажа — своей тупой монументальностью Персук напоминает языческого идола: «Такого бы непременно надо в музей в скифскую комнату» (Пришвин 1982. С. 501).

Вместе с тем глаза у Персюка — «как у Петра Великого при казни стрельцов» (Пришвин 1982. С. 499); и когда после разговора с ним Алпатов принимается вырезать из липового чурбана фигурку комиссара, у него выходит статуэтка Петра (Пришвин 1982. С. 501). На «западно-восточную» амбивалентность намекает и сопутствующее Персюку прозвище «Фомкин брат» (Пришвин 1982. С. 498), актуализирующее «близнецовые» коннотации, семантику двойственности: евангельская реминисценция вносит в образ этого страшного большевика идею сомнения, неполной веры. В пришвинском дневнике 6 сентября 1922 г. есть черновик письма Б.А. Пильняку, где сравниваются образы коммунистов — Архипова из «Голого года» и Персюка из «Мирской чаши». Пришвин здесь утверждает, что «Персюк вовсе не дурной человек», и основное преимущество «своего» коммуниста над пильняковской «кожаной курткой» видит в том, что Персюк по сути похож на крестьянскую массу: «...он едва отличим от мерзости и противопоставляется идеальной личности, пытающейся идти по пути Христа» (Пришвин 1995. С. 265).

Пассионарная энергия Персюка призвана ускорить движение истории — один из персонажей повести, Крыскин (впоследствии замученный тем же Персюком) говорит: «...недавно снилось, будто время... быстрое и произвольное... посадил лук, смотрю, а он через час уже в стрелку пошел, через три часа теленок вырос в быка, и рожь поспевает, — удивительно, какие штуки во сне бывают» (Пришвин 1982. С. 534). Скрытая ирония этих слов понятна при обращении к дневнику писателя за 23 февраля 1918 г.: «Теленок жует неизменно и через столько-то жевков становится быком, — если бы за него зацепилось время революции, вот бы чудо случилось настоящее: теленок стал бы мгновенно быком, лошади с плугами помчались бы по нивам, семена, брошенные в пашню эту, в несколько минут становились бы спелыми злаками — вот тогда бы я ответил всему чуду революции и сказал бы, что революция — не светящаяся прозрачная комета, а новая планета, и я променял бы свою землю на эту планету и поселился бы в новом социалистическом отечестве, — но я этому не верю и поклонюсь земле и времени» (Пришвин 1994. С. 33).

Первоначальное заглавие «Мирской чаши» — «Раб обезьяний» — обусловлено проходящей через всю повесть темой дегра-

дации человека как вида, возвращения в животное состояние: «...это не люди, это зверь безумный освободился» (Пришвин 1982. С. 485). На вопрос Персюка о происхождении человека от обезьяны Алпатов отвечает: «...этим долго интересовались, именно, что обезьяна доходит до человека, теперь, кажется, повернули обратно, интересуются, как человек, падая, доходит до обезьяны» (Пришвин 1982. С. 500). Массовая, стихийно-коллективистская пассионарность «скифского» типа вызывает у героя резкий протест: «...нельзя быть согласным с русской лесной обезьяной. <...> ...она живет стаями в своем лесу, и эта стая называется ложно община, мир, как ложно этой же стайе понимается слово “коммуна” не как собор, а как легион» (Пришвин 1982. С. 505–506).

Важно, однако, подчеркнуть, что в понимании писателя «скифская» стихийность проявляется не только в голом инстинкте и первобытном хаосе; она также символ противоположной крайности — сверхрационализма, цивилизации в шпенглеровском смысле (Гришина, Гришин 1995. С. 306). Эта мысль присутствует и в дневниковой записи Пришвина 1 декабря 1920 г.: «...коммунизм — это система полного слияния человека с обезьяной, причем в угоду обезьяне объявляется, что человек происходит от нее, и вообще господствующей государственной философией объявляется материализм. <...> Трагедия состоит в том, что человек сидит в одной тюрьме с обезьяной, и разбить тюрьму значит освободить и обезьяну, которая непременно посадит потом в тюрьму человека и распнет его» (Пришвин 1995. С. 110).

Таким образом, подлинная личность — человек «культуры» — оказывается под угрозой двух сходящихся противоположностей: первобытной «восточной» дикости и «западной» мещанской сверхцивилизованности. Последняя фраза повести — «черный ворон пересек диск распятого солнца, летел из Скифии клевать грудь Прометея, держал путь на Кавказ» (Пришвин 1982. С. 556) — не оставляет сомнений в «антискифской» установке писателя; однако очевидно также, что у Пришвина, в отличие от многих авторов рубежа 1910–1920-х гг., образ «скифа» парадоксально пребывает «между» Востоком и Западом, сочетая разнородные (по крайней мере, на первый взгляд) качества.

БИБЛИОГРАФИЯ

Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 гг. М., 1998.

Гришина Я.З., Гришин В.Ю. Комментарий // *Пришвин М.М.* Дневники 1920–1922 гг. М., 1995.

Пришвин М.М. Собрание сочинений: В 8 т. М., 1982. Т. 2.

Пришвин М.М. Дневники 1918–1919 гг. М., 1994. Кн. 2.

Пришвин М.М. Дневники 1920–1922 гг. М., 1995.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>А.Ю. АЛЕКСЕЕВ, Е.Ф. КОРОЛЬКОВА</i>	
Скифия и скифское в русском искусстве XIX – начала XX века.....	3
<i>В.А. АРУТЮНОВА-ФИДАНИЯ</i>	
«Северные племена» в ранней армянской историографии V–VII веков.....	7
<i>М.В. БИБИКОВ</i>	
«Скифы» в византийской традиции.....	13
<i>DAVID BRAUND</i>	
Orestes the Scythian?	17
<i>Ю.А. ВИНОГРАДОВ</i>	
Скифия и Боспор: Два века развития научной идеи в отечествен- ной историографии.....	18
<i>ANCA DAN</i>	
Herodotus' Measures of Scythia.....	23
<i>Т.Н. ДЖАКСОН</i>	
Скифия древнескандинавских источников: К истории сложения образа.....	31
<i>И.Е. ЕРМОЛОВА</i>	
Скифия в «Деяниях» Аммиана Марцеллина.....	34
<i>Д.Н. ЗАМЯТИН</i>	
Образ Скифии: Пространство и наследие.....	37
<i>А.И. ИВАНЧИК</i>	
Скифия как царство мертвых: Греческие представления о перифе- рии ойкумены.....	42
<i>Т.М. КАЛИНИНА</i>	
Образ Скифии в представлениях средневековых арабо-персидских ученых.....	44
<i>И.Г. КОНОВАЛОВА</i>	
Скифия в географическом сочинении ал-Идриси.....	50
<i>В.П. КОПЫЛОВ, А.Н. КОВАЛЕНКО</i>	
Образ устья Танаиса как территориального центра Скифии в представлении античных авторов.....	55

<i>А.П. МЕДВЕДЕВ</i> «Великая Скифия»: Критический анализ одного из понятий современной скифологии.....	62
<i>В.Т. МУСБАХОВА</i> Образ Скифии в трилогии о Прометее: Истоки и влияние.....	68
<i>С.М. ПЕРЕВАЛОВ</i> Секреты скифской непобедимости: Ab ovo.....	73
<i>М.А. ПЕТРОВ</i> Скифское царство Атея: Великая держава или историографический миф?	78
<i>А.В. ПОДОСИНОВ</i> География Скифии в античной литературе от Эсхила до Оросия....	84
<i>Е.Н. РОМАНОВА, Р.И. БРАВИНА, В.М. ДЬЯКОНОВ</i> Северная Скифия: Импульсы степных цивилизаций в историко-культурном пространстве Якутии (наследие, контекст, образ).....	90
<i>М.В. СКРЖИНСКАЯ</i> Скифия в «Естественной истории» Плиния Старшего.....	97
<i>TSVETELIN STEPANOV</i> ‘Scythian’ Roots of the Bulgar Religion: Some Historical and Historiographic Remarks.....	102
<i>Л.С. ЧЕКИН</i> Скифы в этнолингвистических классификациях первой половины XIX века.....	107
<i>П.В. ШУВАЛОВ</i> Разные псевдо-скифы в «Стратегиконе» Маврикия.....	111
<i>А.С. ЩАВЕЛЕВ</i> От позднеантичного хоронима <i>Μεγάλη Σκυθία</i> к древнерусскому летописному этнохорониму «Великая Скуфь»: Обзор текстов.....	117
<i>Е.А. ЯБЛОКОВ</i> Скифы! Чем тут бахвалиться? «Антискифская» установка в творчестве М.М. Пришвина начала 1920-х годов.....	126